Михаил Садовяну

Племя Шоймару

Издательство „Детская Литература“

Михаил Садовяну

Племя Шоймару

Роман

•

Перевод с румынского
М. В. ФРИДМАНА

Москва
„Детская
Литература"
1977

С 14
И(Рум.)

Mihail Sadoveanu
NEAMUL ŞOIMĂREŞTILOR
Bucureşti, Opere, V. 5.

Роман классика румынской литературы М. Садовяну рассказывает о тяжелых и героических временах древнего княжества Молдова, о войнах и междоусобицах князей, об упорной борьбе мужественных защитников народных прав.

Редактор Ю. Г. Светланов

Художник О. Гроссе

© Перевод на русский язык. Иллюстрации. Предисловие.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1977 г.

С $\frac{70803-220}{М101(03)77}$ 381—77

ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга мудрая и увлекательная 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ
В излучине Сакса 9

ГЛАВА ВТОРАЯ
Иные сражения выигрываются быстро 12

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Кому пировать, а кому горевать 18

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Как становятся побратимами 23

ГЛАВА ПЯТАЯ
Дорожные сборы 26

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Появляется боярин Строе 30

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Драгоценная добыча 35

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Олесь не ошибся 39

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Боярин Орхеяну мирится с дедом Кирилэ 45

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Радость боярина Строе 48

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
Боярин Строе — добрый бражник 53

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Молодые тайны леса 56

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Крест на могиле рэзеша 60

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Тудор Шоймару колеблется 65

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
Томша вступает на княжеский престол 68

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
Поездка за Днестр 76

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
Учтивый шляхтич 81

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
По прихоти случая 87

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
Свидание 91

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
Грезы пана Корибута 95
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
Птенец возвращается в гнездо 101
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
Тень Ионашку 105
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Древние грамоты 108
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Рэзеш обретает родину 115
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
Бояре замышляют недоброе 118
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
Что может сказать бесхитростная девушка 124
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
Тревоги князя Томши 129
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
Кровавый суд 132
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
Сговор в стане вдовы Иримии 136
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
Старые друзья встречаются вновь 142
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
И власть недолговечна, как все на этом свете 147
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
Печали боярина Строе 154
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Настают тяжелые времена 159
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Магда появляется в третий раз 163
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
Мертвые повелевают живым 167
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
У каждой истории бывает конец 171

КНИГА МУДРАЯ И УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ

Не торопись, юный читатель, перевернуть страницы предисловия! В грохоте сражения, в быстрой смене событий, изображенных в первых главах, не сразу откроется тебе та большая, очень важная истина, ради которой написан роман «Племя Шоймару».

В твоем учебнике по истории средних веков истина эта повторяется неоднократно, суть ее сводится к тому, что на протяжении всего средневековья в Европе происходила жестокая борьба за землю между крестьянством и феодалами. Роман Михаила Садовяну (1880—1961) — одно из тех произведений, которые наполняют это утверждение дыханием подлинной жизни, делают читателя свидетелем далеких и волнующих событий.

Почему обратился писатель к этой теме?

Он был сыном крестьянки, внуком барщинника, племянником горного пастуха. Подлинной родиной он считал не молдавский городок, где жил отец, юрист по профессии, а село на берегах Молдовы-реки, где трудился дед-колесник. Оттуда вдали виднелись горные вершины Карпат, в соседних долинах белели развалины древних крепостей, неподалеку проходил старинный торговый шлях. Названия окрестных деревень, городов, рек встречались в летописях и учебниках истории. . .

Первым настоящим учебником жизни Садовяну всегда считал рассказы матери о сельской старине, о горестях крестьянской жизни. «Это она передала мне зрение, слух и улыбку древних пастухов», — скажет он позднее. Потом, в начальной школе, он самозабвенно слушал рассказы учителя о битвах предков за свободу и землю. «Я словно слышал наяву шум битв, а ночи напролет мне снились древние герои. . .»

Но история не сводилась к одним рассказам о прошлом, она творилась на его глазах: первый год учебы в школе совпал с началом крупных волнений в молдавской деревне, первые произведения увидели свет накануне грозного крестьянского восстания 1907 года. Будущий писатель рос чутким и пристрастным свидетелем страданий бедняков, тех, кто, по словам одной рабочей листовки, «расходовал на свое питание по гривеннику в день, в двадцать раз меньше того, во что обходится содержание скакуна на конюшне».

Ему еще не было тринадцати лет, а он уже задумал роман о славном гайдуке, защитнике бедных, Флоре Корбяну. Другая мечта юности, которую он осуществит лишь сорок лет спустя, — книга о времени Штефана Великого, когда Молдавия успешно отражала нападения турок, татар, венгров, поляков. В 1902 году Садовяну заканчивает первое историческое произведение, повесть «Соколы» — о казаке-запорожце Иване Подкове, которого писатель изображает братом князя Иоана Храброго, «отца народа», отомстившим боярам за его гибель. Но его все настойчивее преследует мысль написать книгу, которая стала бы убедительным художественным свидетельством законных прав трудового крестьянства на землю, отнятую несправедливо феодалами.

Был у молодого писателя чуткий друг, опытный наставник — критик Г. Ибрэиляну, с которым он делился своими замыслами. Тот высказывал серьезные сомнения: можно ли написать правдивое произведение о далекой исторической эпохе, о которой сохранились лишь немногие письменные свидетельства... Можно, утверждал Садовяну, если правду об этой поре искать не только в письменных свидетельствах, но и в той неписаной книге, которую народ бережно передает от поколения к поколению, — в народных обычаях, легендах и преданиях, песнях и балладах, «сохранивших цвет души поколений».

К лету 1912 года замысел романа окончательно созрел. Садовяну приступает к рассказу о событиях, происходивших **ровно три столетия назад.**

Взгляни, читатель, на карту народных восстаний XVI и XVII веков в твоем учебнике, и ты убедишься, что выбор этот не случаен. В России только что отгремела крестьянская война, а в 1612 году народное ополчение

освободило Москву от польско-литовских интервентов. Набирает силу борьба крестьян Украины против польского владычества, в середине века она перерастет в освободительную войну и приведет к присоединению свободной Украины к России. Не прекращаются крестьянские волнения в Чехии и Германии, где память народа хранит предания о героических гуситских войнах, о великой крестьянской войне. Вновь и вновь поднимаются с оружием в руках народы Балкан, порабощенные Османской империей. Слава о подвигах гайдуков и поныне жива в песнях и балладах.

А теперь представь себе положение маленького молдавского княжества, окруженного воинственными и могущественными соседями, такими, как Османская империя с юга. Польское королевство с севера, Крымское и Буджакское ханства с востока. С не меньшим упорством подрывали изнутри силы княжества крупные феодалы: они отнимали земли у рэзешей (крестьян-общинников), восставали против власти молдавских господарей. К этому времени Молдавия была уже данницей Османской Порты, но междоусобная борьба за ее престол продолжалась между представителями боярских родов, и каждый претендент приводил с собой войска друзей и покровителей.

Вот почему в битве у излучины Сакса, с описания которой начинается роман Садовяну, участвуют такие различные силы: с одной стороны, молдавское войско семьи Мовилэ, отряды польских рыцарей, казацкая конница; с другой — рэзешские отряды князя Штефана Томши, турецкие янычарские части, татарская конница. О Томше летописец писал: «Он был добр особливо к бедному люду, но нещаден с боярами, ибо они попирали бедноту».

Поучительная история капитана Тудора, сына отважного рода Шоймару [1] поможет тебе глубже понять, что в мире, в котором царит классовое неравенство, насилие, нельзя оставаться равнодушным зрителем, что место всякого честного человека — на стороне угнетенных. Именно это хотел подчеркнуть Садовяну.

Для писателя особенно важно создать характеры живых людей того времени, с их радостями и горем, особым отношением к судьбам родной земли и к окружающей

[1] Шоймар по-румынски значит «сокольничий».

природе, с их мечтой о справедливости и человеческой жизни — и через этих своих героев показать ту далекую эпоху, раскрыть ее особенности. Поэтому он не считал обязательным добиваться абсолютной исторической достоверности описаний эпохи, быта, иногда даже допускал некоторые неточности.

Ознакомившись с романом, критик Ибрэиляну признал, что был неправ: первый в истории румынской литературы исторический роман удался, на его страницах ожила далекая пора с ее народом и ее борьбой. Книга Садовяну перебрасывала мост из прошлого в настоящее, учила бороться за попранные права трудового люда, за справедливую жизнь.

История уже дописала концовку к этой и другим книгам Садовяну. В годы народной власти художник писал, обращаясь к героям своих первых произведений: «Мир вам, безутешные жертвы! Над вашими могилами взошло солнце новой жизни. Страдания и боль ваша растворились в искупительной радости внуков и правнуков. Из этих страданий взошел красный цветок справедливости и человеческой любви».

М. Фридман

Глава первая

В ИЗЛУЧИНЕ САКСА

Грозный гул сражений разносился в то утро по пустынным берегам Прута в излучине Са́кса. Это было в 1612 году, в самую пору цветения лип.

Еще на заре с Поприка́нских холмов двинулось на север пестрое полчище Ште́фана То́мши. А навстречу ему вниз по течению повели свои польские и казацкие отряды и малое местное ополчение родовитый шляхтич Пото́цкий и князь Константи́н Мови́лэ.

Гарцевавший на белом арабском скакуне Томша то и дело привставал на стременах высокого седла и нетерпеливо всматривался в даль прибрежных равнин. Потом хмуро окидывал слегка косящим взглядом тесные ряды янычар, буджа́кских татар, вала́хов и жителей Нижней Молдо́вы. Лазутчики только что приволокли на арканах «языков» — они подтвердили, что князь Константин спешно ведет свои полки к излучине Сакса.

Пустив коня медленным шагом, Томша в последний раз обратился к двум окровавленным казакам, в изодранных свитках, которых вели татары:

— Так вся рать сюда двинулась?

— Вся, — хрипло отозвался один из пленных, подняв на князя выцветшие глаза.

Второй, приземистый, широкоплечий, зло усмехнулся в густую бороду:

— Рать крепкая, христианская. . .

Ага Гусе́йн, посланец Порты, ехавший стремя в стремя с Томшей, полюбопытствовал:

— Что говорят гяуры?

— Ничего, — с притворным равнодушием ответил Томша, но рука его привычно потянулась к серебряному шестоперу.

— Вздернуть их на первом суку! — глухо приказал он всадникам.

Татары и пленные отстали. Гусейн и Томша пришпорили коней. Турок взглянул на князя черными глазами и снова заговорил:

— Махму́д вчера дошел до самого ляшского стана. Надменный лях, — так он называл Потоцкого, — передал ему предерзкие слова: «Уходите прочь! Да чужака с собой захватите, не то беды не миновать. . .»

— Это я-то чужак? — воскликнул Томша, и косящий глаз его злобно сверкнул. — Они чужаки, они: и эти бабы, и весь род Мовилэ с их панами, рейтарами, французскими наемниками. Грабят и обирают несчастную Молдавию. Свили тут осиное гнездо. Никто им не указ — ни местный люд, ни Порта.

— Потоцкий — смелый воин, — неторопливо ответил турок. — Не раз сражался в Молдавии. Это он возвел на княжение Ирими́ю и сгубил Рэзва́на.

— А нынче, — упрямо твердил Томша, — пожаловал сюда по наущению вдовы Иримии. Не женщина — змея! Ее надо растоптать прежде других. Но ничего, настанет и ее час. А пока переломим хребет Потоцкому да сынков ее порежем, как ягнят. . .

— Там видно будет, — спокойно возразил Гусейн. — Скоро узнаем волю великого аллаха.

— Небо поможет нам! — воскликнул Томша. — За нас народ и сам правитель мира.

— Взгляни, друг, сколько седины в моей бороде, — все так же невозмутимо продолжал Гусейн. — Каждый седой волосок в ней — это след моих трудов и невзгод. Много раз бывал я на коне, часто — и под конем. Пути всевышнего неисповедимы. . .

— Ага Гусейн, — горячо возразил князь, — мужественному сердцу неведом страх! К тому же со мной ты — многоопытный воин, янычары пресветлого султана, Кантемир со своими татарами — а они не раз бивали

поляков — да бывалые ратники-молдаване. У меня на жаловании отважные капитаны князя Михáя [1] — Мы́рзу, Гéця, Рéча и другие.

— Что молдаване! Нынче они с тобой, завтра, глядишь, переметнулись в стан врага.

— Нет, ага Гусейн, ты неправ! Мои молдаване — люди крепкие, ратное дело у них давно в почете. Это жители Оргéева и Сорóк, привычные драться и с поляками и с казаками.

— Что они понимают, — пробормотал турок, скривив блеклые губы, обрамленные пышными усами и короткой бородкой.

— Многое! А капитаном над ними — Ту́дор Шоймáру, тоже из местных. Он побывал в чужих землях, достойно служил и у немцев и у мадьяр. . .

— Там видно будет, — примирительно ответил Гусейн. — И вдруг встрепенулся, подобрался, привстал на стременах и, сдвинув густые брови, уставился вдаль круглыми глазами, слегка морща свой крючковатый нос. — Что это там? — быстро спросил он.

Томша нетерпеливо посмотрел туда же. У самого горизонта что-то зачернелось, легкие облака пыли взметнулись над обожженной землей.

— Неприятель! — глухо сказал Томша и тревожно покосился на своего соседа.

Медлительность и неповоротливость Гусейна словно рукой сняло. Выхватив кривой клинок, он поднял его над головой и испустил суровый клич. Среди грохота копыт и ратного гула послышались крики военачальников, заметивших блеск его клинка. Полки, заполнившие равнину и окрестные волнистые луга, остановились, шум понемногу стих, как затихает река, перехваченная запрудой.

Томша и Гусейн увидели: с правого крыла, где близ серых вод Прута двигались татары, к ним во весь опор несется их предводитель в дорогом уборе и шапке с переливающимся на утреннем солнце алмазным пером.

— Это Кантемир-бей, — сказал Штефан Томша.

— Он тоже заметил врагов — потому и примчался, — подтвердил турок, в то время как живые глаза его быстро и внимательно обшаривали окрестные равнины. Сумрачно сведя брови, часто мигая, он что-то обдумывал.

Томша, волнуясь все больше, дотронулся рукой до кольчуги под пышной бархатной, с серебряными узлами ферязью, затем нахлобучил на голову горлатную шапку со страусовыми перьями, потуже затянул узкий пояс, на котором висела дорогая, дамасской чеканки сабля, и мысленно

---

[1] Михáй Храбрый правил в Валахии (1593—1601). В 1600 году объединил под своей рукою Молдавское и Валашское княжества и Трансильванию.

сотворил короткую молитву, но не посмел осенить себя крестным знамением: рядом был турок.

Татарский бей Кантемир подлетел, точно принесенный ветром, осадил коренастого степного конька и, подняв руку, крикнул по-турецки:

— Что будем делать?

Гусейн безмолвно коснулся ладонью лба и губ в знак приветствия. Томша дружелюбно улыбнулся. Бей переводил глаза с одного на другого, ноздри его раздувались, как у степного скакуна. Это был молодой, видный из себя всадник, с бледным лицом и маленькими, иссиня-черными глазами.

— Если ударить на них теперь, у самого изгиба реки, — скороговоркой проговорил он, — мы их враз опрокинем и развеем.

— Мудрые слова изрек наш друг, — кивнул Гусейн.

— Ну так вперед! — крикнул Томша, нетерпеливо ерзая в седле и то и дело теребя привязанный к луке шестопер.

Совет военачальников был недолгим; они быстро договорились о расположении полков: татарское войско оставалось справа на берегу реки, турки с пушками — посередине, а валахи и молдаване Томши должны были драться на левом крыле. Стремительным обходным ударом надо было загнать врага в капкан речной излучины.

Кантемир-бей обнажил ятаган с серебряной насечкой и помчался к орде. Томша, припав к гриве коня, не спеша поскакал сквозь ряды воинов. А Гусейн, помолчав, медленно и торжественно обратил лицо на восток, к Мекке. Его янычары поворотились в ту же сторону, и в войске воцарилась глубокая тишина. Только слева, оттуда, где стояли молдаване бояре, мелкопоместные мазы́лы и простой люд, — доносился неясный гул, будто ветер шумел в листве недальней дубравы.

Глава вторая

ИНЫЕ СРАЖЕНИЯ ВЫИГРЫВАЮТСЯ БЫСТРО

Протяжно завыли трубы, забили барабаны, и войско Томши пришло в движение: впереди по левую и правую руку выступала конница, пешие отряды и пушкари немного отставали. Полки князя Мовилэ сгрудились на низком берегу излучины среди серых рощ. Лихорадочно, словно перед надвигающейся бурей, засуетились воины.

Томше не терпелось поскорее обойти верхнее крыло неприятельских войск, он торопил своих конников, тревожно следя за спешными приготовлениями Потоцкого. Плотно сжав губы над короткой черной

бородкой, он ждал своего часа. У князя Мовилэ полков мало, да и те, что есть, набраны в спешке. По всему видно — победа близка. После долгих тревог и унижений он, даст бог, воссядет на желанный ясский престол, и тогда, как он не раз говаривал с улыбкой своим сторонникам, сумеет навести порядок в вотчине молдавских бояр.

В стане Потоцкого громыхнула пушка. Томша вздрогнул, кровь заиграла в жилах.

— Начинается! — с деланной улыбкой крикнул он старому капитану Рече, скакавшему рядом.

— Казаки пошли, — ответил тот. — Что прикажешь, господарь?

— Ждать назначенного часа, — глухо проговорил Томша.

Дым от первого выстрела рассеялся в воздухе, пронизанном солнечным светом. Потом неприятельские полки снова заволокло белесой мглой, и вскоре сквозь редеющий дым стала видна казацкая конная громада. Две тысячи вершников, выставив вперед копья, стремительно неслись на своих быстрых низкорослых конях. Дикий гул голосов, подобный отдаленному грому, покатился по равнине, потом ненадолго смолк, чтобы вновь зазвучать с удвоенной силой. Послушные голосу Кантемир-бея и наклонению его бунчука [1] с конскими хвостами, буджакские татары натянули поводья и прильнули к гривам коней. Орда колыхнулась и ринулась навстречу несущейся на нее казацкой лаве — войска сшиблись. Запорожцы разили неверных копьями и саблями и вдруг, рассыпавшись в разные стороны, разбились на мелкие стайки и стали торопливо отходить. Воины Кантемира, пришпорив коней, с пронзительным визгом вырвались на равнину. В своих одеждах из овечьих, медвежьих и волчьих шкур они мчались на диких скакунах, преследуя врага. Войска смешались, слились в одну беспорядочную толпу.

Тем временем Потоцкий двинул новую рать: вперед пошла польская конница в ярких разноцветных одеждах. Турецкие знамена склонились в сторону Прута, янычары, сверкнув оружием, бросились навстречу полякам. После первой же их атаки на малочисленные полки ляхов и казаков, запертых в излучине реки, повеяло ужасом проигранного сражения. Под многоголосые дикие крики победителей они отступили, и молдавский отряд князя Мовилэ, лихо двинувшийся было в бой, первым бросил на землю оружие.

И тогда, криво усмехнувшись, Томша повел на них свои конные отряды. Днестровские рэзеши [2] в темных одеяниях, вооруженные пищалями и сулицами, ринулись в бой. Татары, янычары и молдавская конница

---

[1] Бунчу́к — знак власти вождя; конский хвост на длинном древке.

[2] Рэзе́ши — мелкие вотчинники, жившие общинами на основе долевого землевладения.

смешались. Но первыми обрушились на полк князя Мовилэ люди Томши. Побежденные, поняв, что их разят свои же молдаване, взмолились: «Братцы, не убивайте, сдаемся. . .» Но Томша, бешено вращая глазами, кричал, подняв палаш:

— Руби их без пощады, бей!

Началось избиение, кровь текла ручьями, в лучах солнца алые лужи на земле казались исполинскими рубинами.

Ага Гусейн внимательно вглядывался круглыми глазами в толчею рукопашного боя. Словно куча гальки, смываемая бурным половодьем, редело и таяло ядро войска Потоцкого. Мимо, торжествующе ухмыляясь, промчался Томша. Не останавливая коня, бросил на ходу:

— Айда с нами, ага Гусейн!

— Нет, — ответил турок. — Дело сделано, и я спокоен. Это уже не бой, а резня. Такого я немало навидался на своем веку. . .

Но Томша не слышал его: наладив к удару палаш, он настигал польского рыцаря в красном плаще, накинутом на панцирь. Поляк внезапно обернулся и замахнулся тяжелой, длинной саблей. Томша осадил коня и откинулся в седле. Молодой безусый рыцарь ринулся на него, схватив обеими руками саблю, но не успел он ударить, как увидел, что к нему приближается воин поопасней; поляк, должно быть, сразу узнал его. То был Кантемир, державший в руке легкое копьецо с обагренным кровью наконечником. Поляк опустил саблю, повернул коня и помчался, петляя меж сражающихся воинов. Томша погнал белого скакуна, догнал врага и рубанул с маху меж лопаток. Голова рыцаря дернулась вперед, тело повалилось набок, конь, дрожа и всхрапывая, остановился как вкопанный.

Кто-то с грозным ревом подскакал к обоим преследователям. Томша погнал коня прочь, и Кантемир-бей оказался один на один с краснощеким, наголо обритым поляком. Громко и воинственно крича, поляк вертел над головою саблей, сверкавшей на солнце сотнями молний. Татарин кольнул его копьем, которым в тот день сразил немало врагов. Но острие копья уперлось в кольчугу поляка. Тогда Кантемир, втянув голову в плечи, рванул повод, бросив коня в сторону. Гибкий, увертливый, как зверь, татарин на мгновение застыл, всматриваясь в багровое лицо поляка, точно выискивая место, куда направить копье. Но тут удар сабли обрушился на голову татарского коня. Почувствовав, что тот падает, Кантемир вовремя оставил стремена и соскочил на землю, но клинок ляха, подобно стальной вертушке, опять приблизился и навис над ним. Пришлось отступить. Скрипнув зубами, Кантемир отпрянул в сторону, потом подскочил, ткнул копьем неприятеля в бок. Поляк захохотал, разинув большой щербатый рот. И тут Кантемир понял, что погиб.

Великан, подняв саблю и затаив дыхание, готовился нанести ему

страшный удар, каким бывалые дровосеки рассекают одним махом колоду до земли.

Но еще раньше это заметил всадник, который остановился чуть поодаль и всматривался в гущу битвы. В это время другой всадник, подскакавший к первому, крикнул: «За мной, Шоймару!» Молниеносно поняв друг друга, они бросились с двух сторон на поляка. Залитый кровью, щербатый великан отступал, изрыгая проклятья. Наконец его повергли наземь. И всадник, которого назвали Шоймару, нанес ему последний удар.

— Этот удар самый сладкий — его уже не чувствуешь, — сказал он Кантемир-бею.

— Поспешим, скоро битве конец, — проговорил второй. — Кажется, среди ляшских гайдуков мы найдем и Потоцкого и отпрысков Иримии Мовилэ.

Кантемир последовал за своими спасителями. Между тем ага Гусейн наглухо, точно крепкой стеной, запер своими отрядами речную излучину, и загнанные в обоз гайдуки стали бросать оружие. В поношенном, накинутом на одно плечо кафтане, среди воинов показался бледный, насупившийся Потоцкий. Татары и молдавские конники Томши застыли, держа сабли наготове. Сражение понемногу затихло, побежденные склоняли головы.

— А вот и Потоцкий, — сказал Шоймару своему товарищу. — Под его началом дерутся отпрыски Мовилэ.

Надменный поляк услышал свое имя. Окинув небрежным взглядом говорившего, он сказал, ни к кому не обращаясь:

— Позовите агу Гусейна. Я его пленник.

— Князь Томша тоже тут, — сказал кто-то из воинов господаря.

Потоцкий презрительно вздернул подбородок и вдруг заметил устремленный на него пронизывающий, злобный взгляд смуглого человека в дорогой, надвинутой на брови горлатной шапке. Заметив, что тот схватился за палаш и надвигается на него, рыцарь поспешно отступил.

— Собака! — взревел Томша. — Сейчас ты узнаешь, кто я такой!

Гордый, стройный Кантемир встал между ними.

— Пленник наш, — коротко и решительно молвил он.

Томша сверкнул косящим взглядом и опустил палаш. Он не проронил ни слова. Но тонкие его губы дрожали от гнева.

К ним пробился отряд татар с поднятыми пиками. Раскосые буджакские воины, забрызганные грязью и кровью, дружно приветствовали своего бея. Потом умолкли, часто дыша.

— Что случилось? — спросил Кантемир.

— Бей, мы поймали младшего сына Мовилэ. Он тут, с нами...

Подталкиваемый мордами коней, из-за татар показался русый отрок.

Он был простоволос и полураздет. Воины Кантемира успели сорвать с него шапку, кунтуш и оружие. С напускной беспечностью и отвагой он стоял, оглядываясь по сторонам. Остальные молча смотрели на него.

— Этот тоже пленник аги Гусейна? — спросил Томша.

— И этот наш, — с гордым видом подтвердил Кантемир.

Томша снова промолчал. Он тяжело дышал, рука лихорадочно искала рукоять шестопера.

— А где другой брат? — спросил бей.

— Кто его знает, — ответил один из татар.

Один из пленных казаков крикнул им что было мочи:

— Твои татары, бей, увезли его — в подарок хану. Своими глазами видел.

— Ты видел? — вспыхнул Кантемир.

— Своими глазами.

Бей повернулся и кинул бешеный взгляд на своих конников:

— Слышали?

Никто не ответил.

— Вы слышали? — повторил он. — Кто дерзнул украсть нашего пленника? — Его ладонь легла на рукоять кинжала.

Татары безмолвствовали.

— Махмуд! Возьми сотню и скачи вдогон, — велел Кантемир.

Махмуд, широкоплечий воин с изуродованным оспой лицом, выступил вперед и простер руку к бею:

— Слушаюсь, повелитель, лечу тотчас вслед!

Между тем победители прибирали к рукам добро побежденных. Рылись в обозах, протыкали сулицами возы. За частоколом татарских копий толпились пленные, обобранные до нитки. В воздухе замелькали шести- и восьмихвостые сыромятные плети, и побежденные понуро зашагали через тела убитых, скользя в лужах крови.

Неторопливо подъехал ага Гусейн. Томша вышел ему навстречу.

— Сегодня аллах был милостив к нам, — сказал турок, поглаживая бороду, — победа была скорой и полной.

— Я же говорил, что мы победим...

— Говорил, но знать не мог... — возразил Гусейн, глядя на него без улыбки. — Теперь время расположить войска на отдых по окрестным деревням, а завтра двинемся на Яссы — выполнять повеления великого султана...

Кантемиру подали коня. Так же, как и перед боем, предводители войск наскоро посовещались о пленных и добыче. А вокруг них, как на ярмарке, шумела толпа. Никто уже не обращал внимания на убитых и раненых, лежавших на окровавленной земле — кто ничком, кто навзничь, пораженных ударом палицы или сабли, застывших в смертных корчах. Стоны ра-

неных напоминали жалобное причитание нищих калек. Живые собирались бросить павших в пустынном и безмолвном поле. Татары подгоняли невольников, стегая их плетьми, покалывая копьями. Люди скользили в крови, обходя тела убитых и раненых. Пестрое скопище возов, телег, коней, быков сдвинулось с места.

Тем временем крестьяне Томши, растянувшись цепью, ловили беглецов в прибрежных рощах. По велению князя пойманных тут же рубили топорами. Тех немногих, что кинулись вплавь и достигли противоположного берега, подстерегала стража татарского обоза. Смерть настигала их отовсюду. И стоило войску оставить поле битвы, как над ним закружились мухи и закружились первые стаи карпатских орлов, непременных спутников бедствий и войн.

Глава третья

КОМУ ПИРОВАТЬ, А КОМУ ГОРЕВАТЬ

Победители разделили добычу: татары получили невольников и обозы, ага Гусейн — княжеского сына и прочих вельмож, Томша — молдавских бояр, сопровождавших сынков Мовилэ. Когда войско вернулось в стан на Поприканских холмах, ага Гусейн пожелал увидеть Потоцкого и юного княжича. Долго смотрел он на них, затем велел сказать через толмача:

— Вы во власти великого падишаха.

Потоцкий надменно напомнил:

— Мы — высокого рода и требуем подобающего обхождения.

Глаза турка сверкнули.

— Каждый из вас — щепотка пыли под пятой нашего повелителя, — сказал он. — Думаю, пан Потоцкий, что я еще увижу тебя в башне стамбульской темницы.

По его знаку стена янычар в белых войлочных шапках сомкнулась вокруг пленных. Между палатками и нагруженными возами, понурив головы и пугливо озираясь по сторонам, пробирались взлохмаченные невольники. Близился час обеда и отдыха. По повелению аги Гусейна, предводителя воинов Порты, янычарские отряды со своими начальниками стали собираться на совет и молитву у котлов с едой. Шумный ратный стан, напоминавший пестрый муравейник, постепенно затихал в лучах палящего солнца.

Ага Гусейн погладил седую бороду, потом протянул руку в сторону пленников. Приложив ладонь к груди, сказал с улыбкой Томше:

— Господарь, молдавские бояре — твои. Разберись с ними...

Томша пронзительно рассмеялся, обнажив зубы.

— А я пойду к своим янычарам, — продолжал торжественно турок. — Мое место среди воинов аллаха. Сам великий султан — наш воин, имя его занесено в списки янычар, и жалование положено ему янычарское. Я привык молиться, воевать и есть вместе с ними...

Коснувшись ладонью груди, рта и лба в знак приветствия, он направился туда, где виднелись ряды войлочных шапок и пищалей.

Татары торопливо ели около своих коней, держа в одной руке краюху черного хлеба, в другой — кусок жареной баранины. Они спешили, пора было вести пленных на восток, стезею рабов, в горькую буджакскую неволю.

Новый властелин страны огляделся и коротко позвал:

— Симео́н Бы́рновэ, где ты?

— Я тут, господарь, — ответил товарищ Тудора Шоймару, представ перед князем.

— А где Тудор Шоймару?

— И он здесь, господарь.

Шоймару, работая локтями, пробился поближе к князю.

— Сегодня вы оба отличились, — мягко проговорил Томша, окидывая их беглым взглядом. — Вы храбро дрались вместе со своим господарем. И все остальные тоже, — прибавил он, повышая голос. — Знайте же, что никто не будет обойден нашей милостью. И вы, мои ста́рые капитаны, были подобны волкам в стаде глупых овец. Всех одарю по справедливости...

И князь взглянул на седоусых воинов князя Михая, которых держал на жалованье. А они устало и спокойно взирали на него из-под железных киверов, держа руки на рукоятях сабель.

— Чего вы просите? — вновь обратился Томша к двум друзьям.

Молодые, стройные, они спокойно стояли перед ним в черкесках с серебряными галунами и меховых шапках — такие черкески и шапки, подороже и победнее, носили все конники-бояре. На Тудоре Шоймару были высокие, до колен, сапоги — такие носили тогда в немецкой стороне.

Симеон Бырновэ, потомок древнего молдавского рода, смело проговорил:

— Мне, господарь, ничего не надо, лишь бы настала справедливость на молдавской земле...

— Добрые слова, — перебил его князь с легкой улыбкой. — А тебе, Шоймару?

— Я много скитался, господарь, и теперь хотел бы поскорее проведать родичей, которых не видел со времен Арона-во́дэ... [1]

———————

[1] А р о н, прозванный «Тираном», правил в Молдавском княжестве с 1591 по 1595 год (с перерывами). «В о д э» означает «князь».

— Выходит, никто ничего не просит! — воскликнул Томша. — Погодите, скоро и казна и сердце мое наполнятся добром, все получат по заслугам. . . Ибо я во имя правды пришел в молдавскую землю. Она измучена и стонет от притеснений и междоусобиц. Мовилэ и их свора обобрали и растерзали ее. Они и меня сделали бесприютным скитальцем. . .

Глаза князя гневно вспыхнули. И тут позади него вырос арма́ш[1] Никори́цэ, не по летам подвижный, с острым носом и настороженными глазами.

— Прикажешь привести пленных бояр, господарь? — услужливо спросил он.

— Веди, — кинул Томша через плечо.

Воины и свита нового князя расступились. Бырновэ шепнул Тудору на ухо:

— Видел? Армаш сразу учуял, что князь во гневе. Да и нетрудно догадаться: посмотри, как загорелись у него глаза и вздулась на лбу жила. . .

В окружении отряда пехотинцев перед Томшей предстало несколько понурых бояр.

Князь молча смотрел на них исподлобья.

— Ну что, вражьи дети? —загремел он внезапно. — Попались? Лиходеи, подлизы Иримиевой бабы. . . А, и ты тут, гетман Бали́ка, и ты, Кири́цэ-постельничий. Э, да и пан Миро́н-стольник, оказывается, здесь. . . Неплохой улов. Какие жирные барашки. . . А у меня для вас и мясник добрый припасен — раб из цыган, он и душить мастер, и топор у него в руках горит. . .

Повернув голову к Никорицэ, он добавил:

— Пусть Янку Цыган нынче же и покончит с ними. А головы принеси мне. Погляжу тогда, как они будут на меня смотреть.

Резким движением он ударил булавой ближайшего боярина и крикнул:

— Уведите их!

Настала тишина.

Томша огляделся:

— А где же Васи́ле Стро́ич? Я видел его среди пойманных. Его я прощаю, он молод, и с отцом его мы когда-то дружили. Где пан Строич-логофэ́т?[2].

— Его ведут, господарь. . .

— Пусть посмотрит, армаш, как полетят боярские головы, может, образумится. . .

---

[1] Начальник артиллерии и тюрем.

[2] Логофэ́т — хранитель государственной печати, начальник канцелярии.

Держа пищали наперевес, воины привели Строича. Он был связан, лицо забрызгано кровью.

— Князь, — сказал один из чау́шей[1], — боярин вырвал у одного из нас саблю и кинулся рубить стражу.

— Я хотел подороже продать свою жизнь! — крикнул пленный, с ненавистью глядя на Томшу.

Князь гневно вскинулся, топнул ногой:

— А, так и ты заодно с ними, пес! Умереть захотел со своими дружками? Что ж, берите и его! Отрубить ему голову! Где остальные? Покажите их мне! Я хочу посмотреть на них. Всех рубить и вешать! Я очищу княжество от злодеев и притворщиков! Где они? Рубить их, рубить! . .

Он натужно кричал, глаза у него горели, точно угли. Вне себя от бешенства он рванулся к пленным, понуро ожидавшим неминуемой смерти. Бояре поспешили за ним.

Отставшие Шоймару и Бырновэ собирались было последовать за князем, но тут к ним подошел татарский воин и коротко бросил:

— Погодите!

Не успели они спросить, что он хочет, как к ним, весело улыбаясь, подошел Кантемир, предводитель степняков. Остановившись перед Шоймару и Бырновэ, он окинул их проницательным взором с головы до ног.

Они ответили ему таким же пристальным взглядом, догадываясь, чего ему надобно. Как и им, Кантемиру было лет тридцать с небольшим. Знакомый, должно быть, с обычаями европейцев, он не носил турецкой одежды, на нем был легкий, плотно облегающий тело атласный кафтан, подпоясанный голубым шелковым кушаком, за которым, привязанные на серебряных цепочках, виднелись кинжал и ятаган. Голову бея покрывала круглая, точно котел, шапка из голубого песца с драгоценным алмазным пером, как и подобало потомку властителей Крыма.

Наконец Кантемир обратился к ним, почти правильно выговаривая молдавские слова:

— Узнаю. Вы спасли мне жизнь. И пришлись мне по сердцу. Станем побратимами!

Его тонкие губы под редкими усиками приветливо улыбались.

Бырновэ и Шоймару протянули руки, и татарин, сделав шаг вперед, встал между ними и обнял их. Затем со всем пылом молодости и крепнувшей приязни к своим спасителям бей достал из ножен кинжал и уколол им себя в руку. То же самое сделали молдаване, затем все трое коснулись губами выступивших капелек крови и тут же радостно переглянулись,

[1] Чауш — младший военный чин.

как будто совершили великое дело и их мгновенно возникшая дружба озарила солнцем этот июньский день. Степняк, сжав руки молдаван, сказал:

— Пойдемте со мной!

Глава четвертая

КАК СТАНОВЯТСЯ ПОБРАТИМАМИ

Кантемир привел друзей в свой голубой шелковый шатер, и они опустились на самаркандские ковры, подложив под локоть вишневые подушки. Вокруг висели редкие ткани, дорогое, с серебряной насечкой, оружие.

Приветливо глядя на своих гостей, бей долго расспрашивал об их прошлой жизни. Потом протянул руку, достал откуда-то два кинжала с резными рукоятями, удивительно похожие на тот, что висел у него на поясе.

— Примите их в знак нашего братства, — проговорил он и хлопнул в ладоши.

Двое бритоголовых слуг в желтых чувяках вошли в шатер и, выслушав бея, тотчас с поклоном внесли блюдо с пловом и кусками жареной баранины.

— Отведайте плов, — сказал Кантемир. — Пусть дом мой станет вашим. Сегодня я в первый раз был на волосок от гибели. И хотя с юности приучен к ратному делу, до сегодняшнего дня крыло смерти не проносилось так близко над моей головой. Аллах хранил меня...

— В жизни человека бывают такие знамения, — прервал его Симеон Бырновэ.

— Почему знамения? Ты думаешь, что я должен был умереть? Нет, в великой книге судеб написано, что мне суждено было пережить удар, испытать унижение, но не кровавую гибель. И еще там сказано, что спасет меня ваша рука.

— Истинно так, — подтвердил Симеон, — на все господня воля — без нее и былинка не шелохнется.

— Кто это сказал?

— Так написано в наших священных книгах.

— Мудрые слова.

Кантемир сжал их руки и, заглянув в глаза, спросил:

— А не смущает ли вас наше побратимство? Ведь мы люди разной веры.

— Нет, — ответил Шоймару, открыто глядя на него своими карими

глазами, глубоко сидящими под выпуклым лбом. — Скитаясь по свету, я многое перевидел. К тому же вы, татары, строже блюдете законы своей веры, нежели мы.

— Это верно. Но я научился ценить настоящих мужей. Оттого так приглядывался к вам, прежде чем обнять. По-моему, людей с чистой душой и ясным лицом сотворил единый бог. Был у меня, братья, наставник — поляк, ученый книжник, так он говорил: законы Магомета, Исы и Моисея сотворены одним богом. Каждому он сказал: «Твой закон — самый лучший». А вот какой на самом деле лучше, знает он один. А возможно, все хороши, и каждый народ получил самую подходящую для него веру.

— Я вижу, ты, бей, в науках горазд, — рассмеялся Шоймару.

— Кое-чему научился в юные годы. Многое узнал я от наших ходжей, они же и истолковали мне святой коран. А коли не будете смеяться, — продолжал бей, обнажая в улыбке острые зубы, — то признаюсь: и молдавским вином я не брезгую. Так что не удивляйтесь, что у меня в Молдавии много друзей. . .

Ратное братство завязывается скоро; дружба зреет медленнее, путь к ней указывает душа. Закусывая и попивая крепкий мед, побратимы все ближе знакомились друг с другом. Потом бритоголовые слуги принесли длинные чубуки и кофе в больших серебряных чашках. И вскоре шатер заполнили клубы голубоватого табачного дыма. За тихой беседой и горячим кофе суровые сердца воинов оттаяли, взоры смягчились. Теперь, когда они утолили свой голод и нежились на мягких подушках, огонь добра, тлеющий в душе каждого человека, разгорался в них все ярче.

Молдаване слушали рассказы Кантемира о тайнах крымских сералей, о богатстве ленивых пышнобородых ханов, среди которых он вырос. Бей вспоминал свое детство, мечты о ратной славе, о том, как, глядя на просторы Черного моря, хотел унестись подобно птице прямо в знаменитый Стамбул или к мрачным отрогам Кавказа. И как, желая завоевать себе славное имя и достойное место под солнцем, он вымолил у великого ногайского хана дозволение переселиться со своими воинами в Буджакскую степь, поближе к тропе войны и к добыче — казакам да ляхам. . .

— И к молдаванам. . . — добавил Бырновэ.

— Бывало, дрались и с ними, — ответил со смехом Кантемир. — Но можно и дружить. . .

Потом он спросил Шоймару:

— А ты где побывал?

— Я долго скитался, — задумчиво ответил тот, откинувшись на подушки и подложив под голову руку. — Родом я из Оргеевского края, неподалеку от Буджа́ка. Село мое стоит на берегу Рэу́та. В лихую годину, когда рэзеши поднялись против бояр, отца моего зарубили, и старший брат увел меня с собой в чужедальние края. Одно время мы жили в Киеве —

я был тогда еще совсем мальчишкой. Потом брат умер, и я остался один на свете. Пошел в учение к оружейнику. Потом обучился тайнам ратного ремесла и стал воином. Сперва служил у ляхов, потом с немецкими рейтарами дошел до земель италийцев и франков. Видел их замки и крепости, каких у нас и в помине нет. Там воины носят железные латы, как польские гусары, и все считают, что наша земля лежит на самом краю света. Одному богу ведомо, сколько испытаний выпало на мою долю. Истекал кровью от ран, перенес злую лихорадку, да вот не погиб: живуч, что сорняк. А потом служил у венгров. И там, в Буде, после долгих странствий я встретил воинов, говоривших по-нашему, и понял, что родная земля — недалеко.

Шоймару замолчал.

— Ну и что же ты сделал?

— Узнав, что князь Томша набирает войско, пришел к нему. Рассказал, кто я, где побывал, а он обласкал меня, взял к себе... Я всегда служил верно, не подведу и его. Но Томша-водэ не знает, отчего я потянулся сюда. Только Бырновэ, единственному другу, открыл я душу. Не знаю, что со мной приключилось, но в последнее время томит меня тоска по отчему краю, по моему роду-племени. Тянет меня к берегам Рэута, — мягко закончил Шоймару и, подняв голову, взглянул на татарина.

— Так поезжай туда, не медли, — шепнул тот, тронутый тоской друга.

— Послушал бы ты его, бей, когда он начинает вспоминать родину, — сказал Бырновэ.

— А как же ее не вспоминать, — подтвердил Шоймару, и взгляд его снова затуманился. — Я сейчас будто наяву вижу наши дремучие леса. Однажды отец посадил меня на лошадь впереди себя, и мы долго ехали бором. А на закате выехали на лужайку, там я впервые увидел зубров... Я слышал их рев, видел, как они роют землю рогами, как играют на приволье. Помню и лесные пруды и озера, заросшие белыми и желтыми кувшинками. Помню, как однажды отец сказал мне: «Знай, сынок: во всей Нижней Молдове не сыскать таких красивых мест». Но потом он погиб, и я больше не видел родной земли.

— У капитана Шоймару болит вот тут, — улыбнулся татарин, прижимая ладонь к сердцу.

— Вот так он всегда и со мной говорит: не поймешь, то ли поет, то ли плачет, — сказал Бырновэ.

— А может, душа женской ласки просит? — лукаво усмехнулся Кантемир.

— О ласках я меньше всего думаю, — ответил Шоймару. — Мне бы воды Рэута увидать да могилы родителей...

— Это уж чисто молдавская хворь, — снова рассмеялся татарин. — О чем тебе печалиться? Неба ли мало над головой, степей не хватает? Человек должен быть вольной птицей, не пристало ему чтить мертвые

камни. . . Со времен великого Тимура могилы нашего племени раскиданы по всему свету [1], а мы уходили от них все дальше, точно пыльные смерчи. Сажали прекрасных невольниц в кибитки, вскакивали на коней и мчались по следу ветра.

— Каждому свое, — степенно сказал Бырновэ, — так определено судьбой. Мне понятна его тоска, хоть я и просидел всю жизнь в своей вотчине. Каждый хочет того, чего у него нет.

— Возможно, — согласился бей. — И каждому племени свой жребий. Нам выпало скитаться.

— А молдаванину — не разлучаться со своей землей, — заметил Бырновэ.

— Верно говоришь, друг Симеон, — поддержал его Шоймару.

Воцарилось молчание. Они сидели, задумчиво дымя трубками с пахучей, едкой травой, завезенной недавно из-за моря.

Кантемир тихо спросил:

— Что же ты собираешься делать, брат мой Тудор?

— Съездить в Оргеевский край.

— А потом воротишься к князю?

— Может, и ворочусь. . .

— Тогда мы, как братья, вместе слетаем туда и обратно, — обрадованно воскликнул татарин. — Я поеду с тобой, нельзя же нам так скоро расстаться. Ты мне полюбился, душа у тебя необыкновенная, речи сладкие. . . Промчимся бурей до самого Днестра!

— А меня хотите одного оставить? — спросил Бырновэ, поднимая правую руку со свежей ранкой от кинжала.—Нет уж! Ехать, так втроем! . .

У Шоймару увлажнились глаза, и, вскочив с подушек, он обнял своих названых братьев — степного князя и молдавского боярина.

Глава пятая

ДОРОЖНЫЕ СБОРЫ

Когда они вышли из шатра, солнце клонилось к западу, заливая мягким сиянием запрутские просторы. Река тихо катила свои воды, огибая прибрежные рощи. У Поприканского брода вершники поили коней, — в лучах заходящего солнца сверкала сталь оружия и медные бляхи седел. Ряды шатров и возов воинского стана, раскинувшегося на гребне холма,

---

[1] Походы татар начались не при Тимуре, а более чем на 160 лет раньше—приЧингисхане. (*Прим. ред.*)

тянулись до самой околицы села. Побратимы шли между ними, слуга-татарин вел следом коня своего господина.

— Пойду к своим, — сказал Кантемир. — Распорядиться надо по случаю отъезда. Мой старый Гирей — надежный мурза, шепну ему пару словечек и могу ехать спокойно.

— Больше трех дней нам не понадобится, — сказал Тудор Шоймару.

— Кто знает, — заметил без улыбки Бырновэ. — Неисповедимы пути господни.

— Быть нашему побратиму попом, не иначе, — ухмыльнулся татарин.

Они прошли мимо янычарских палаток. Сыны аллаха, усевшись в круг, чистили оружие и стремена под бдительным оком начальников. Тут же, словно ценнейшее достояние янычарского войска, лежали перевернутые вверх дном кухонные котлы, начищенные до солнечного блеска.

В стане Томши у княжеского шатра толпились бояре. Говорили о скором выезде в стольный город Яссы, — оттуда, от митрополита, только что с поклоном приехал архимандрит.

Утоптанная земля вокруг шатра была пропитана кровью. Но теперь гнев Томши утих. Князь успокоился и диктовал дьяку послания местным властям. Стоявшие у входа в шатер стражники остановили Шоймару. За плечом одного из них показалось на миг и тут же исчезло улыбающееся лицо остроносого армаша Никорицэ. И сразу же послышался веселый голос Томши:

— Входи, Шоймару, и проси, чего хочешь.

Кантемир проследовал дальше, Бырновэ отправился за своим конем и оружием, а Тудор вошел в круглый шатер князя. За низким, с перламутровой инкрустацией столиком, сжимая в пальцах, точно редкую драгоценность, гусиное перо, неподвижно сидел дьяк. Тут же стояли трое приближенных бояр. Сам князь сидел на низком стуле, покрытом дорогим ковром.

— Говори, Шоймару, — сказал быстро и весело Томша.

— Хочу, господарь, наведаться к родичам в Оргеевскую землю.

— Добро, — молвил князь, подняв руку. Затем повернулся к стоявшим позади боярам и добавил: — Пускай Сергий выдаст капитану Шоймару в дар от меня два золотых на дорогу — он едет на родину.

— Через три дня я ворочусь, господарь, на праздник твоего воцарения.

— Тогда вот тебе третий золотой. Пусть все знают, как ценит князь добрую саблю.

Шоймару поклонился, поцеловал руку Томши; князь похлопал его по плечу, и капитан весело поспешил к своим молдавским конникам. Там среди шумной толпы готовых выступить в поход воинов он отыскал своего коня и слугу, круглолицего веселого парня по имени Думи́тру Ли́е. Когда

он спросил про Бырновэ, то оказалось, что тот уже собрался и ждет; его слуга, низкорослый мужичок с лисьим лицом, нес две пищали.

Они вскочили в седла и проехали в верхнюю часть стана, где расположилась ногайская конница. Бей отдавал последние распоряжения насчет невольников и добычи. Старый мурза Гирей слушал, низко склонив голову.

В ту пору Кантемир еще не был тем грозным воином, наводившим ужас на землю всего королевства, каким позднее изобразили его польские художники и летописцы. Но уже тогда он был властен и суров, его любили, но боялись, и вся буджакская орда, как один человек, приходила в движение по первому его слову.

Трое побратимов двинулись в путь в сопровождении двух слуг — молдаван и татарина, который вез лук и колчан своего повелителя.

В сумерках переправились через брод и поскакали восточным шляхом.

Вечер был тих и безмятежен. Сизая дымка окутывала дали, глубоким покоем веяло от лугов. Словно и не прошумела тут военная буря. Лишь гонцы, то и дело обгонявшие их, да два-три вооруженных крестьянина, тащивших дорогие одежды, обшитые галунами, напоминали о близости военного стана и недавнем кровопролитии.

— В такую погоду любо-дорого скакать, — промолвил Кантемир после долгого молчания. — А когда мы шли сюда с Томшей, лили такие дожди, что я боялся — вот-вот завязнем в болотах или унесут нас потоки.

— Те, кто умер позавчера, сегодня горько о том жалеют, — сказал со смехом Шоймару. — А скоро и луна взойдет. Спасибо Бырновэ, это он, любимец неба, принес нам удачу...

— Удача всегда с теми, кто весел душой, — скромно ответил Бырновэ.

— Истинно так, — подтвердил татарин. — Жизнь наша нелегкая. Война — ремесло опасное и многотрудное. А мне то и дело приходится водить орду в поход. Мы с древних пор добываем хлеб насущным копьем и стрелою. Верю, что и у вас было немало хлопот. Так забудем о них, проведем эти дни в радости. Будем спать спокойно, скакать не спеша, как в праздник...

— Человек предполагает, а бог располагает, — невозмутимо возразил философ Бырновэ.

— Как, — воскликнул Кантемир, — ты все еще сомневаешься, дитя аллаха? Да какие могут быть сомнения? Поляков и казаков мы разбили. Не многие унесли головы, да и те небось не чают, как добраться до родных пределов. А там их тоже не погладят по головке за то, что пошли с Потоцким за сынками Мовилэ, — султан живет в мире с польским королем. Была гроза, да миновала, теперь небо опять ясное.

— Не забудь еще, Симеон, — добавил Шоймару, — что по всему княжеству разосланы отряды наших воинов с повелениями Томши.

— Скоро и мои люди, — заметил бей, — повезут по этому шляху до-

бычу в Буджак — на радость тем, кто остался в аулах стеречь табуны. Я так повелел.

— А случись беда или стычка, — рассмеялся Тудор, — так нам не впервой. Так что бояться нечего...

— А я и не боюсь, я размышляю, — спокойно возразил Бырновэ.

— Что верно, то верно, — подхватил Шоймару. — Твоя давняя дурная привычка. Когда не надо объезжать коня или рубить саблей, на тебя нападают думы. А потом ты достаешь потрепанную рукописную книжицу и читаешь...

— В этой книжице записаны псалмы на молдавском языке. Я их читаю и пою.

— Что ж, коли понадобится, будет кому спеть отходную...

— Что ты, что ты! Упаси боже! Мы еще молоды, — пробормотал Симеон.

Все трое переглянулись и разразились смехом.

— Остановимся в первой же корчме, — сказал после недолгого молчания Кантемир. — Вздремнем, а как встанет месяц высоко в небе, поскачем дальше. Мне не терпится взглянуть на родные места Тудора Шоймару.

— У нас с незапамятных времен говорят «дедовская земля», — мечтательно произнес рэзеш.

Ночь обнимала поля. Звезды, усеявшие небо, высвечивали белую ленту дороги. Пала роса, прохладное дуновение ветерка ласкало лица, топот копыт звонко раздавался окрест. Позднее, когда на небосклоне показался край луны и розовая дымка окутала дальнюю гряду пологих холмов, они пустили коней шагом и снова заговорили, приглушив голоса, словно боясь спугнуть таинственное свечение, разлитое в безбрежном ночном пространстве.

Справа от дороги в низине блеснула недвижная озерная гладь. Потом потянулись рощи, за ними луга, звенящие от неумолчного стрекота сонма кузнечиков. В траве благоухали цветы — одни еще только раскрывались, другие уже умирали.

— В этих местах я, наверное, ни разу не бывал, — сказал Шоймару, — а кажется, знаю каждую пядь. Такие же угодья и у нас — я видел их, когда дед брал меня, десятилетнего мальчика, с собой на сенокос в луга. Вокруг нашего Исакова пруда было также красиво...

— Брат мой Симеон, — пробормотал Кантемир, — Златоуста снова томит недуг. Уж и не знаю, как быть...

— Ничего, пройдет, — успокоил Бырновэ. — Было время, я тоже люто тосковал по одной девушке, а потом, как узнал ее поближе, тоску как рукой сняло.

Златоуст ничего не сказал в ответ. Он ехал шагом, погруженный в смутные воспоминания, навеянные лунной дымкою.

Глава шестая

ПОЯВЛЯЕТСЯ БОЯРИН СТРОЕ

Вдали от сел, между холмами, в удобной котловине у криницы А́льбота, стоял заезжий двор. Вокруг раскинулись леса; дорога петляла по лесной опушке. Корчма у самого шляха — что добрая мельница — доход приносит немалый. Днем на дворе останавливались возчики, ночью в каменных хоромах деда Кири́лэ, известных далеко окрест, пировали разбойники. Все, кто ездил большим трактом, знал старика.

Здесь и остановились Шоймару с друзьями. Дед Кирилэ, веселый старик с пунцовым носом и большим животом, сразу смекнул, что гости у него особые, и встретил их низкими поклонами. Накормив путников жареными карасями из собственного пруда, он повел их в опочивальню.

Месяц стоял высоко в небе, когда друзей разбудил внезапный шум. Они вскочили со своих лавок и недоуменно переглянулись, едва очнувшись от первого похожего на обморок сна. Лунный свет тихо струился сквозь забранное решеткой окно.

— Что это? — коротко спросил татарин.

— Сейчас узнаем. Как бы не сбылось мое предсказание, — с глухим смешком ответил Бырновэ.

Они молча прислушались. Снизу доносился чей-то громкий гневный голос, ему отвечал густой бас корчмаря. Чей-то конь, должно быть, рвал удила, звонко перебирая копытами.

Раздался короткий стук в дверь: в опочивальню скользнул молчаливый, стройный служитель бея. Он быстро что-то произнес на своем гортанном наречии и тут же с поклоном вышел.

— Илу́н что пес сторожевой, — заметил Кантемир-бей. — Спит у порога и слышит каждый шорох. Он уже выходил тайком во двор. Говорит, ничего особенного. Молдавский боярин лается с корчмарем.

— Выйдем, узнаем, о чем спор, — предложил Шоймару.

— Хорошо, выйдем. Сдается мне, тут что-то не так, — проворчал осторожный Бырновэ.

Пройдя темные сенцы, они вышли на освещенный луной двор. Старый Кирилэ в длинной, до пят, рубахе, размахивал окованной дубиной.

— Пан боярин! — кричал он басом. — Ты меня не трогай, спать не мешай! Где я достану тебе коней? Откуда возьму слуг и оружие? Да я и знать тебя не знаю, боярин!

— Ах ты, смерд! — гремел в ответ приезжий, скрытый густой тенью стрехи. — Придет час, и ты за это горько поплатишься. Я знатный боярин и сумею с тобой рассчитаться. Ты хочешь, чтобы я содрал с тебя шкуру и набил ее соломой?

— Уймись, боярин. Какая шкура! Какая солома! Ворвался, точно злодей, в чужой дом и кричишь. Уймись, не то, видит бог, огрею тебя дубиной.

Вдруг перед корчмарем вырос вздыбленный конь. Вокруг засуетились слуги. В сиянии луны стало видно крупное, с окладистой бородой лицо боярина, на длинные его кудри была нахлобучена дорогая кунья шапка. Корчмарь между тем, схватив дубину, приноравливался, как бы ловчее ударить.

Шоймару коснулся плеча старика и воскликнул:

— Ай да дед Кирилэ! Быстро же ты вспомнил молодость!

Боярин, наклонившись, кричал слугам:

— Где моя булава? У кого она? Быть ему без зубов за подлые слова!

— Погодите, люди добрые, — вмешался Бырновэ. — Скажите толком, что стряслось?

Услышав голос Бырновэ, бородач боярин наклонился, пытаясь разглядеть его получше.

— Мы тоже знатного рода, — произнес Симеон.

— Неужто? Смилостивился надо мной всевышний, панове! . . — возбужденно заговорил боярин.

Он не без труда соскочил на землю и протянул к ним руки:

— Паны бояре, молю вас, выслушайте меня!

Трое побратимов выступили на освещенное место.

— Кто вы? — продолжал боярин. — Не из здешних ли бояр? Или с войны едете? Но все равно, кто бы вы ни были, выслушайте, какая беда меня постигла. . . Я просил у этого подлого смерда коней и помощи, чтобы скакать вдогон за разбойниками. Казаки увели мою дочь, почтенные паны!

— Как это случилось? — осведомился Шоймару.

— Сейчас скажу, все скажу, — ответил боярин, задыхаясь. — Сам господь послал мне вас. Молю, не бросайте меня, помогите! А вы за кого? — спросил он внезапно другим голосом. Но потом вновь запричитал: — Ехали мы вдоль опушки, моя Магда сидела на подводе, а рядом с ней лежали дорогие сукна, купленные во Львове. Тут и встретились мне на дороге казаки. Они скакали от излучины Сакса, где сегодня была сеча. Я тоже оттуда. Атаман притворился мне другом. Зовут его вроде бы Василем. Говорил, говорил он со мной, а потом приметил девку и на привале увез ее, чтобы ему пусто было, чтобы его бог покарал! . . Не бросайте меня. Дочь моя чиста и пригожа, как зоренька ясная, она ведь в Польше, в учении побывала. . .

— Боярин, — прервал его Шоймару, — ты пожаловал к нам с сынками Мовилэ и Потоцким, а теперь спасаешься за Прутом, и приятели твои казаки вернули себе убыток, обобрав тебя.

Бородач отступил на шаг и взял под уздцы своего коня. Но тут же переломил себя и, обхватив голову руками, взмолился:

— Горе, горе! Не принимайте меня за врага. Я ехал из Польши и от души радовался новой власти. Я — друг вам. И вот тут, у криницы Альботы, меня настигла беда. У меня всего трое глупых слуг, как же я вырву свое сокровище из рук разбойников... Сжальтесь, бояре, не оставляйте меня!

Он подошел ближе, просительно протягивая к ним руки. В его голосе слышались слезы.

Шоймару остановил его:

— Погоди, боярин. Дай разобраться.

Они стояли, внимательно разглядывая друг друга при лунном свете. Между тем Думитру Лие, стройный татарин и Испáс, слуга Бырновэ, уже выносили оружие и выводили коней. Корчмарь Кирилэ спрятал дубину за своей широкой спиной. Боярин молчал.

— Расспроси его, — шепнул Кантемир.

Шоймару шагнул к незнакомцу и сказал:

— Боярин, мы воины и можем тебе помочь. Когда казаки увезли девушку?

— Час тому назад, не больше, добрые люди. Я мчался сюда что есть духу. По той самой дороге, по которой они ускакали.

— А ведь верно, — заметил Кирилэ, — с час тому назад тут проскакал конный отряд.

— Стало быть, они едут шляхом.

— Должно быть, так. В такой поздний час надо держаться дороги.

— А на что им понадобилась твоя дочь, боярин?

— Добрые люди, да ведь она у меня красавица, истинная княгиня. Хоть и негоже хвалить собственное дитя, но все ляхи во Львове и Варшаве не могли на нее наглядеться. Вот и этот казак на привале, как увидел, так и уставился на нее, как дурень. . .

— Это было в лесу?

— В лесу... Он все рассказывал, что он атаман, что у него есть и деревни, и добра много разного. Я сначала никак не мог в толк взять, куда он гнет. А потом так прямо и отрезал: «Это, пан Василь, дорогой товар, не про вашу милость...»

— Так вы приятели...

— Какие там приятели... Встретились в пути, вот и все приятельство.

— Как они ее похитили?

— Да как! Разбойники Василя приставили мне копья к горлу, схватили девушку и все, что при ней было, да и умчались. Не поможете, панове, тогда мне одно останется: наложить на себя руки, — закончил боярин.

— Погоди, боярин, — повторил Шоймару и повернулся к друзьям: — Должно быть, этот человек из свиты князя Мовилэ. После боя он и казаки попрятались в лесу. А панночка, видать, и впрямь хороша, как говорит старик.

— Ваську мы знаем, — подтвердил Кантемир. — Добрый казак. Мы с ним дважды встречались на Украине.

— Что будем делать?

— Я вам скажу, — спокойно ответил Бырновэ. — Видно, суждено нам скакать за казаком и девушкой. Не оставлять же невинную душу в руках разбойника.

Незнакомый боярин внимательно прислушивался к их разговору. Поняв, к какому решению пришли друзья, он рухнул на колени, заломил руки и вскричал голосом, полным муки:

— Христом богом молю, братья, не оставляйте в беде!

Кантемир взял Шоймару за руку:

— Что ж, едем, Златоуст?

— Едем, — ответил тот.

— Тогда на коней и вдогонку!

Услышав эти слова, корчмарь тут же подошел с глубоким поклоном и получил плату за ночлег. Слуги подвели коней, и трое воинов вскочили в седла.

Кантемир подозвал своего слугу:

— Скачи вперед, Илун. Мы должны найти отряд казаков, проехавших тут недавно. Ты слышал их?

— Слышал, — тихо ответил Илун. Он ловко вскочил на коня, прикрепил лук и колчан со стрелами к седлу Кантемира, пришпорил своего бегуна и неслышно, как призрак, помчался по дороге.

— Садись на коня, боярин! — крикнул Шоймару.

Боярин кинулся к своей лошади, и слуги помогли ему взобраться на нее.

— Господи, помоги нам! — тяжело вздохнул он и, усевшись поудобнее

в седле, осенил себя крестным знамением. — А с тобой, старый мошенник, мы еще потолкуем. Я с тобой расплачусь! — проскрежетал он, показывая корчмарю кулак.

Дед Кирилэ отодвинул подальше дубину и поскреб лысую макушку.

Сначала ехали шагом. Симеон Бырновэ тихо шептал себе под нос стихи псалма, словно напоминая друзьям, что пути господни неисповедимы.

Месяц стоял высоко, было светло как днем. На заезжем дворе раздалось хлопанье крыльев и громкое кукареку, откуда-то издали чуть слышно отозвались другие петухи. Бородатый боярин, ехавший у обочины дороги, внезапно вскрикнул: его конь споткнулся и сбросил седока наземь.

— Господи, владыко небесный, господи... — стонал он, корчась в пыли.

— Что стряслось, боярин? — спросил Симеон, придерживая коня.

— Проклятая старость, добрый человек! Пусть слуги подымут меня. Видать, настал мой час, и доченька моя навеки потеряна...

Симеон окликнул слуг, те подбежали. Боярин тяжело дышал, отплевываясь и тряся взъерошенной бородой.

— Оставайся, боярин, — усмехнулся Симеон, — и проси приюта у деда Кирилэ, того самого, с кого хотел содрать шкуру, чтобы набить ее соломой. Видишь, и смерды порой могут пригодиться на этом свете. А мы и без твоей милости поскачем за панночкой...

Ругая слуг последними словами, боярин поднялся и заковылял к постоялому двору, жалуясь и стеная. Конь послушно шел за ним. А Бырновэ помчался вслед за товарищами. Догнав их, он сказал со смехом:

— Боярин будет спать в нашей постели, а мы скакать за его дочкой. Что ж, может, в этом есть особый смысл...

Овеянные полночной прохладой, они погнали коней вскачь.

Глава седьмая

ДРАГОЦЕННАЯ ДОБЫЧА

Далеко на востоке за Днестром забрезжила полоска рассвета. Месяц на западе потускнел. Пятеро казаков замедлили бег коней. Василь склонил лицо, заросшее русой бородой, к пленнице, лежавшей в дорогой, опушенной мехом накидке поперек его седла. Лицо ее было словно нетронутый снег, губы стиснуты, глаза закрыты. Казалось, боярская дочь мертва. Но атаман слышал сквозь тонкую накидку биение ее сердца. По-

началу она долго отбивалась и кричала, но огромная жесткая ладонь запечатала ей рот, и она сомлела. Очнулась девушка уже на коне, но силы ее были на исходе: ни кричать, ни сопротивляться она больше не могла. Лицо казака, на которое боярышня изредка посматривала снизу, казалось ей страшным, уродливым, и она тут же закрывала глаза, чтобы не видеть его более.

Сначала она думала, что пришел ее смертный час, теперь же ее душа терзалась стыдом и страхом перед грядущей бедой.

— Открой глаза, голубушка, не бойся нас, — сказал Василь, стараясь говорить как можно ласковее. — Мы тебе зла не сделаем. Ты мне полюбилась, вот я и умыкнул тебя, как принято у нас на Украине...

Он обращался к ней по-польски, как и на привале, где они неожиданно приставили копья к горлу бородатого боярина.

Девушка не отвечала. Казак рассмеялся и обернулся к товарищам:

— Оробела. Ничего, оттает. Утешим ее добрым словцом да узорным платком.

— А то, может, заснула, — предположил один из запорожцев.

— Может, и так. А скорее всего, притворяется. Ну и пусть. Успеет еще на меня насмотреться. Для любви не то что ночей — дней не жаль...

Он тряхнул головой и подмигнул товарищам.

Василь был крепкий молодец, с тонким станом и широкой грудью, жилистый, точно природа сотворила его из стальных пружин. Его молодое лицо светилось веселым лукавством. Известный кутила и рубака, он презирал трудности и смерть.

Умудренный годами, Олесь попенял ему было дорогой за дерзкий поступок.

— Глупое дело ты задумал, Василь. До баб ли нам теперь... Мало их, что ли, достается тебе после набегов. Теперь впору думать, как самим уцелеть. А тут эта обуза...

— Ничего, — с беспечной веселостью отозвался Василь. — Уж коли все потеряно, так хоть этим вознагражу себя.

Олесь с сомнением хмыкнул. Между тем светало. Старик снова подал голос:

— Что будем делать, Василь? Или ты хочешь и дальше скакать шляхом? Забыл, что мы не в своих краях? Места тут хоженые, того и гляди, попадемся черту в лапы.

— Не твоя печаль, Олесь. Мне моя шкура дорога, — возразил Василь. — Видишь, какие тут леса. Отдохнем в тенечке, закусим, глотнем горилки, а там, как выедем в степь, поскачем, забот не ведая.

— Гм... — опять хмыкнул Олесь. Потом внезапно выпрямился, прислушался и глухо сказал: — Стойте!

— Что такое? — спросил Василь, мгновенно останавливая коня.

— Прислушайтесь, — ответил тот. — Я старый степной волк, знаю ночные голоса. Чуете?

— Чую, — отозвался Василь, кивнув головой. — Добрый у тебя слух, — продолжал он. — Кто-то скачет за нами следом.

Тело девушки затрепетало в его руках.

— Что ты, что ты? — воскликнул он, смеясь. — Аль тоже услышала? Аль поняла, о чем мы говорим? Аль заметила, что мы прислушиваемся... Не бойся, из наших рук тебя никому не вырвать. Мы люди бывалые, к таким делам привычные.

Легкий румянец проступил на щеках девушки.

«Хороша, бисова дочь!» — усмехнулся про себя Василь.

— Что делать будем? — с упреком спросил седой казак.

— Что делать? Ты думаешь, Олесь, коли я с ней разговариваю, то ничего не замечаю, оглох и ослеп? Кто-то и впрямь скачет за нами следом. Но не по дороге. Или он мчит полем, или копыта его коня обернуты тряпками. Стало быть, это враг. Верно я говорю, хлопцы? За нами погоня.

— Вот видишь! Что я тебе говорил?

— Может, мой бородатый приятель успел собрать дружков и пустился следом за нами. Уже светает. Надо искать укрытия. Я уж все обдумал, Олесь. Видишь тот лес у самого шляха? Укроемся на опушке, подождем, посмотрим, кто там едет. А потом найдем и убежище. Тут, наверное, немало удобных мест. Вон овраг. По дну ручеек бежит. Надо будет — поедем оврагом. Никто и следов наших не найдет. А ты, Олесь, оберегай наш тыл.

В ясном свете утра пятеро казаков помчались во весь опор. Олесь резко остановил коня, повернул его назад и погнал напрямик по мягкой луговой траве. Тем временем четверо его товарищей, спустившись в низину, скрылись за деревьями. Вскоре и Олесь скрылся из виду. Дорога опустела.

В густых зарослях молодого дубняка, скупо освещенного лучами зари, запорожцы спешились. Василь, бережно обнимая белолицую панночку, опустил ее на мокрую от росы траву. Она вдруг открыла большие голубые глаза, опушенные черными ресницами, и пристально посмотрела на него.

— Что вы со мной делаете? — по-детски простонала она.

— Ничего, голубка, ничего, — ласково ответил Василь. — Я положил тебя на твою накидку — отдохни немного.

Она быстро села, точно теперь только поняла, где и с кем находится и что ее ждет.

— Что ты сделал с отцом? Куда везешь меня? — крикнула она со слезами. Опершись руками о землю и подняв голову, она в ужасе смотрела на атамана.

Василь топнул ногой, нахмурился.

— Не вопи! — коротко приказал он. — Видишь, какая у меня тут игла. Пикнешь — тут же рот зашью.

И он хлопнул рукой по тонкому кинжалу, висевшему на поясе его широких красных шаровар. Потом, сбив шапку на затылок, заговорил ласковей, томно глядя на свою пленницу:

— Не смотри на меня с таким испугом, серденько мое. Наши дивчины привыкли, чтобы их увозили. Знай, одна любовь тому причиной. А ты пригожа, глаза и щеки дивные, тело нежное, как у княгинь... На всей Украине нет девушки краше тебя. Оттого и увожу тебя, словно редкой красоты цветок, — посадить в нашу землю.

Он сладко смотрел на нее своими черными влажными глазами. Охваченный страстью, статный, мужественный казак был словно в лихорадке.

— Взгляни же на меня, — продолжал он с улыбкой. — Не такой уж я урод. Немало дивчин по мне сохнет...

Девушка закрыла глаза, щеки у нее порозовели. Казак покачал головой и шепнул:

— Не будь ты так пригожа, не полюби я тебя по-настоящему, сразу бы тебя усмирил.

Панночка бросилась ничком на землю, обхватила голову руками и отчаянно зарыдала. Казак протянул руку, коснулся ее. Она забилась и ударила его по ладони.

— Ах так, коготки показываешь? — ухмыльнулся он. — Сейчас я их укорочу. А будешь кричать, заткну рот.

Когда он обхватил ее за плечи, девушка умолкла и еще теснее прижалась к земле. Она неслышно всхлипывала, и тело ее билось, вздрагивая, как от ударов.

Василь окинул ее долгим взором, потом, по обыкновению своему, покачал головой и обернулся к товарищам, хмуро глядевшим на него.

— Что вы так смотрите? — спросил он с вызовом, и глаза его сверкнули. — Коли за свои шкуры боитесь, можете ехать на все четыре стороны. А поможете, так дома получите из одежды и оружия все, чего душа пожелает.

— Эх, Василь, застряли мы тут из-за какой-то девки, — вздохнул великан по имени Колпак. — Да что поделаешь! Мы ведь по доброй воле выбрали тебя старшим, значит, пойдем за тобой, пусть даже голову сложить придется в этой Молдове...

— Колпак, браток мой, и вы, други, добраться бы нам до родных краев! А там выбью дно у бочки с медом, доставшейся мне еще от деда. Такую свадьбу справим, с музыкантами, с пальбой, что аж нехристям в Крыму слышно будет.

Василь говорил, как всегда, беззаботно и весело — за это и любили его казаки.

— Что ж, хорошо бы, когда так, — равнодушно заметил Колпак. — Кто знает, может, и в самом деле доведется выпить еще горилки да пустить в дело сабли...

Тут вдали раздался короткий посвист.

— Это Олесь, — сказал Василь и, достав из складок куртки серебряный свисток, издал чуть слышный, напевный свист.

Один из казаков вышел на опушку и вскоре вернулся с разведчиком.

— Ну, что узнал? — спросил Василь.

Олесь тряхнул седыми кудрями, выбивавшимися из-под шапки.

— Я все осмотрел: никого.

— Олесь знает свое дело, — весело сказал Василь. — Это, должно быть, олень бежал, а теперь зашел в лес, свежей травки пощипать.

Действительно, кто-то вошел в лес вместе с ними и, притаившись неподалеку, слышал все, о чем они говорили. Но это был не олень, а бледный и молчаливый татарин, слуга Кантемир-бея.

Глава восьмая

ОЛЕСЬ НЕ ОШИБСЯ

Чутко прислушиваясь, казаки торопливо ели хлеб из пшеницы с ячменем и жесткое копченое мясо. Тыквенная баклага, которую они называли «татаркой», ходила по рукам. Боярская дочь, завернувшись в свою накидку, сидела к ним спиной. От еды и горилки, предложенной ей Василем, она брезгливо отказалась. Но ее мучила жажда.

— Мне бы немного воды, — жалобно вымолвила она.

Самый молодой из казаков, привязав коней на соседней поляне, вернулся к привалу. Ему тоже хотелось принять участие в тризне.

— Гриша, — молвил Василь, — достань нашей панночке немного воды. Ручеек тут в низинке, в двух шагах...

Держа хлеб и кусок копченого мяса в одной руке, баклагу в другой, Гриша спустился дубняком к реке. В это время показалось солнце, и молодые побеги на верхушках дубков окрасились розовым светом. Глубокая тишина стояла в лесу. Несколько черных дроздов прочертили золотистый воздух в вышине; стук дятла, цвириканье малой птахи, нежный зов косули лишь изредка тревожили сон утреннего леса.

Прошло некоторое время. Накидка, подбитая голубым сукном, сползла с плеч юной панны. Шелковая одежда и платок еще больше оттеняли белизну ее лица. Слегка повернув голову и приоткрыв рот, она следила краем глаза за атаманом, который жадно ел.

Внезапно в лесной чаще раздалось конское ржание, потом какой-то резкий шум. Затрещали, зашевелились кусты. Василь вскочил на ноги, глаза у него засверкали.

— Что же это, Олесь? — свистящим шепотом спросил он. — Ты ведь сказал, что никого нет!

Седой запорожец одним прыжком нырнул в чащу. Кустарник шумел, точно его ломала буря. Остальные казаки подтянули пояса и обнажили сабли. Девушка тоже вскочила, уронив на землю накидку, и стала чутко прислушиваться.

— Рада, голубушка, — заметил со смехом Василь. Потом тень печали легла на его лицо. — Рада, что меня зарубят. . .

Глаза девушки сверкнули, но она ничего не ответила. Он шагнул к ней и заломил ей руку. Девушка, извиваясь от боли, закричала, упала на колени и приникла лицом к земле.

— Убей меня! — пронзительно и зло закричала она.

— Сиди смирно и не шуми! — велел он.

Но девушка, плотно прижавшись к земле, снова пронзительно крикнула. Василь поднял саблю.

В это время прогремел выстрел из пищали. Звучное эхо подхватило и долго повторяло его. Из зарослей, словно бешеный бык, выскочил Олесь.

— Коней увели! — крикнул он, дико вращая глазами.

— Чтооо?! — заревел атаман. — Как же мы без коней? — Но тут же взял себя в руки. — Кто?

— Не знаю, — зло ответил Олесь. — Хотел я было кинуться вслед, да в меня пальнули из пищали. Кто они — не знаю. Сколько — тоже не знаю.

— Они знают, кто мы, и потому не смеют напасть открыто, — быстро проговорил Василь.

— Нет, — уверенно возразил седой казак. — Я думаю, это из-за девки. От нее все наши беды.

Недолго думая Василь наклонился, быстро обмотал девушку накидкой и завязал ей рот полотенцем, в котором они везли хлеб.

— За мной! — приказал он, схватив пленницу в охапку. — Девку я отдам только мертвой.

Оглядываясь по сторонам, казаки молча двинулись за ним. Миновав кустарник, они вышли к ручью. В лесу опять стало тихо, солнце весело светило.

На зеленой лужайке у самого ручья лежал навзничь, раскинув руки, Гриша. Из раны в горле сочилась кровь. Он смотрел на них глазами, полными ужаса, но сказать уже ничего не мог: невидимая рука сразила его.

Василь тяжело вздохнул, озираясь, словно загнанный зверь, потом сказал коротко:

— Идите за мной в овраг. Авось найдется местечко, где можно будет дорого продать свою жизнь.

Русло ручья было усеяно плоскими белыми камнями. Узкая лента воды тихо скользила между ними, отражая лучи взошедшего солнца. Держа добычу левой рукой, а саблю в правой, Василь поспешил вверх по течению во главе своих товарищей. Он не знал, куда идет, — просто спасался от грозной опасности, вверяясь чаще леса и случаю, уповая на силу своей руки да на пищали казаков.

Берега становились все круче, древние дубы наверху, казалось, подпирали небо. Василь, часто дыша, ступал по белым камням, словно по белым ступеням. Шедший последним казак внезапно вскрикнул, и девушка в руках Василя снова вздрогнула. Он остановился, повернул голову: один из трех его товарищей лежал ничком, лицом в воде и тяжко хрипел.

— Его настигла стрела, — хрипло сказал Олесь. — Конец, Василь. Смерть наша рядом.

Василь посмотрел на девушку, хмуро и решительно поднял голову и обшарил глазами крутой берег, откуда летели им вслед смертоносные удары. И вдруг он увидел врагов. Их было шестеро. Они быстро шли, не спуская с него глаз и держа в руках луки и пищали. Не то молдаване, не то татары. Легким движением казак притянул к груди девушку и отступил на два шага под прикрытие береговой скалы.

— Спрячьтесь за мной, — шепнул он товарищам. — Щит у нас надежный.

Оба запорожца протиснулись между ним и берегом и высунули из-за его спины дула пищалей. Василь зло хохотнул.

— Вот так. А теперь поглядим, чья возьмет, — сказал он, переводя дыхание.

Полузадушенная полотенцем, девушка дрожала в его руках, ее бил озноб. Широко раскрыв большие голубые глаза, она смотрела вверх на тех, кто мог оказаться ее спасителями. Ни отца, ни его слуг среди них не было. Чужие, незнакомые лица.

И тут у самого ее уха раздался звонкий, сильный голос Василя. Веселая дерзость, прозвучавшая в нем, невольно тронула ее; пленница хорошо понимала, что смерть так же близка к этому казаку, как и она сама, прижатая к его груди.

— Эй, люди добрые, — спросил он по-польски, — чего вам от меня надобно?

Никто не ответил.

Когда товарищи Василя прицелились в них из пищалей, все шестеро быстро отступили. Затем выше по течению раздался шум осыпающейся земли: запорожцы догадались, что враги спустились к ручью. Из своего укрытия они ничего не видели. Между тем вдоль ручья, держа пищали

наготове, медленно продвигались Шоймару и Бырновэ. На высоком берегу мелькнула и тут же скрылась стройная фигура Кантемира. Он был вооружен луком.

— Вот и ответили, — шепнул Василь товарищам.

Они понимали, что стоит им повернуться лицом к тем, кто шел вдоль ручья, как они сразу же станут мишенью для лучника, подстерегавшего их наверху.

— Попались, — с гневом и обидой проговорил Олесь.

— Молчи, старый. Жди божьего суда, — равнодушно ответил Василь.

— Ты и со смертью шутишь, только мне от этого не легче...

В теснине раздался чей-то голос. Казаки прислушались.

— Василь! Верни пленницу! — крикнул по-польски Шоймару.

— Скорее вы головы лишитесь! — дерзко ответил казак. — Ничего вы от меня не получите. Кто ты такой?

— Я воин князя Томши. Меня зовут Шоймару.

— Ну и живи, покуда я не спел тебе отходную! — крикнул атаман. — Добраться до меня не так-то просто. У меня добрый щит: девка боярина Орхеяну.

— Слыхал? — обратился Бырновэ к Шоймару. — Выходит, того бородача зовут Орхеяну...

— Да, кое-что мы узнали, — усмехнулся Шоймару. Он быстро сделал два прыжка и остановился.

Казаки стояли в десяти шагах. Девушка, закутанная в накидку, смотрела на них округлившимися глазами. Из-за берегового выступа они видели лишь ее лицо да плечо атамана.

— Хороша же дочка Орхеяну, брат Бырновэ! — шепнул пораженный Шоймару. — Недаром казак готов положить за нее голову...

Девушка пристально смотрела на Тудора. Словно пронизывая его глазами, она звала, просила помочь, обещая взамен упоительную награду. Шоймару сделал еще шаг вперед и крикнул:

— Василь, слушай, что я скажу тебе!

— Ну, что там еще? — рявкнул казак.

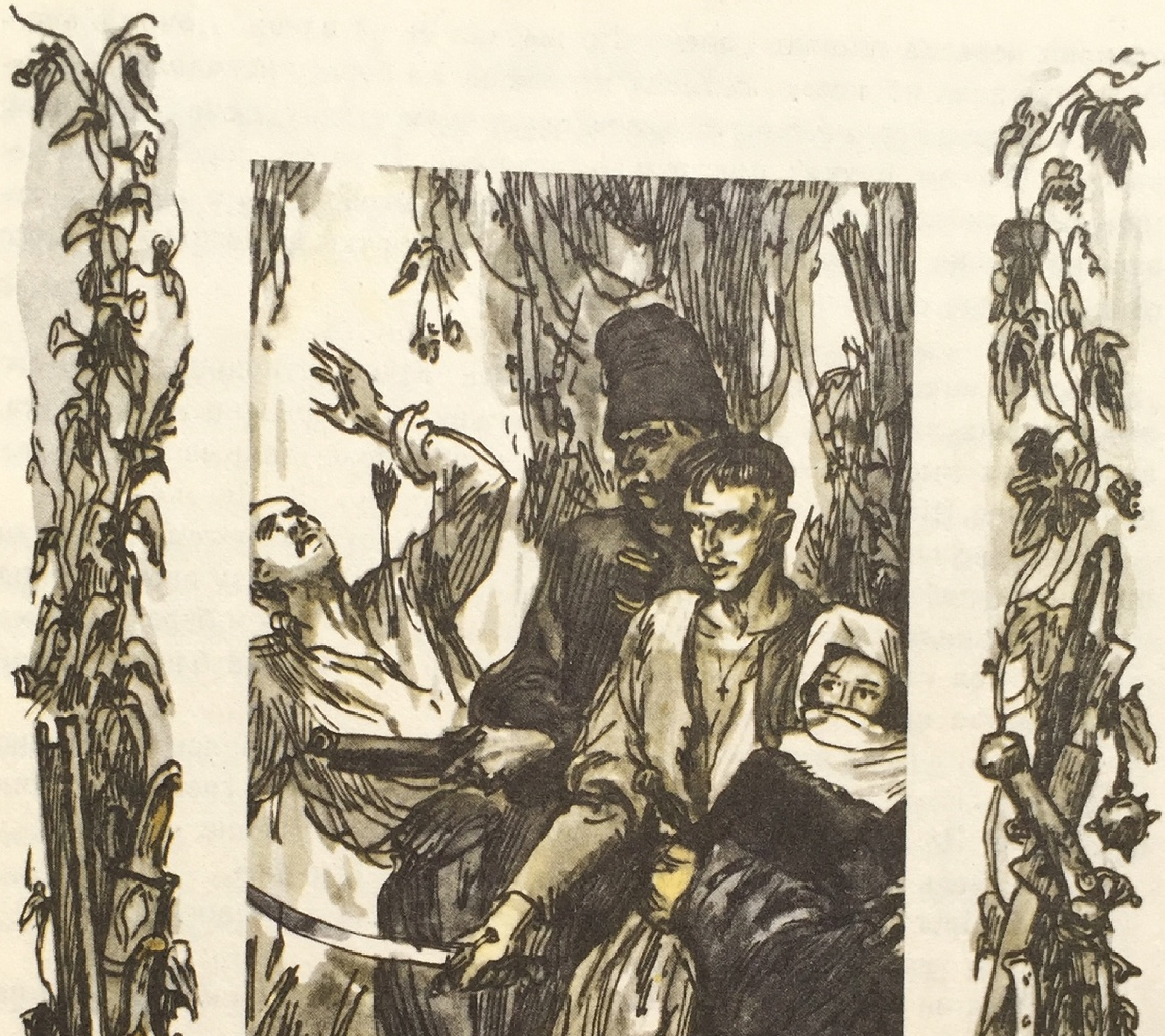
— Слушай, Василь. Отпусти дочь боярина и брось оружие. Решим дело миром. Что зря кровь проливать? Тут ведь не поле боя. Верни ее, и все тебе простится.

— Ты прощаешь, оттого что понимаешь его, — шепнул мудрый Симеон.

— Девку не отдам! — крикнул казак.

— Не отдашь по доброй воле, — получишь пулю в плечо. Тогда пеняй на себя.

Василь мрачно рассмеялся в ответ. Шоймару, будто подстегнутый взглядом девушки, вскинул к плечу пищаль. Раздался выстрел, рука



атамана повисла плетью, словно кто вырвал ее из плеча. Дочь боярина Орхеяну упала на землю. В то же мгновение на берегу показался Кантемир и послал из туго натянутого лука свистящую стрелу. Казак, стоявший рядом с Олесем, рухнул, смертельно раненный. И тогда, перед лицом неминуемой гибели, оба казака, будто сговорившись, кинули рядом с девушкой саблю и пищаль. Старик поднял обе руки и выкрикнул одно слово, полное отчаяния:

— Раб!

Василь махнул рукой в знак покорности. Кровь, струившаяся из его левого плеча, заливала дорогую меховую накидку боярышни. А панночка, напуганная выстрелом в упор, лежала в обмороке, закрыв глаза, так поразившие Шоймару.

Кантемир поспешил вниз, а Шоймару и Бырновэ между тем наступили на оружие побежденных. Думитру Лие и Испас по приказу своих господ тоже поспешили к ручью и подняли девушку. А на высоком берегу, держа лошадей под уздцы, со спокойной, загадочной улыбкой на бледном лице наблюдал за ними степняк Илун.

Шоймару с озабоченным видом наклонился, прислушиваясь к дыханию пленницы. Потом, сжав кинжал, подаренный беем, метнул гневный взгляд на казака. На лице у него появилось недоброе выражение.

— Ты ведь простил его, Шоймару, — сказал Бырновэ.

— Я? Простил? — дрожащим от гнева голосом проговорил тот.

Казак в упор взглянул на него.

— Коли не убьешь, так мы еще встретимся, — сказал он. — Я тебя не помилую, так что лучше убей. . .

Он дерзко глядел на них, словно не чувствуя раны в плече.

Шоймару медлил: острый гнев переполнял его, рука сжимала кинжал все крепче, готовясь нанести беспощадный удар. Но тут девушка открыла глаза и устремила на Тудора недвижный взор. Заметив это, он вложил кинжал в ножны и бросился развязывать ей рот.

— Ты велела освободить тебя, госпожа, — кротко проговорил он. — Скажи, что делать дальше, куда везти тебя?

Но боярышня была еще не в силах отвечать. Кутаясь в меховую накидку, она поправила белыми нежными пальцами прядь волос у виска и слабо улыбнулась той улыбкой, которая — она знала — особенно красила ее.

Олесь перевязывал плечо товарища и бормотал про себя:

— Видишь, Василь! Сердце-то мое правду чуяло. Теперь побредем, точно звери, без коней и оружия. . . Кто знает, когда доберемся до родной Украины.

Молодой казак промолчал. Тяжело вздохнув, он смотрел, как удаляется голубая накидочка, из-за которой он чуть было не лишился жизни. . .

Глава девятая

БОЯРИН ОРХЕЯНУ МИРИТСЯ С ДЕДОМ КИРИЛЭ

Двое слуг вывели во двор пана Строе, поддерживая его под руки. Позабыв о недавнем гневе, вельможа тревожно всматривался своими большими, навыкате глазами в сторону восточного шляха. Он прихрамывал, при каждом шаге лицо у него перекашивалось от боли.

Двое других слуг перебирали поклажу в легкой телеге на высоких колесах. Боярин покосился в их сторону и сказал, потряхивая дремучей бородой:

— Обормоты проклятые! Так опоздать... Небось отсиживались в кустах или еще бог весть где... Ишь когда привезли телегу и коней! Ехали бы следом, так я бы еще ночью погнался за тем злодеем. Я уж было решил, что он перерезал вам горло и захватил телегу со всем добром, купленным в Польше.

— Прости, господин, — покорно ответил старший слуга. — Мы сделали все, что могли. Слава богу, хоть головы остались целы...

— Вот как? Все, что могли? Кинули одного, а тут еще конь сбросил меня наземь... Кто же поскачет вслед за казаком? Кто спасет мою доченьку? Ишь ты! Сделали все, что могли... Я вам покажу, висельники вы эдакие, что вам надо было делать...

— Милостивый пан, нам столько пришлось вытерпеть. Хвала всевышнему, что хоть нашли тебя...

— Еще бы вы меня не нашли... Да я бы вас в змеиной норе отыскал. Хотя... Оно конечно, хорошо, что вы нашли меня. А добро все цело? Ничего не потеряли?

— Все в целости, господин, все уложено, как ты велел...

— И на том спасибо. Хотя что в нем проку? Сдержат ли слово бояре, что обещались мне помочь? Ох, до чего же сердце ноет, все внутри горит...

На пороге показался дед Кирилэ — красный нос его сиял на солнце. Он тоже успел забыть ночную ссору. Теперь он примирился с боярином и умильно поглядывал на него веселыми, лукавыми глазами, зная, что в глубоких карманах пана Строе позвякивают золотые доброй чеканки.

— Пан боярин! — крикнул он густым басом. — Не гневись на глупые речи, но можно ли полагаться на слова каких-то молодцов? Пусть они и знатные, да ведь у них своя дорога. А вдруг злодей свернул в сторону? Легко ли настигать людей в чистом поле!

— Что ты сказал? — спросил вельможа, оглянувшись.

— Я говорю, боярин, что в нонешнее время никому верить нельзя.

— Что верно, то верно. Я ведь и знать не знаю, что это за люди.

— Стало быть, напрасно ты плакал и упрашивал их, — продолжал дед Кирилэ, ухмыляясь про себя.

— Что поделаешь, братец, — отозвался Орхеяну. — Уж очень туго мне пришлось... Да и нрав у меня такой — легко расстраиваюсь... А теперь вижу, что ты прав. Но пока я тут ждал да терзался, надумал, как поступить. Переправлюсь через Днестр — в Польше у меня, слава богу, добрые приятели. И пан Влади́слав Дубро́вский, и Сандоми́рский воевода, и Бресла́вский каштелян... Стоит им повелеть — злодея тут же приволокут в цепях. С ляшскими сановниками шутки плохи. Мы, конечно, не беднее их, нажили немало деревень да угодий. Есть у нас, милостью божьей, чем жить... Но у них сила. А в наших краях, при этих усобицах только и знаешь, что скачешь к рубежу да обратно...

— Эх, ясновельможный пан, — воскликнул Кирилэ, смекнув, куда гнет гость, — верно люди говорят: смена князей — дуракам радость. Ничего, они уходят, а мы остаемся...

— Истинная правда, добрый человек, не в князьях сила нашей земли. На боярах лишь держится в ней порядок и древнее устроение. Князь — все равно, что пустое место. А смерды, что овцы, головы от земли не подымут. Мы — высокородные — основа и начало всему...

— Истинная правда, — смиренно подтвердил Кирилэ, прикинув про себя, что льстивое слово, приятное боярскому сердцу, может заметно повысить его выручку. Бывалый корчмарь умел одинаково ловко действовать и палицей и сладкими речами.

— Ясновельможный пан, — начал он, вспоминая дерзкий ночной разговор, — что, в самом деле, может знать неразумный смерд? Слова путного от него не дождешься... Обычай бычий, ум телячий. Только и знает — размахивать дубиной да сквернословить... О себе уж не говорю — опростоволосился, зато как уразумел, с кем имею дело, какой вельможный и щедрый пан завернул ко мне, дал себе по губам, отчитал как следует. А другие, честной боярин, и вести себя подобающе не умеют.

Орхеяну ничего не ответил. Сдвинув брови, он сделал два шага по направлению к шляху, захромал и поморщился. Тем временем старший слуга, цыган с хитрым, угодливым выражением лица и льстивой улыбкой, гордо поведал корчмарю:

— У ясновельможного пана, дед Кирилэ, столько угодий в Оргеевском крае, что разве с вершины высокой горы охватишь взглядом. Никто им и счету не знает. Одних пасек двадцать, а уж стад и мельниц, заезжих дворов... Всего и не перечесть...

— Да я уж наслышан об этом, — мягко заметил корчмарь.

И действительно, ночью, как только боярин уехал, дошлый дед умело расспросил его слугу, и когда Орхеяну, свалившись с коня, вернулся на

подворье, старик забыл о своих угрозах, спрятав дубину подальше в темный угол. Корчмари — калачи тертые. . .

Боярин между тем глаз не сводил с дороги и нетерпеливо качал головой:

— Никого. . . ни души. . . — проговорил он наконец и повернулся к двери. Надежды и напускной удали оставалось в нем все меньше. — Что я тут стою? — спросил он, обращаясь скорее к самому себе и заламывая руки. — Кого еще жду? На что уповаю? В наши дни верить можно только самому себе. Готовьте повозку! — крикнул он слугам, блеснув глазами. — И мехов набросайте, чтобы меньше трясло. Переправимся через Днестр, а там уж я достану злодея. Вздерну на крючьях и своими руками буду хлестать кнутом. Я ему покажу! Как он посмел дотронуться до такой девушки, цветка красы невиданной. Нищий простолюдин, прах, смерд, живет небось, как все на Украине, в лачуге, вместе с конями да свиньями! Да как он смеет поднимать глаза на знатную боярышню! Наша дочь скорее жизни лишится, чем позволит коснуться до себя рукой. Я растил ее и воспитывал среди достойных людей, мы и на королевских балах бывали в беломраморных, золотых дворцах, куда жены польских магнатов являются в дорогих шелках и драгоценностях. . . И наследница наша была одета не хуже их, а красотой и вовсе их затмевала. . . Она — княжеского рода. Как же этот казак дерзнул? Пусть берет себе, коли охота, оргеевскую крестьянку, да и та ему не ровня, потому что — моя холопка. . . — Произнося эти хвастливые слова, боярин гневно выпятил грудь.

Дед Кирилэ не спускал с него лукавого взора: ему вспоминались надменные шляхтичи, не раз заглядывавшие к нему на постоялый двор.

— Сразу видно, пан боярин, — смиренно проговорил он, — что ты жил среди польской шляхты, при дворе короля. . .

— Конечно, жил, — гордо подтвердил Орхеяну. — Слава богу и пречистой деве, мне есть чем похвастаться. Все Оргеевские угодья — мои. А когда холопы подняли головы и осмелились просить себе земли, Арон-водэ усмирил их мечом. . . У нас добрые княжеские грамоты, как у наших отцов и дедов. Да иначе и быть не может: рода мы знатного, высокого. . .

Дед Кирилэ отвесил поясной поклон.

— Ну что, привели коней? — громко спросил боярин. — Иримие, где ты там?

— Привел, господин, — ответил слуга-цыган. — Все готово.

— Надо немедля ехать, — решительно проговорил боярин. При всем своем высокомерии и гневе он ни на миг не забывал, что в Молдавии новая власть, и ему надо поскорее найти убежище во владениях друзей.

Но зоркие глаза деда Кирилэ, привыкшие следить за дорогой, уже издали заметили приближавшихся всадников.

— Ясновельможный пан! — крикнул он, глядя на восток. — Сдается мне — зря торопишься. Я вижу конников. Уж не наши ли это молодцы?

— Где они? — вскинулся боярин и поспешил к шляху. — Где? — Казалось, он совсем забыл о боли в ноге. — Великий боже, неужто они? Неужто нашли мою доченьку? Никак не разгляжу. Ага, теперь уже видно! Смотрите, люди добрые, вон ее голубая меховая накидка. До чего резво скачут! Иримие, черная образина, отыщи немедля шкатулку, достань из нее золотую цепь, я хочу надеть ее. Пусть видят, что их с честью встречает знатный вельможа...

— Господин! — крикнул снова корчмарь. — Коли у твоей княжны голубая накидка, значит, они ее везут. Выходит, сдержали слово... Да и что говорить — молодцы один к одному. Ну, теперь и повеселиться не грех...

Торопливо надевая золотую цепь, боярин Орхеяну спешил, прихрамывая, навстречу всадникам. Лицо его светилось радостью, руки дрожали, сердце гулко стучало в груди.

Шестеро всадников осадили коней. Они спешились, и Шоймару, поддерживая под руки бледную и усталую боярскую дочь, снял ее с коня. Орхеяну сжал ее в объятиях, проливая неподдельные слезы. Он целовал ее щеки, лоб и, прижав головку к груди, качал на руках, бормоча глухим от волнения голосом:

— Доченька, сердце мое! Я уж и не чаял увидеть тебя живой... — И снова целовал. Потом принялся вытирать слезы широким рукавом кафтана.

Корчмарь с довольным видом буркнул с порога:

— Вот когда в нем душа сказалась. Позабыл, сердешный, замашки польского шляхтича.

Трое друзей радостно и немного растроганно улыбались.

Глава десятая

РАДОСТЬ БОЯРИНА СТРОЕ

Наконец дочь Орхеяну оторвала от родительской груди улыбающееся, покрытое милым румянцем лицо, и боярин протянул руки к Шоймару и его друзьям. Ласково обняв их, он взволнованно сказал:

— Вы вернули мою доченьку! Чем отблагодарить вас? Отдать сердце,

все мои богатства? Назовите себя, я хочу знать ваши имена, чтобы радоваться им и поминать в молитвах до смертного часа.

— Я татарин, — ответил бей, сверкнув белозубой улыбкой, — и зовут меня Кантемиром.

— Как? — воскликнул с великим удивлением боярин. — Так это ты привел буджакскую орду на подмогу господарю Томше?

— Я, боярин, — ответил тот. — Удивляешься? Ты думал, у неверных нет сердца, что они не помогут человеку в беде?

— Ах! — вскричал боярин, возводя очи к небу. — Да зачтется тебе это на праведном суде. . . А я-то слышал, будто лишь в западных странах случается, чтобы иноверец, почитаемый, скорее, за врага, совершал такие поступки. . .

— Пан Строе, — спокойно возразил Бырновэ, — такие люди встречаются и в восточных землях. Как видишь, провидение одаряет добрым сердцем кого хочет. Пути господни нам неведомы. . .

— Верные слова! Верные! — истово кивнул пан Строе, дважды касаясь груди окладистой бородой.

— Не удивляйся, пан, — сказал, все еще посмеиваясь, Кантемир, — что я стал побратимом двух этих рыцарей, твоих единоверцев. Я привык ценить человека по его душе, а не по вере. И они, спасая мне жизнь, не думали о том, что я поклоняюсь Магомету.

— Они спасли тебе жизнь? — переспросил боярин, делая большие глаза.

— Вот они, мои спасители: пан Симеон Бырновэ и пан Тудор Шоймару.

— Симеон Бырновэ, — проговорил Орхеяну, поворачиваясь к молодому боярину. — Твоя милость, стало быть, сын пана Михэйлаша? Знавал я твоего отца. Выходит, ты в него — такой же отважный и достойный муж. Вот это обрадовал! Но позволь! . . Как же это получилось? Ведь вы родичи вдовы Иримии. А ты пришел с князем Томшей. . .

— Такие времена: сходятся не по родству, а по приятельству, — ответил с улыбкой мудрый Симеон.

— Оно, конечно, так. . . — вздохнул боярин. — А вот имени его милости, — продолжал он, поворачиваясь к рэзешу, — я что-то раньше не слыхивал. . .

— Тебе и неоткуда было его слышать, боярин, — ответил Тудор. — Родом я из Оргеевской земли, с берегов Рэута, сам я из рэзешей. И долго скитался по чужим странам.

Словно тень промелькнула по лицу боярина. Он внимательно разглядывал капитана. Но его дочь прервала молчание.

— Ты слышал, отец? — воскликнула она, пристально глядя на того, кто вырвал ее из рук казака. — Он наш, оргеевский. С берегов Рэута, кото-

рые я с малолетства запомнила. Какое чудесное совпадение, — продолжала она нежно, сложив ладони, — что именно твоей милости довелось вырвать меня из рук Васьки-казака!

— Это он спас тебя? — спросил Орхеяну, по-прежнему не спуская глаз с молдавского воина.

— Что ж, вот и награда за все мои труды, — медленно ответил Шоймару, зачарованный голубыми глазами девушки. — Это и впрямь было чудо, на то, видно, воля всевышнего.

Боярин не отрываясь смотрел в лицо капитана.

— Шоймару? Шоймару?

— Именно Шоймару, боярин. И село наше называется Шоймэрешты, по имени нашего дальнего предка. А я, почитай, двадцать лет не бывал в тех местах. Родные мои скитались по белу свету, и я, несмышленыш, с ними. Потом они погибли в чужом краю, и остался я один-одинешенек. Да вот не забылась родная земля, хочу хоть одним глазком взглянуть на нее. А там кто знает, куда занесут меня ветры да волны...

Глаза боярина внезапно оживились.

— Что ж, — громко проговорил он, — доброго ратника породила наша земля! Мы ведь тоже с берегов Рэута. И звать меня Строе Орхеяну. Слыхал такое имя?

— Слыхать-то, может, и доводилось, а вот не запомнил...

— Ничего! Ты ведь еще малышом оказался среди чужих. Не знал ни усобиц наших, ни волнений, ни невзгод. А их было вдосталь. Однако время все излечивает. Утихомирились и мы. Попомни эти мои слова — я тебе добра желаю. Ты славный воин, пан Тудор Шоймару, и я хочу обнять тебя за то, что ты вырвал мою доченьку из рук злодея...

Шоймару не очень понял намеки Орхеяну, но объятия его принял с удовольствием. Потом снова повернулся к девушке, которая то и дело бросала на него взоры, наполнявшие его несказанным блаженством.

Татарин и Бырновэ тихо пересмеивались, следя за ними.

Боярин Строе расправил на груди золотую цепь, погладил густую бороду и повернулся к корчмарю, который с порога наблюдал за встречей, какую не часто увидишь даже на постоялом дворе, стоящем у большой господаревой дороги.

— Кирилэ! — весело крикнул боярин. — Сегодня у меня на душе такая радость, как в тот день, когда моя покойная супруга родила мне это сокровище. Поднеси-ка нам лучшего вина, друг мой Кирилэ, и накорми усталых путников. Они всю ночь скакали и теперь — по глазам вижу — совсем оголодали.

— Ясновельможные паны не успеют прочесть «отче наш», как стол будет накрыт, — объявил дед Кирилэ и, выпятив брюхо, затянутое

широким поясом, зашагал к погребу, шепнув по дороге старшему слуге Иримие:

— Вот когда в боярине заговорил молдаванин. Видно, только в радости человек и поет настоящим голосом.

К подлинной радости пана Орхеяну примешивалась немалая доля трезвого расчета. Трое друзей, знатных воинов князя Томши, были для него надежной опорой. Теперь ему нечего было опасаться княжеских слуг, можно и кое-какие делишки обделать в Оргееве. И потому вопрос Бырновэ не застал его врасплох.

— Скажи, боярин, — спросил тот, — не скрывался ли ты в Польше при дворе супруги Иримии?

— Истинно так,—решительно подтвердил Орхеяну.—Я был ее сторонником и приехал вслед за князем Константином и Потоцким в стольный город Яссы. Но, паны бояре, тут я увидел, какой бедой — похуже наводнения и пожара — обернулось это нашествие для родной земли. Я увидел,

как разоряют ее наемники, а новым набегам конца-краю нет. Ударил я себя кулаком в грудь и сказал: правда на стороне сильного. Сядет на престол князь Томша с согласия турецкой державы — и конец бедам Молдавии. Стало быть, всем надо стоять за него. Так я рассудил про себя.

— Мудро рассудил, пан Строе, — ответил Симеон. — Боярские козни да наемное войско губят нашу землю.

— Святые слова! — провозгласил оргеевский вельможа.

И, широко раскрыв руки, с веселым смехом подтолкнул гостей к корчме:

— Ах вы, други мои сердечные! — кричал он. — Пойдемте, осушим по чарке на память о сегодняшнем дне.

И как бы мимоходом спросил:

— А куда вы путь держите, добрые люди? Уж не в наши ли края? Я ведь тоже собираюсь уладить одно дельце в Оргееве, а уж потом немедля предстану перед новым господарем.

— Так ты едешь в Оргеев, боярин? — быстро спросил Шоймару, и глаза у него загорелись.

— Еду непременно, — подтвердил Орхеяну. — В Мурджéнах, на берегах Рэута, у нас большая каменная усадьба. Перед ней широкий плес, а посреди него остров, диву подобный, я его так любил в молодости. . . Еду: надо мне получить кое-какие доходы с мельниц, пасек и заезжих дворов.

— Тогда поскачем вместе, пан Строе, — предложил Кантемир со своей лукавой улыбкой.

— В самом деле? Вот обрадовали! . .

— И мы рады не меньше, — ответил бей, со значением взглянув на Шоймару.

Между тем Магда Орхеяну задумчиво прошла вперед. Обменявшись несколькими словами со старшим слугой Иримие, она ушла в одну из комнат — надо было переодеться, покрасоваться перед схваченным серебряным обручем зеркалом, которое служитель с трудом отыскал среди поклажи. Рэзеш проводил ее горящим взором до самого порога.

А старый боярин, уверившись, что все идет как нельзя лучше, отбросил свои заботы, решил отдаться радости этого часа, и, обняв за плечи друзей, повел их отведать доброе вино деда Кирилэ.

*

Глава одиннадцатая

БОЯРИН СТРОЕ — ДОБРЫЙ БРАЖНИК

Дед Кирилэ, по всему видно, был исправный хозяин. На его дворе, обнесенном высокой каменной стеной, кричали гуси, кудахтали куры, резвились в теплых лучах солнца телята. Под навесом двое работников кололи дрова. Под боковой стеной дома виднелся черный зев винного подвала. Корчмарь уже во второй раз поднимался по его дубовым ступеням, неся красный обливной кувшин со старым вином, выдержанным в темноте на глубине сорока ступеней под землей.

Он вошел в дом через низкую заднюю дверь. Бабка Мария, жена его, отошла от очага, неся длинный железный вертел с полдюжиной подрумяненных цыплят.

Тут же в тесных сенях показался веселый боярин Орхеяну с багровым лицом и крикнул что есть мочи:

— Вина достал, дед?

— Достал, — ответил корчмарь, бережно поднимая к боярской бороде красный обливной кувшин.

— А где обещанные курчата?

— А это уж дело старухи. — Кирилэ подтолкнул вперед бабку с ее огромным вертелом.

— А о доченьке позаботились? — так же громко спросил боярин.

— Милостивец ты наш, — жалобно запричитала старая, — наведалась я к голубке, пошептала над ней наговор от дурного глаза. Неможется ей, головка болит. Да и как не болеть: сколько глаз-то на нее пялилось. Пригожая девушка, как цветок. А теперь прилегла. Я поподчевала ее — дала куриное крылышко. Так она, сердечная, еле прикоснулась губками, поклевала, что твой воробышек, боярин.

— Я хочу ее увидеть! — заявил пан Строе.

— Сдается мне, она задремала, ясновельможный. Да ты не тревожься, ничего у ней нет, ничего... Пусть полежит спокойно после наговора...

— Ты так думаешь?

— Так, милостивец, так...

— В таком случае подай вертел сюда, я понесу его приятелям, а ты, Кирилэ, тащи за мной святое христианское зелье. Молодой бей мастак по питейной части, любо-дорого на него смотреть. Ступай за мной!

Захмелевший боярин вернулся в горницу, к столу, высоко подняв вертел, точно страшное оружие мести. Пирующие встретили его дружным хохотом. Дед Кирилэ ловким движением поставил на стол кувшин — казалось, он достал его из недр своей громадной утробы.

— Ай да Кирилэ! Молодец! — крикнул боярин Строе, сбрасывая с вертела цыплят в большую миску и облизывая пальцы.

Глаза Кантемир-бея горели, точно угольки. Сжимая пальцами стакан, он улыбался, обнажая белые, острые, как у молодого волка, зубы. Лицо сияло; молчаливый, бледный слуга стоял позади, не спуская глаз со своего повелителя. Лие и Испас, оставив ненадолго коней и поклажу, угощались тут же остатками с барского стола.

— Я думаю, паны бояре, — с ударением произнес Кантемир, — что истинную дружбу надобно скреплять молдавским вином. Много добра в вашей земле, оттого мы, татары, и запомнили сюда дорогу.

— Тогда сделай милость, выпей и эту чарку! — крикнул Орхеяну.

— Отчего же, можно и выпить: я еще меры своей не достиг, — ответил татарин. — Пока я властен над этим добрым вином, все мне нипочем. — И, заметив, что оргеевский вельможа занят цыпленком, пытаясь разорвать его на две части, склонился к уху Шоймару: — Гляжу я на тебя, брат мой Тудор, ты все молчишь. Не к добру это... Выпьем.

— Не хочется.

— Брат мой, — продолжал татарин, — я читаю в твоем сердце, как в открытой книге.

— Не худо бы ему выйти во двор, проветриться, — вставил мудрый Симеон, хотя, казалось, он ничего не слышал.

Будто повинуясь приказу, Шоймару легко вскочил со своего места и незаметно выбрался в темные сени. За ним последовал Лие.

— Господин, — шепнул он, не дожидаясь вопроса, — боярышня почивает в комнате, на той половине дома...

— Хорошо, — ответил Шоймару, ничуть не удивившись его словам. Он сжал плечо Лие и добавил: — Воротись и смотри в оба...

Круглое лицо Думитру Лие растянулось в довольной улыбке. Он вошел в горницу, где боярин Строе, держа в одной руке половину цыпленка, а в другой полную чарку, громко провозглашал:

— Где-где, а уж в дружбе и на пиру не сплошаю. Эх, много выпито мной хмельного со знатнейшими шляхтичами при дворе короля! Какие только есть на свете вина — все отведал...

Бырновэ спокойно задавал ему все новые вопросы, и боярин — чванливый по природе — потряхивал пышной бородой и оглушительно кричал на всю горницу.

В сенях Шоймару наткнулся на бабку Марию. Старая, должно быть, успела кое-что выведать у муженька: она остановилась и, подняв на ратника маленькие глазки, застыла в ожидании.

— Где боярышня? — шепнул капитан.

И, вспомнив о подарке Томши, достал из широкого пояса татарский золотой. Монета сверкнула и тут же исчезла в сморщенной ладони стару-

хи. Шоймару хотел спросить еще что-то, но в это мгновение скрипнула дверь. Старуха, неслышно ступая, направилась к очагу, а рэзеш, повернув голову, остолбенел: перед ним стояла дочь Орхеяну. В темном, цвета ежевики, платье она казалась еще белее. Каштановые волосы, гладко причесанные, были ровно разделены пробором, голубые, таинственно мерцающие глаза с длинными черными ресницами смотрели на него в упор.

— Я услышала твой голос, пан Тудор, — шепнула она, — и мне захотелось еще раз поблагодарить тебя.

И тут же отступила в тень каморки.

Шоймару сделал шаг, потом, осмелев, переступил порог, закрыл дверь и прижался к ней спиной. Он не проронил ни слова: в груди словно жгло, сердце стучало так, как не стучало в часы самой грозной опасности.

— Что ты делаешь? — спросила боярышня, прижав к щекам ладонь. — Вдруг пожалует батюшка?

— Не гневись, — умоляюще заговорил Шоймару. — Хочу сказать тебе одно словечко. . .

Девушка улыбнулась. Стоя посреди комнаты, она пристально вглядывалась в него.

— Какое словечко?

Тудор ничего не ответил, только глаза у него сверкнули. Девичьи ресницы затрепетали, она потупилась, потом рассмеялась.

— У тебя такие же свирепые глаза, как тогда, в овраге. . .

— Тогда-то я и разглядел тебя в первый раз, — мягко проговорил воин. — Может, я напугал тебя. Но с той поры ты мне полюбилась, госпожа моя. . .

Он тряхнул разгоряченной головой. Страшное слово сказано. В одно мгновение произошло то, о чем он мучительно думал долгими часами, то, что казалось ему таким несбыточным. На миг все расплылось у него перед глазами, потом он снова увидел девушку. Она не вскрикнула, не отступила дрожа в угол. Только снова потупилась, и щеки заалелись румянцем.

— Так ты не гневаешься! — ласково сказал Шоймару. — Когда я увидел тебя, то решил было, что ты царевна из старой дивной сказки. Жизнь моя теперь ничего не стоит. . . Бросаю ее к твоим ногам. Прикажи мне умереть. . .

Она покачала головой:

— Ни за что. . .

— В одно мгновение, — продолжал воин, — все вокруг перевернулось. Теперь понимаю, в чем тут причина. . . Горевать бы — так нет, обезумел от радости. А ты молчишь. Скажи мне что-нибудь. . .

Она не ответила и, чуть склонив голову, поглядывала на него из-под опущенных ресниц. Шоймару печально покачал головой. Он вспомнил, что

Кантемир прозвал его «Златоустом». А он теперь не находил слов, чтобы завоевать сердце любимой девушки.

— Скажи мне хоть что-нибудь, — повторил он угасшим голосом.

Она все молчала. Он хмуро взглянул на нее.

— Не смотри на меня так, — попросила она и покачала головой.

— Смотрю, потому что время бежит, и кто знает, когда мы еще окажемся вдвоем.

— А вы разве не едете с нами в Мурджены? — спросила она с напускной тревогой.

Сердце Шоймару вновь заколотилось. Он собирался было ответить, но в это время в дверь стали тихо царапаться. Раздался голос Лие:

— Где господин?

Магда Орхеяну откинула слегка голову и протянула капитану руку. Он сжал ее тонкие пальцы, дважды коснулся их губами и почувствовал, как они выскальзывают из его ладони. Стремительно отступив, он вышел в сени, где наткнулся на Думитру Лие. Тот был один и смеялся.

— Что случилось? — грозно спросил Шоймару.

— Бородач-боярин собрался ехать, — шепнул Лие, — и хочет будить дочь... Пан Бырновэ остановил его в дверях и потчует евангельской притчей.

— Так готовьте коней и повозки! — горячо проговорил рэзеш. — Едем домой...

Слуга тихо вышел во двор, а ратник не то подумал, не то прошептал про себя: «Все смешалось теперь в моей жизни... Словно вихрь уносит меня неведомо куда... Едем в Мурджены, — радостно повторил он. — Там и узнает сердце, какая ему судьба...»

И он поспешил в горницу, к друзьям.

Глава двенадцатая

МОЛОДЫЕ ТАЙНЫ ЛЕСА

Сделав несколько привалов в пути, они наконец увидели берега Рэута. Телега с поклажей осталась далеко позади. Магда Орхеяну сперва отлеживалась на ней, укутанная мехами, потом потребовала, чтобы ей подали коня под седлом. Долгий сон вернул девушке силы; позвав шутливым словом капитана Шоймару следовать за собой, она помчалась вдоль лесной опушки в сиянии июньского заката.

Боярин Строе, довольный тем, что без помех добрался до своих владений, не встретив грозных княжеских гонцов, спешил и горячил коня. Некоторое время он рассказывал спутникам о пышных балах при

дворе короля, затем печально поведал, как лишился на чужбине горячо любимой супруги.

— Ах, паны бояре! — скорбно говорил он. — Накопил я немалые богатства, да что в них проку, когда душа тоскует... Жена моя, родом из Польши, была на редкость пригожа. Крестил я ее в нашу веру и обручился с ней во храме божьем. Вы видели мою Магду. Так супруга моя была столь же хороша и звали ее так же. Конечно, девочка и на меня немного похожа. Но поступь, речь — все, что принесло мне столько радостей и печали, — от матери... Скажу по совести — иной раз не оберусь хлопот с девчонкой. Упряма и несговорчива, а порой шаловлива и резва, что дикая коза...

Боярин говорил без умолку. А глазам путников меж тем открывались все более и более живописные дали.

За темными валами ближних лесов вставали другие, еще темнее. Пологие холмы, извилистые долины, ленты рек меж крутых известняковых берегов — такой предстала перед ними в низких закатных лучах щедрая, благостная земля древней Молдовы. Места были глухие, вокруг, насколько видел глаз, ни дымка, ни следа жилья. Вечерами на этих бескрайних лугах, наверное, показывались стада зубров и оленей, не пуганные человеком.

Симеон Бырновэ тихо шепнул на ухо бею:

— С тех пор как встретился нам Орхеяну, наш побратим молчит, только глаза горят... Уж не захворал ли?

— Должно быть, захворал, — подтвердил Кантемир. — Про такое у нас говорят: вступил в тень слепого месяца. Что ж, каждому суждено испытать это. Настал и его черед. Девушка, ничего не скажешь, хороша, точно грузинка, звезда сераля. Да нужды нет, скоро он очнется: таким, как Тудор, с крепким сердцем и горячей душой, немало достается ушибов и ран...

— Того ради я и завел разговор, брат Кантемир, — сказал с улыбкой Бырновэ. — Настал для него счастливый час, встретил пригожую девушку. Пусть же молодые отъедут подальше, а мы займем разговором боярина Строе.

И они забросали боярина Орхеяну вопросами, в то время как Шоймару и Магда ехали мерной рысью по отлогому спуску. Оружие капитана сверкало на солнце. Магда, в широкой, вишневого цвета шерстяной юбке, сидела в седле по-мужски. Бархатная, тесно облегавшая стан кофта, отороченная мехом по воротнику и рукавам, плотно облегала ее маленькую грудь. Девушка плавно покачивалась в седле, лицо у нее разрумянилось, глаза блестели, казалось, она охмелела от скачки, от запахов близкого леса, от его сгущающегося сумрака, который словно манил их в свою тенистую глубину.

Буковый лес остался позади, его край уходил куда-то в сторону. За молодняком в низине белела березовая роща, словно освещенная изнутри: стройные стволы, изящные ветки, опушенные мелкой листвой. За прозрачной волной березняка проступали другие леса и поляны, а дальше виднелись пруды, говорившие о близости человеческого жилья.

Магда остановила коня и протянула руку.

— Видишь, там в низине? Это Рэут, — сказала она.

Шоймару смотрел на нее шалыми глазами.

— Вижу, — ответил он. — Как во сне вспоминаю. Эта река памятна мне с детства. Но мы слишком скоро доехали. . .

— Как так скоро? — рассмеялась девушка. — Мы же ехали всю долгую лунную ночь.

— Эту ночь ты проспала в своем возке.

— Теперь опять всходит месяц, а я на коне рядом с твоей милостью.

Да, видать, тебе все равно — в возке ли я или рядом. Что ж, тогда и мне все равно: вчера ты молчал и сейчас молчишь...

— Я и впрямь не очень-то разговорчив, — рассмеялся Шоймару. — Столько хочется сказать, а язык не слушается...

Девушка лукаво усмехнулась и нежно покачала головой.

— Вперед! — внезапно крикнула она. — Поскачем!

Язык и впрямь не слушался Шоймару. Все эти часы он почти не говорил, и лишь во взоре светилась немая решимость... Любовь распускалась в нем, подобно огненному цветку. Он жил будто во сне, ничего не понимая, весь во власти желаний.

Они помчались вниз к березовой роще. Вот уже у них над головами затрепетали нежные ветви, казалось, они парили в ослепительном закатном сиянии. Девушка, запрокинув голову, то и дело взглядывала на них, вдыхая дрожащими ноздрями запахи долины.

Вдруг она повернула голову к Шоймару и, рассмеявшись, кольнула

коня шпорами своих красных сафьяновых сапожек и погнала его вниз. Что-то толкнуло Тудора в грудь — он тоже пришпорил бегуна.

У поворота под старой березой девушка осадила коня. Повернувшись в седле, она предостерегающе прижала палец к губам, лукаво глядя на него сверкающими глазами. Часто дыша, полураскрыв губы, она к чему-то чутко прислушивалась...

Шоймару остановил коня рядом: таинственный трепет объял обоих в наступившей тишине. Чуть поодаль, в кустах, пробовал голос соловей. И вдруг в глубине безмолвной долины раздались глухие отдаленные удары, словно где-то там, в дебрях, неведомые строители били деревянными кувалдами о землю.

— Я уже однажды слышал их, — шепнул Шоймару, привстав в стременах и напрягая слух. — Я был тогда с дедом и даже видел, как они молотят хвостами по воде.

— Да, это бобры, — сказала девушка и рассмеялась, между тем как глаза ее настойчиво искали взгляда Тудора. — Я тоже видела их. И не раз слышала, стоя на этом месте. Все здесь дышит тайной и очарованием...

И действительно, от запаха нежной листвы, от тихих лесных шорохов в душе разливалась сладкая истома. Но и девушка с манящим взглядом, гибкая, словно березовая ветка, давно и сладко грезила, должно быть, об этом часе, нежась в мягких мехах на повозке. И когда воин внезапно обнял ее, она прильнула к его груди и, обвив его, точно лиана, закрыв глаза, отдалась его страстным поцелуям.

Они въехали в густую тень берез, и позади них настала тишина. Лишь где-то в дебрях снова и снова раздавался таинственный стук бобров.

Глава тринадцатая

КРЕСТ НА МОГИЛЕ РЭЗЕША

Словно пелена пала с глаз Тудора, когда он въехал в селение предков. Всю ночь он будто грезил наяву: перед глазами неотступно стоял образ девушки. И как только отец и дочь скрылись за каменной оградой своей усадьбы, он поспешил к себе в деревню с единственной мыслью поскорее вернуться сюда и вновь увидеть любимую. Великая любовь была теперь для него превыше всего в жизни. Какое ему дело до всего остального? Слегка склонившись в своем седле, девушка смотрела на него влажными глазами. Своей лукавой улыбкой она словно говорила ему,

что ждет и зовет его. Она улыбалась точь-в-точь как тогда под березами, когда, запрокинув голову, обвивала руками его шею.

Утренний ветер постепенно отрезвил Тудора. Отрезвили его и нахлынувшие воспоминания.

— Братья, — проговорил он, сжимая руки друзей, — вот оно, родное село.

— Что ж, село как село, — ответил Кантемир.

— Может, и так, но это мое родное село, и я не видел его целых двадцать лет.

— А ты вспомни, Тудор, мои слова: как меняют порой провидение и случай наши решения...

Шоймару нахмурился.

— Я хочу сказать, что поначалу ты рвался только сюда, но в пути твои намерения изменились...

Шоймару пытливо посмотрел на своих спутников; чувство свое он запрятал в недрах души, как самую драгоценную тайну.

— Ошибаетесь, братья, — спокойно ответил он. — Поглядите: вот церковь, вот кладбище. Тут похоронены мои родичи. А вот и отцовский дом...

Большие, опрятные избы рэзешского села раскинулись по долине, вдоль лесной опушки. Чистые воды оскудевшей в засуху реки, блестели в низине. Среди виноградников тут и там возвышались пышные кроны ореховых деревьев, и в мирной тишине прозрачного утра отчетливо доносилось пение иволги. Было воскресенье — на белой колокольне церкви мерно и гулко зазвучало било.

Шоймару остановился, снял шапку с коротко остриженных кудрей и осенил себя крестным знамением.

— Я уж было позабыл эту дедовскую науку, — молвил он тихо.

Друзья спешились и, передав поводья в руки слуг, двинулись по тропинке, рядом с дорогой.

Девушки и женщины, в лисьих кацавейках и черных с желтыми и красными полосками юбках, спешили к заутрене. Женщины — в коричневых платках, девушки — простоволосы, в их длинные косы были вплетены цветы. Некоторые были на диво хороши и то и дело бойко поглядывали на незнакомцев.

За женщинами выступали рэзеши, одетые, как одевались на воинские сборы, в красные сафьяновые сапоги, коричневые, стянутые в талии суконные шаровары, черные, с широкими рукавами кафтаны, украшенные серебряными пуговицами. Все с любопытством поглядывали на приезжих. Шоймару тоже всматривался в их лица, но не находил знакомых.

Когда друзья повернули на тропку, ведущую к храму, к ним, поздоровавшись, обратился седой, морщинистый рэзеш.

— Дозвольте спросить, люди добрые, может, вы ищете кого-нибудь? Я здешний староста...

Шоймару остановился и с улыбкой ответил:

— Стоит мне назвать себя, добрый человек, и ты сразу поймешь, кого я ищу. А это мои приятели...

— Кто же ты, господин?

Мужчины и женщины остановились, прислушались.

— Я Тудор Шоймару, — проговорил воин, обводя глазами собравшихся.

Рэзеши зашумели, придвинулись поближе.

— Так кто ж ты все-таки будешь, господин, и откуда? — недоумевал староста. — Мы здесь вроде всех знаем. Все мы из рода Шоймару, все тут на наших глазах выросли...

Тут вперед протиснулся приземистый крепкий старик с короткой колючей бородкой и острым суровым взглядом.

— Я слышал, этот воин говорит, что он из нашего рода, — проговорил он густым басом, — дай-ка я на него погляжу...

Он смело схватил Тудора за руку, притянул к себе и впился глазами в его лицо.

— Ты не из тех ли родичей Ионáшку, что бежали за Днестр? — спросил он.

— Я Тудор, сын Ионашку, — взволнованно ответил Шоймару. — Из всех бежавших я один воротился домой...

— Так ведь я тебе родной дядя, брат твоего отца! — крикнул старик. — Погляди на меня, неужто не узнаешь?

— Узнаю, дед Ми́ху, — тихо сказал Шоймару.

Раздались удивленные возгласы, и множество рук приветливо протянулось к Шоймару. Неведомое ранее тепло охватило воина.

— Это сынок Ионашку и Ани́сии, — слышались горестные женские голоса. Старухи тихо запричитали.

Запели колокола. Бырновэ и Кантемир невольно поддались общему волнению спешивших отовсюду людей. Тудора засыпали вопросами, он переходил из объятия в объятие. Тут были его тетки, двоюродные братья, каждый называл себя: Гаврил сын Иона, сына Васи́ле Некулáя Шоймару, Грозáв сын Думитру сына Думитру, сына Матéя Некулая Шоймару. Одни вели свой род от Василе, другие — от Михая, от тех крепких воинов, что дрались за родину и заслужили эти земли еще во времена Штефана Великого.

— Иди за мной! — сурово проговорил дед Миху.

Взяв племянника за руку, он повел его к кладбищу. Благовест умолк. Умолкли людские голоса. И под сенью диких черешен, протянувших корни среди костей, настала тишина.

Старик остановился перед каменным крестом над тщательно ухоженной, засаженной цветами могилой.

— Тут покоится твой отец Ионашку, — торжественно произнес он. — У этой могилы мы все преклоняем колена.

Словно по чьему-то знаку, снова зазвучало било, люди опустились на колени. А Тудор затуманенными от слез глазами читал надпись, высеченную на кресте.

Здесь похоронен раб божий Ионашку
из рода Шоймару,
почивший в лето господне 7102...

— Да, тут лежит твой отец! — крикнул ему в самое ухо старик Миху. — Его подло убили за то, что он встал за наши права и дедовскую вотчину и поднял наш род и все оргеевские селения.

Колокола снова замолчали.

— Неужто ты ничего не помнишь? — продолжал старик. — Хотя, конечно, ты был слишком мал, а потом в чужих краях все забыл...

Страшное видение вспыхнуло в памяти Шоймару. С посуровевшим лицом он снова и снова читал крупные буквы надписи. И среди образов, скрытых пеленой минувших лет, все отчетливее проступало залитое кровью лицо убитого воина, его отца. Это его кости покоятся здесь под каменным крестом.

— Посмотри, вон туда, в низину! — воскликнул старый рэзеш. — Видишь дом в одичавшем саду? Это ваш дом. Дожди заливают его, зимние ветры гуляют в нем. Дети Ионашку разбрелись по белу свету. А тот, кто отнял у нас дедовскую землю, полученную от князя Александру и Великого Штефана, живет, жиреет и знай себе посмеивается над нами!..

— Кто он? — крикнул, гневно вскинув голову, Тудор.

— Кто? — усмехнулся старик. — Кто ж его не знает? Имя его и в песнях проклято. Он разорил нас и втоптал в грязь. Многих побил и посек. А тебя сделал сиротой.

— Кто же он? — глухо повторил Шоймару.

— Мурдженский вельможа, богатый боярин Строе Орхеяну, — хмуро ответил дед Миху.

Услышав эти слова, Кантемир и Бырновэ рванулись вперед. А Тудор стоял, точно громом пораженный, в широко раскрытых глазах его застыли ужас и отчаяние. Ценой огромного усилия он превозмог себя и судорожно глотнул несколько раз, угрюмо смотря на могилу, лежавшую у его ног.

*

Глава четырнадцатая

ТУДОР ШОЙМАРУ КОЛЕБЛЕТСЯ

В душе Тудора бушевала гроза. Пока он шел с кладбища в окружении друзей и родичей, среди его тяжких раздумий вдруг мелькнула спасительная мысль: что, если поскакать в Мурждены? Любовь, соединившая его с дочкой Орхеяну, могла принести ему желанный мир и покой! Он из хорошего рода, отважный воин. Девушка его любит. Может быть, ненависть в глазах деда Миху уляжется, а тень убитого на старом кладбище обретет наконец успокоение? Пусть леса, пастбища и луга, добытые честно в давних битвах, достанутся истинным хозяевам, согласно их исконному праву, а залогом мира станет невинная девушка. Их союз положит конец вражде и ненависти, и здесь навсегда воцарятся мир и покой.

Но в Мурдженах, куда он домчался единым духом, полный тревоги и нелепых дум, надежды его развеялись, точно песок на ветру. Спешно собрав доходы с мельниц и подворий, боярин Строе нагрузил несколько подвод добром и на свежих лошадях умчался неведомо куда.

— Что же мне делать? — растерянно спрашивал Тудор.

Оба приятеля смотрели на него, размышляя о неожиданных поворотах судьбы. Они сидели в горнице опрятного дома деда Миху. После скудного завтрака их уставшие мышцы жаждали отдыха. Но боль и отчаяние в глазах Тудора не давали им уснуть. . .

— Что же мне делать?

— Не пойму, зачем ты поскакал в Мурджены? — спросил наконец Бырнովэ.

— Я надеялся, что найду там девушку, — тихо ответил Шоймару.

— А хоть бы и нашел, что с того?

— Полюбил он ее, — заметил со своего места Кантемир. — Чего же тут непонятного?

— Уж не думаешь ли ты, Кантемир-бей, что все, что случилось нынче на кладбище, пустяк? Разве ты не понял, что весь род Тудора люто ненавидит Орхеяну? Не слышал слов старого Миху, что Ионашку, отец нашего друга, пал от булавы боярина Строе?

— Слышал. Но я решил, что он выбрал любовь и отрекся от родичей.

Тудор Шоймару горестно взглянул на своих побратимов, потом резко покачал головой.

— Этому не бывать, — шепнул он.

Кантемир улыбнулся.

— Не бывать? Неужели? Сегодня ты впервые увидел могилу Ионашку, впервые услышал слова старого Миху. Доныне все эти твои родичи

были для тебя все равно что чужие. А любовь жжет сердце, точно огненный клинок.

— Не бывать этому, не бывать! — упорно повторял Шоймару. — Память звала меня сюда, в родимый край, — память и неутолимая тоска. Все эти люди — братья мне. И в этой земле лежат кости всех моих предков. Что ж, что увидел я их лишь сегодня! Нас связывают общая кровь и общие страдания. И когда дед Миху сказал мне, что у моих ног лежит убитый отец, меня обуял смертный холод и слезы так и полились из глаз. Не бывать же этому!

— Зачем же ты помчался в Мурджены? — настаивал Бырновэ.

— Сам не знаю... Полюбил я девушку. Вот и подумал: может, наша любовь принесет нам мир.

— Брат мой, между тобой и родом Орхеяну — кровь! — резко возразил Бырновэ. — Если бы Миху и другие односельчане узнали, что ты задумал, они бы тебя прокляли навеки...

Тудор Шоймару пристально взглянул на своего друга. Потом вдруг побледнел и хрипло выдохнул:

— Что же мне делать?

Бырновэ пожал плечами. Кантемир улыбнулся, обнажив зубы.

— Я думаю, Тудор помчится догонять красавицу. Кровь в нем бурлит.

— Может, и так, но это пройдет, — сказал Бырновэ.

— Не пройдет, нет! — с каким-то бешенством простонал Тудор. — Не пойму, что со мной, не знаю, как поступить. Я, наверное, с ума сойду: словно молния вошла мне в сердце. Воротился я к отчей могиле, а теперь неудержимая сила гонит меня в иные края, неведомо куда. Придется мне, как видно, бросить все, хоть и призовут родичи проклятья на мою голову: я бросаю их, не встаю за их правое дело, не мщу за кровь убитых. Но что я могу поделать, братья мои, когда без Магды Орхеяну нет мне жизни?

— Что ж, поедем, поищем ее, — сказал татарин все с той же колкой улыбкой.

— Куда поедем?

— Куда укажет аллах... Да и ты поможешь, ты теперь — словно гончая, идущая по следу косули. Любовь поведет тебя...

— Тогда и я с вами, — промолвил Симеон Бырновэ. — Значит, так суждено небом. — Когда-нибудь все пройдет, твоя душа успокоится, ты очнешься и пойдешь путем, с которого уже никто не заставит тебя свернуть. Сердце у тебя, Тудор, неистовое. Утром у могилы Ионашку мне стало страшно, когда я увидел твои исступленные глаза и помертвевшее лицо. Память и мертвые позовут тебя назад.

— А пока пусть ловит ветер в поле, — проговорил со смехом Кантемир. — Умнее ничего не придумаешь.

Тудор Шоймару сидел, уронив голову на руки. Вдруг он выпрямился с таким видом, словно и не слышал, что говорили ему побратимы. Вскочил на ноги и крикнул:

— Надо ехать! Я должен найти ее! Все пошло прахом — многого душа хотела, да, знать, не суждено. Вижу, не будет мне больше покоя. Только воротился с чужбины и вот еду снова. Но я должен отыскать ее!

Друзья молчали, однако по их лицам он видел, что они понимают его. Он снова опустился на деревянную лавку, покрытую ковром.

— Стало быть, едем? — устало спросил он.

— Едем, — ответил Кантемир. — Отдохнем и двинемся в путь. . .

У Шоймару немного отлегло от сердца, боль и тревога на миг отступили. Он лег на лавку, повернулся на бок, и вскоре свинцовый сон сковал его измученное тело. Бырновэ и Кантемир тут же уснули рядом. Когда они проснулись с тяжелой головой, было уже поздно, солнце клонилось к закату.

Посреди горницы стоял и, усмехаясь, смотрел на них старик Миху. На низком трехногом столике дымилось блюдо с едой.

— Не иначе, запах еды вас разбудил, — сказал он. — Угощайтесь, милости просим, чем бог послал. Не взыщите, кабы не кривда людская, горе да притеснения, пир был бы богаче. . .

Тудор взглянул на него помутневшими глазами. Отойдя в угол, плеснул в лицо холодной водой, потом опустился на табурет. Бырновэ поступил так же, а Кантемир тем временем, повернувшись лицом к Мекке, совершал положенное омовение и шептал молитву.

Они стали есть баранину, и тут дед Миху спросил Шоймару своим густым, хриплым голосом:

— Стало быть, едешь в Яссы, племянник?

— Еду, — ответил воин.

— А что, при новом князе есть надежда на правый суд?

— Есть. Господарь милостив к простому люду.

— К тому ж, — продолжал старый рэзеш, — Орхеяну держит сторону Мовилэ.

— Да!

— Знаешь его?

— Знаю! . .

Короткие, резкие ответы Шоймару, казалось, удивили старика. Глаза у него потемнели, по обеим сторонам коротких усов залегли глубокие морщины.

— Само небо свело вас, — тихо проговорил он, — но ты не знал, что он враг наш и погубитель твоего отца. Теперь знаешь: разыщи его и поступи с ним, как того требует справедливость. . .

Карие глаза Тудора затуманились. Старик тряхнул головой и испытующе посмотрел на него. Воин не осмелился ничего возразить.

— Из всех детей убитого уцелел ты один, — продолжал Миху. — Пустой дом и могила — вот его завет и все твое наследство. Не медли, душа его на том свете не может найти покоя. Из всех нас один ты дослужился до капитанского чина, как и Ионашку. Значит, тебе и поднимать оргейцев и добром или силой добывать справедливость. Настал час. Господь привел тебя сюда, чтобы ты исполнил свой долг!

Кантемир и Бырновэ молча смотрели на своего побратима. Он был так же мертвенно-бледен, как на кладбище у могилы отца. Суровые слова рэзеша причиняли ему нестерпимую боль.

— Дед Миху, — заговорил он, — я еду к князю Штефану просить правого суда. Наш род получит свои исконные земли.

— Хорошо. Да поможет тебе бог! А потом разыщи того, кто погубил твоего отца.

— Небо укажет мне путь, — ответил Тудор, и глаза его лихорадочно заблестели.

Мудрый Симеон подумал про себя: «А ведь он уже выбрал свой путь! Ох и нелегок он будет! Томша, конечно, рассудит шоймэрештов по справедливости. Потом Тудор попытается умыкнуть Магду именем своей любви. А если Орхеяну воспротивится, он растопчет его...»

Именно так и думал Шоймару, слушая грозный наказ деда Миху. Да и суровый опыт наемного воина подсказывал ему то же самое. Иначе не видать ему покоя: он был подобен голодному зверю, который успокаивается, лишь завладев добычей.

— Что ж, выходит, мы будем искать Орхеяну в Яссах? — спросил Кантемир и осклабился.

— Да, сначала придется ехать в Яссы, — ответил с тяжким вздохом Тудор Шоймару.

Глава пятнадцатая

ТОМША ВСТУПАЕТ НА КНЯЖЕСКИЙ ПРЕСТОЛ

Трое побратимов, сопровождаемые слугами, нагнали князя и его свиту у самой Ясской заставы. Боярские чины вышли встречать нового господаря и, поцеловав у него руку, смиренно поклонились. На заставе князь Томша распорядился сделать по старому обычаю привал, чтобы подготовиться как должно к въезду в стольный город.

Войско расположилось тут же. Пехотинцы-дарабаны чистили медные

пряжки, конники подтягивали подпруги. Господарь созвал именитых бояр на совет и угощал их кофием. Дьяк записал весь распорядок праздника, а армаш Никорицэ получил повеление довести его до сведения горожан — знати, ремесленного и прочего люда. Затем Томша объявил аге Гусейну обряд восшествия на престол молдавских князей, а турок в ответ только моргнул несколько раз и приложил руку к груди, давая тем самым понять, что важнейший предмет церемонии при нем: это был гатишери́ф[1] великого султана. Договорившись обо всем, господарь вышел полюбоваться своими войсками. Он был доволен: наконец-то Мовилэ разгромлены и ясский престол принадлежит ему; волею всевышнего он вернул себе законное право повелевать страной, как и его отец — князь Арон. Поглаживая искусно постриженную Николой-греком бороду, он любовался голубым небом над головой и радовался при мысли, что все жители стольного города завтра будут встречать его. В таком приятном расположении духа он натолкнулся на Шоймару и Бырновэ, которые поджидали его.

— Ага! — воскликнул он, заложив руки за спину. — Уже воротился, пан Симеон? А ты, капитан Шоймару, побывал ли в родных местах?

— Я хотел поспеть к празднику твоего вступления на престол, — ответил Бырновэ.

— Что ж, добро! А что ты делал, Шоймару?

— Светлый князь, — сказал Шоймару, подняв на него глаза. — Я нашел родичей в нищете, а родительский дом в запустении. Мы все придем и, преклонив пред тобой колени, будем ждать справедливого суда.

— Я рассужу вас по справедливости, — ласково ответил князь. — Для того я и вернулся в Молдавию.

И, подойдя к воину, он хлопнул его по плечу.

— Господарь, — смело проговорил Шоймару, — я уповаю на твой правый суд, хоть от него и не поздоровится одному из твоих сановитых бояр.

— Как? Что ты сказал? — быстро спросил Томша, резко подняв голову. — Кто захватил ваши земли?

— Светлый князь, бьем тебе челом на мурдженского вельможу Строе Орхеяну.

— Что? Строе? Да разве он из моих бояр? Он же при бабе Иримии состоит! .. Где он? Я тут же велю его вздернуть!

— Господарь, — сказал Тудор, — я слышал, что пан Строе явился с повинной головою и хочет на коленях вымолить у тебя прощение.

— Неужто? Где же он? Я не видел его. Значит, он не приезжал.

— Стало быть, нас обманули.

---

[1] Гатишери́ф — повеление, написанное султаном собственноручно.

— Хочет вымолить прощения? Что ж, пусть явится, посмотрим. Где Никорицэ? Может, он знает о намерении пана Строе повиниться... Никорицэ!

Княжеский служитель кинулся искать армаша и вскоре привел его. По своему обыкновению, боярин уже издали пристально всматривался в лицо князя, устремив на него острый, поблескивавший кончик носа и стараясь угадать его мысли. Заметив, что Томша в добром расположении духа, он тоже заулыбался, словно узнал добрую весть.

— Знаешь ли ты что-нибудь о боярине Строе Орхеяну? — спросил господарь.

— А что именно ты хочешь знать, светлый князь?

— Передавал ли он, что хочет повиниться?

— Нет, господарь. Орхеяну держит сторону Мовилэ и ляхов — теперь он, как и другие злодеи, в бегах.

— Ты это верно знаешь? Выходит, обманули тебя, капитан Шоймару. Попадется боярин в стольном городе, так мы оба увидим его высоко-высоко, где ему и положено висеть. А что до рэзешских обид, так подавайте свою челобитную, мы рассудим вас по справедливости.

Мышиные глазки Никорицэ беспрестанно перебегали от князя к Шоймару и обратно. Услышав про челобитную и справедливость, армаш почел за благо улыбнуться и выразить на лице безмерную радость.

— Видишь? — сказал Бырновэ, когда князь отошел. — Ни Орхеяну, ни девушки в Яссах нет.

— Вижу, — с пасмурным видом ответил Шоймару. — Прав был Кантемир: придется искать ее в Польше...

Оба прошли по шумному стану и вскоре среди ногайцев нашли бея. Татары отдыхали, подложив седла под голову, а кони, стоя длинными рядами, ели ячмень из надетых на морды торб. Мурза Гирей, скрестив на груди руки и склонив голову, слушал повеления своего господина.

— Что нового? — весело улыбаясь, спросил бей, поворачиваясь к ним.

— Я думаю, ты и сам догадался, — ответил Бырновэ. — Хитрость Тудора ни к чему не привела: Орхеяну бежал в Польшу.

— Ну конечно. Тогда на шляху, где мы его встретили, он удирал от нового господаря.

— Верно, — сказал Шоймару. — Один я надеялся, что Магда не позволит ему покинуть страну.

Татарин улыбнулся:

— Почему?

Тудор промолчал. Окинув его долгим взглядом, татарин молвил коротко:

— Сядем.

Он хлопнул в ладоши, и один из бритоголовых слуг тут же разостлал на траве ковер. Побратимы опустились на него, и Кантемир все с той же улыбкой повторил:

— Почему?

— Мне так казалось, — ответил Тудор, отводя глаза.

— Он думал, что девушка любит его, — вставил Бырновэ.

— Я и впрямь так думал, — неуверенно продолжал Шоймару. — Верил, — решительно добавил он, — потому что она мне сама об этом сказала...

— Вот как? — ласково протянул татарин. — Оттого-то в тебе и неистовствует кровь. — Что ж, придется ехать.

— А куда?

— Как это куда? Мы ведь об этом уже толковали. Слушай, брат мой! Поверь, я это делаю не только ради нашей дружбы: такая вылазка и мне и моим воинам на руку. Раз уж мы побили польское войско на Пруте и нет иной силы, которая бы нам здесь противостояла, по нашему обычаю надо нам отправиться в польские земли, погулять там на славу, пока есть возможность и сопутствует удача. Людей своих я поведу за добычей, тебя за твоей милой. Может, опять посчастливится увезти ее, как увезли от казаков!

Тудор Шоймару вскочил, бросился на шею Кантемиру и крепко поцеловал его.

— Вот и хорошо, — сказал Кантемир. — Я знал, что это тебя обрадует. Я тоже рад, что еду в Польшу с таким удальцом, как ты...

— И как я! — заметил Бырновэ, поднимая палец.

— Стало быть, дружба до последнего вздоха! — весело воскликнул татарин. — Как только Томша сядет на престол, двинемся в путь. Мой Гирей только что рассказал мне, что отрядил погоню за Константином-водэ, сыном Иримии, а добыча и невольники движутся без помех Буджакским трактом. У меня еще достаточно воинов, чтобы погулять за Днестром, в Подолии, во владениях польского короля.

Глаза Шоймару лихорадочно блестели. Память о ласках девушки сладким ядом жгла его сердце. Перед мысленным взором неотступно стоял образ Магды, он видел ее рядом под сенью берез близ берегов Рэута, ощущал ее пылкие поцелуи в упоительной тишине глухого бора. Весь мир, даже лица друзей виделись ему сквозь призрачную пелену воспоминаний об этих минутах.

— Господи, владыко небесный! — тяжко простонал он. — Я ведь верю — мы найдем ее.

Симеон Бырновэ покачал головой и сказал, обращаясь к бею:

— Я в самом выгодном положении: ни ратных забот, ни любовных страданий. Гуляю себе по свету с двумя приятелями. Видишь, бей, сколь-

ко бурь и печалей может вызвать смазливое личико девушки, которая, боюсь, уже позабыла того, кто вырвал ее из рук казака Васьки.

— Вполне возможно, — согласился татарин. — У дочери пана Строе — глаза плутовки: наверное, переменчива, как весенний день...

— Что ж, может, нынче она уже скучает по казаку, — буркнул Бырновэ. — Похоже, она всласть наслушалась райского змия, о коем сказано в священном писании!

Погруженный в свои любовные грезы, Тудор не расслышал их слов. Глаза его то и дело устремлялись на восток.

На второй день, в воскресенье, княжеский поезд двинулся в путь. Впереди на дорогих скакунах ехали бояре — родовитые и менее родовитые, за ними пехотинцы — дарабаны и наемная конница. Посреди войска в окружении стражи и челяди ехал на белом жеребце князь Томша, по левую руку от него ага Гусейн, по правую Кантемир-бей. Орда и янычары остались на окраине города, получив суровый приказ стоять спокойно.

Толпы жителей из окрестных деревень и окраин Гала́ты и Тэтэра́шь, следовали за поездом, удлиняя его непомерно. Все глазели на воинов в красных и синих кафтанах, на свиту в пышных одеяниях и слушали раскрыв рты турецкий оркестр, состоявший из множества труб, свирелей и медных тарелок. Облака пыли, поднятые тысячами ног, вздымались к небу, звуки музыки еле перекрывали гул толпы. Когда поезд вступил в город, на всех заборах, у всех домов показались новые любители зрелищ и господарских потех. Томша величественно ехал на своем статном арабском жеребце, ни на кого не глядя, ослепленный радостью. Люди на улицах, на крышах приветствовали его криками: «Многая лета, господарь!» Он улыбался в ответ и кивал, глядя прямо перед собой и сжимая в правой руке княжеский скипетр. На голове у него была надета высокая горлатная шапка со страусовыми перьями, поверх дорогого кафтана бармы с белой собольей опушкой — знаки султанского благоволения. В гордой выправке незаконнорожденного сына Арона-водэ, в его суровом и надменном взгляде

было что-то от прежнего величия молдавских князей. Но по левую руку от него ехал в простом наряде ага Гусейн, и спокойный, жестокий взгляд его говорил, сколь обманчиво это величие, сколь глубоко падение страны.

На тесных улочках, среди приземистых домов шествие продвигалось еще медленнее. С каждым перекрестком число людей возрастало — среди них все больше становилось женщин, пригожих, хорошо одетых, болтливых, точно сороки, и крайне польщенных подмигиванием и ухмылками молодых ратников. На бесчисленных звонницах города заливались колокола: мелкие — частым малиновым звоном, большие — густым, дрожащим басом. Как только гонец оповестил о прибытии князя, на паперти храма Николы-богатого показался митрополит, окруженный высшими духовными чинами и игумнами ясских монастырей в праздничных ризах. Глашатай, бежавший впереди процессии с высоко поднятым посохом в руке, потребовал освободить место: бояре оттеснили конями толпу в сторону, и князь гордо прошествовал к паперти один, так как турецкие военачальники отошли к господарскому замку. Когда Томша спешился и поднялся на первую ступеньку, навстречу ему стал спускаться митрополит, держа в протянутых руках святое Евангелие в серебряном окладе с образками на голубой смальте. Томша трижды широко осенил себя крестным знамением, потом, закрыв глаза, истово приложился губами к священной книге. Тут же трое певчих грянули высокими голосами: «Тебе слава подобает. . .» Войдя в храм в окружении бояр и клира, Томша поднял руки и снял с головы высокую шапку. Загрохотали барабаны турецкого оркестра, заливисто засвистели свирели.

Между тем Бырновэ и Шоймару, оставшиеся на улице, принялись рассматривать толпу, теснившуюся с криками и руганью на площади вокруг храма.

Для Шоймару вся эта суета и шумное празднество ничего не значили. Хотя ему, скитальцу, все это было внове, он испытывал одно лишь неистовое желание отправиться как можно скорее за польскую границу — искать любимую. Симеон Бырновэ тем временем рассказывал ему, что происходит в храме, как молится и кланяется князь, как его ведут по алтарю и покрывают голову набедренницей, как его благословляют и мажут мирром, как его целует в лоб митрополит, и после этого он садится в княжеское кресло, как митрополит благословляет его на княжение, а дьякон, воздев руки, начинает молитву: «А еще молим тебя. . .» — поминая имя нового господаря. Но Тудор не слушал его. Он думал о том, как завтра на заре он помчится с Кантемиром и его воинами к Хотину.

Он все еще грезил, сидя верхом на коне рядом с другими военачальниками, когда вновь загудели на звонницах колокола и рядом за стеной княжеского замка ухнули пушки. Народ закричал: «Многая лета госпо-

дарю Штефану!» Конники снова оттеснили народ от храма, и на паперти показался Томша, надевавший горлатную шапку. Затем процессия проследовала ко двору. И Тудор, не замечая ничего вокруг, двинулся туда вместе со всеми. У красного крыльца он спешился и заметил, что старший рында устанавливает кресла для господаря и посланцев султана. На мгновение радостный взгляд Томши остановился на нем. Потом он увидел, что ему дружески улыбается и кивает татарский бей. И снова над ним, словно над мертвым камнем, пронеслось торопливое время, между тем как на площади читали и переводили высочайшее султанское повеление — гатишериф — и совершали обряд вступления на престол по древнему обычаю.

Было еще рано: до полудня, когда военачальникам и думным боярам предстояло сесть с князем за первую праздничную тризну, оставалось еще два часа. Народ толпился у стен, внутри кучками стояли спешившиеся конники, а князь меж тем, войдя вместе с агой Гусейном в думную палату, вершил первые государственные дела. Шум не утихал, оркестр играл не переставая.

Кто-то коснулся плеча Шоймару. Он повернулся и в тени крытого перехода узнал Кантемира. Радость озарила его лицо.

— Что ты тут делаешь, друг? — спросил татарин. — Смотришь, как Томша власть свою устанавливает?

— Нет, жду отъезда.

— Хорошо. Едем завтра на заре. Но коли тебе невтерпеж, можно и ночью.

— А до тех пор, — проговорил Бырновэ, оказавшийся тут же, — стоит посмотреть на то, как возводится новая княжеская власть, чтобы завтра рухнуть в пыль...

— Гм... Зачем так говоришь! — возразил Кантемир. — Я ведь тоже из породы владык. Хочешь напомнить мне, что я пыль и тлен?

Бырновэ рассмеялся.

— Я вижу, бей, ты прочел немало книг. Но ты как истинный витязь возвысился силой собственной руки, в ней твое величие.

— Нет. Ты верно сказал, да и мне это известно. Все на этом свете суета. Прав один Тудор Шоймару — он жаждет мгновения любви, а оно дороже целой жизни властителя.

— Господи! — простонал Шоймару, сжимая руку бея. — Горек и тяжек сей божий дар...

Мимо прошел армаш Никорицэ и дружелюбно улыбнулся им. Затем показались шестеро воинов с обнаженными тесаками. Они вели двух пленных бояр.

— Недобитки из стана Мовилэ, — шепнул Симеон Бырновэ.

Хотя Тудор был занят своими мыслями, он заметил, как в дверях дум-

ной палаты показался князь Томша и как злобно он ухмыльнулся, глядя на пленников.

— А, это вы, паны Янку Флор и Георгиéш Чýдин! — пронзительно закричал он. — Хороши! Подались к Мовилэ, за них и сложите головы. Да покарает вас господь и эта булава!

И, выхватив из-под мантии серебряную булаву, он шагнул к несчастным боярам и ударил их в лоб и грудь.

— Позовите Янку Цыгана, пусть зарежет этих баранов! — крикнул он и люто оглядел окровавленных пленников. Затем обратился к Никорицэ, вперив в него свой горящий взор:

— Запер в подземельях всех, кого я наказывал?

— Господарь, все они тут. Как прикажешь, сразу приведу их, — торопливо ответил тот.

— Бараны, бараны безмозглые! — крикнул князь, грозно озираясь. — Много подлостей и измен на вашей совести. Но теперь при Томше настал ваш час. . .

Митрополит и владыки церкви, вельможные бояре, окружившие князя, стояли неподвижно, не смея шелохнуться, взглянуть друг на друга. Казалось, острый, пронзительный голос Томши хлестал их по щекам, заставляя сердце сжиматься от недоброго предчувствия. Среди свиты пробивал себе локтями путь огромного роста, губастый цыган в красной рубахе. А господарь посмеивался, кидая вокруг себя быстрые, колючие, как острие кинжала, взгляды.

— Началось княжение Томши, — тихо проговорил Симеон. — Потечет рекой боярская кровь. Не к добру это. . .

— Что? — вздрогнул Тудор. — Ах, да! — И он с улыбкой взглянул на Кантемира, словно тот напомнил ему о набеге в польские земли.

Глава шестнадцатая

ПОЕЗДКА ЗА ДНЕСТР

В начале августа месяца пан Стани́слав Ланкоро́нский, новый воевода Подо́лии и каштелян Каменца, великий магнат Речи Посполитой и доверенное лицо короля, отправил к сандомирскому воеводе Сбúгневу Осоли́нскому гонца с грамотой такого содержания.

«Светлейший и милостивейший пан воевода! — писал он. — Ногайцы Кантемира вторглись в наши пределы — такова последняя весть из Молдавии. Вот они плоды женских политических причуд и недомыслия шляхтичей. Без согласия короля, неизвестно зачем они врываются в чужие пре-

делы, вызывая гнев неверных, а за разбитые горшки расплачиваемся мы, шляхтичи порубежных земель. Неделю тому назад наши дозоры на Днестре уведомили нас, что татары собираются перейти реку. Они и впрямь перешли ее в трех местах и опрокинули скудные наши заслоны и помчались тем же шляхом, коим спешила несколько дней до этого ко Львову пани Елизабета, вдова князя Мовилэ, со своими придворными и прочими беглецами. А мы бессильны: пан Потоцкий, управлявший до нас этим краем, погубил все войско в молдавских войнах, да и сам попал в полон к неверным. Молю тебя, светлейший пан, пошли нам без промедления помощь, какую сочтешь возможной, и прими нужные для защиты меры, ибо дикие ногайцы, по обыкновению своему, грабят и предают все огню, а напуганные жители бегут так, что многие селения будто вымерли. А если твоя светлость и славнейший пан Жолкевский, коронный гетман и киевский воевода, коего я также оповестил, пришлете мне в помощь добрых воинов, то мы в скором времени очистим нашу землю от степной чумы. И еще прошу, светлейший воевода, уговори магнатов, пусть все, как один, встанут на нашу защиту, дабы мы не терпели больше урона по милости женщин и их зятьев. Уповая на вашу великодушную помощь, шлю братский привет».

За этой грамотой последовали и другие. Но порубежные воеводы, конечно же, держали войска при себе, и Подолия была предоставлена воле неба и татар.

Стремительные буджакские конники Кантемира и Гирея, сжимая в одной руке копье, а в другой пропитанную смолой паклю, легко сломили слабое сопротивление поляков, а затем, настигнув и разбив последние отряды Потоцкого, рассыпались по селам, городкам и панским владениям. В эту самую пору крестьяне молотили ячмень и гречиху. Весть о татарском набеге поразила их, словно гром среди ясного неба. Перепуганные селяне запрягали коней, бросали как попало на подводы скарб и детей и гнали что есть мочи на север в более безопасные места. Многие скрывались по лесам и камышовым зарослям. Лишь некоторые успели зарыть в ямы намолоченный хлеб. Дома и поля остались на произвол случая, ногайских факелов и ветра.

Так, мчась на своих быстрых конях, безжалостные, косматые воины Кантемира творили свое черное дело, между тем как Симеон Бырновэ и Тудор Шоймару искали в чужом краю следы дочери Орхеяну.

В двух переходах от Днестра, на пути из Хотина в Каменец, трое побратимов спешились у околицы какого-то села и стали держать совет, как быть дальше.

— Не могу оставить конные отряды без предводителя, — сказал Кантемир. — Надо держать их вместе, не то разбредутся — и тогда беда! Поэтому я не поеду с вами до Львова. Но весть о набеге откроет перед

вами все дороги, ворота всех городов. Проберетесь без помех, куда захотите.

— Верно, — кивнул Бырновэ. — Огонь и копье — сейчас лучшие помощники.

— Ты прав, — подтвердил и Шоймару. — Мы с Симеоном поедем во Львов. Польские «языки», которых мы захватили у Днестра, сказали, что мы разбили последние остатки рати Потоцкого и что княгиня Мовилэ умчалась прямиком во Львов просить у родичей и магнатов новой подмоги.

— О том я и говорю: путь на Львов открыт.

— Это и впрямь дело нетрудное, — продолжал Тудор с тем же нетерпением, которое не покидало его ни на мгновение. — Я вырос в Польше, брат Симеон тоже провел немало лет среди ляхов, так что оба мы тут будто у себя дома. Денег у нас вдоволь, в драку даром лезть не будем. Мне бы только добраться до Львова, увидеть Магду, поговорить с ней и узнать — жить мне или не жить...

— Как? Да уж не думаешь ли ты, что человек может зачахнуть от любовной тоски? — расхохотался Симеон.

Тудор смотрел на него не мигая, без улыбки. В глазах у него полыхала неистовая страсть.

— Эх, — мягко продолжал Симеон, — был бы ты ученым книжником, как я, так постиг бы мудрость Экклезиаста. Истинно сказано в нем, что и любовь — та же суета сует, и она увядает и осыпается, точно цветок весенний.

Поев и подкрепившись чарой вина, они стали собираться в путь. Лие и Испас наточили сабли и кинжалы, а побратимы тщательно осмотрели коней, потом улеглись и спали, пока луч зари не коснулся сомкнутых век.

Тогда они вскочили, надели заранее добытое польское платье и умылись на дворе у колодца с журавлем. В низине, около пруда, над которым слегка клубился белесый туман, татары тоже готовились к походу. Кантемир обнял друзей, по-братски поцеловал их и сказал на прощание:

— В лихой час больше, чем на свои сабли, полагайтесь на кинжалы — мой подарок. Они из редкой стали, разбивают замки и остры, как бритва.

Тудор и Симеон вскочили на коней.

— А кроме кинжалов, я дарю вам Илуна, — продолжал Кантемир. — Верен, как пес, лукав, как змея, храбр, как лев. Вы знаете моего слугу, так доверьтесь ему.

Илун, одевшись по приказу господина в польский убор, подъехал на своем коньке. Он не промолвил ни слова. Смотрел не мигая и, как всегда, загадочно улыбался.

Они двинулись на запад, следуя изгибу Днестра. Позади них вставал хмурый день. Солнце показалось на мгновение кроваво-красной полосой, и снова свинцовые тучи затянули всю восточную кромку небосвода. Два часа спустя, когда совсем рассвело, стал накрапывать мелкий дождь.

— Я вижу, господь к нам милостив, — заметил Бырновэ. — В дождь нас никто не увидит...

И в самом деле, до полудня никто им не встретился. Весть, что ногайцы после победы Томши перешли Днестр, распространилась далеко окрест, и люди спасались бегством. Притихшие селения в низинах или на лесных опушках, казалось, были окутаны сизой смертной мглой. Порой на перекрестках у колодцев встречались им и немощные старцы. Застывшими от горя глазами смотрели они. Может, и хотелось им спросить, что слышно про татар, но они не смели и брели сквозь дождь обратно к хуторку, где остались одни голодные кошки, непойманные птицы да брошенные на произвол судьбы пасеки.

Дождь еще лил, когда они наконец доехали после полудня до первого людного торгового села. То была Вье́лушка. Они остановились на нищем заезжем дворе с облезлым домом и повалившимся набок амбаром. Еврей-шинкарь тут же предстал перед знатными гостями, сулившими ему добрую поживу. Еще бы! Кони добрые, одежда дорогая, слуги...

— Милости просим, ваша честь! — с поклоном проговорил он, прижимая руки к груди. — У нас тут и харчевня есть, самая лучшая харчевня во всем крае. И комнаты с пуховыми перинами, как во дворце нашего воеводы.

— Хорошо, хорошо! — ответил Тудор, не удостаивая его взглядом.

Село, точно спрут, раскинуло в разные стороны свои кривые, грязные улочки, с приземистыми хатенками и полуразвалившимися домишками. Только православная церковь с округлой колокольней — единственное каменное строение села — возвышалась над ним. Сбросив плащи, друзья вошли в низенький дом шинкаря.

— Может, закусить изволите? — с поклоном спросил хозяин. — Я Авра́мику, вы, наверное, про меня слышали. Все паны в нашем краю меня знают. Еда у меня вкусная, а вина знатные, молдавские...

— Вот оно что! — улыбнулся Тудор. — Стало быть, ты и есть знаменитый Аврамику?

— Я самый, ваша светлость. Подать вам жаркое? А вина сколько?

— Неси, что хочешь, — ответил воин. — Мы проголодались, и в горле у нас пересохло.

Вино и впрямь было отменным, голодные путники оценили и жаркое. Шинкарь оказался честным человеком. Поминутно всплескивая руками и охая, он заговорил о самых последних новостях, и путники сразу навострили уши.

— Горе, горе великое! — вздыхал он. — Всего лишь несколько дней тому назад тут проезжали вельможные паны и высокородные рыцари с молдавской княгиней. И мне и другим торговым людям перепало от них немало монет... Пошли им всевышний здоровья и всяких благ! Я было решил, что настали наконец хорошие времена, можно будет заработать, а тут прошел слух про татар, будто неверные собираются грабить наш край. Ай-ай-ай, сохрани бог! Пожалуют сюда и заберут все до последней нитки. Что тогда делать? Разнесчастные наши головушки... Ваши милости что-нибудь слышали про это? Я заметил, вы едете со стороны Каменца...

— Как ты сказал? — переспросил Тудор Шоймару, вставая из-за стола. — Тут проезжала молдавская княгиня?

— Проезжала, милостивый пан, через нашу Вьелушку.

— Куда она направлялась? Во Львов?

— В точности не знаю, ваша честь. Одно известно: все они вместе с нашими магнатами направились в Янев. Есть такой большой город.

— В Янев, говоришь?

— Туда, господин. По большому шляху. А уж сколько денег тут потратили, в нашем нищем захолустье, и не подсчитать...

— Хорошо, — сказал Шоймару. — Неси еще кувшин вина.

— Несу, вельможный пан. Только что же с нами будет? Неужто вы ничего не прослышали про татар?

— Как не слышать, Аврамику. Вести, прямо скажем, недобрые.

— Ногайцы нагрянули и грабят?

— Нагрянули и грабят.

— Горе, горе! И как только терпит их Иегова и не обрушит на них ливень огненный и серный... Как не разверзнется земля и не проглотит их! Где тот Маккавéй[1], который бы встал на их пути, развеял бы их и кинул внутренности на съедение собакам да воронам. Пропали бедные наши головушки! Все заберут и пожгут!..

Хозяин вскоре принес новый кувшин вина, но у входа в погреб успел шепнуть несколько горьких слов соседу. И вскоре жители села засуетились под моросящим дождем. Весть переходила, словно пожар, от порога к порогу. Когда Симеон и Тудор встали из-за стола, улица кишела перепуганными, насквозь промокшими жителями. Аврамику охал, сжав руками виски, порой указывая растопыренными пальцами на проезжих. И снова хриплым, жалобным голосом объяснял и перетолковывал услышанную весть...

---

[1] Маккавеи — династия иудейских царей, возглавивших незадолго до нашей эры борьбу за независимость Иудеи.

Глава семнадцатая

УЧТИВЫЙ ШЛЯХТИЧ

Когда они снова скакали в чистом поле, Симеон Бырновэ заметил:

— А знаешь, брат Тудор, любовь твоя ведет нас прямо к цели!

— Ах! — вздохнул воин. — Были бы у меня крылья, я бы мигом добрался до гнезда Мовилэ. . .

— Наберись терпения, — ответил Бырновэ. — Все равно раньше Львова не настигнем мы их. А до него путь немалый. Ишь как льет не переставая! — продолжал он, встряхивая широкий плащ.

Кони с трудом продвигались по разбитому шляху. Тучи плотно закрыли небо. Но Тудор был доволен: так незаметно можно пробраться в самые пределы Польши. Если они без помех проникнут в Галицию, их будут принимать за местных жителей, и тогда никому не придет в голову спрашивать, кто они, и следить за ними.

Но путь был труден, а деревни гудели, точно разбуженный улей, — весть о набеге Кантемировой орды домчалась и сюда, как на крыльях ветра.

Заночевали у крестьянина на околице села. На улице шумело ненастье, а хозяин, от которого пахло дождем и сырой соломой, сидя за низким трехногим столиком со скудным ужином, рассказывал о своих невзгодах.

— Весь день работал, не разгибая спины, пане бояре, прятал урожай этого года. Житье наше трудное, скажу я вам. Наш господин, хотя и неплохой человек, ладим с ним, да совсем извел нас охотничьей потехой, барщиной, повинностями. . . Не гневайтесь, вельможные, ведь вы, я вижу, бояре. . . Что ж, господам, конечно, положено жить и веселиться на этом свете, но и нам, простому люду, глупым смердам, хочется иной раз вздохнуть. А теперь, коли нагрянут сюда степняки, как уж не раз случалось при родителях наших, что нам делать? Господа наши должны вроде о нас позаботиться, собирать войско, раздать нам оружие. Да вряд ли. . . Не во гнев вам будь сказано, только нынешним летом магнаты одно только и знают — пировать да веселиться. . .

Угостив путников кружкой меда и скудными своими припасами, хозяин сказал, что зовут его Мафтем, что у него жена и шестеро детей мал мала меньше. Поскребывая затылок, он делился своими заботами о завтрашнем дне, который всегда несет новую каплю горечи бедным и униженным.

Тудор внимательно слушал, всячески стараясь поддержать разговор. В ответ на его вопросы крестьянин рассказал — правда, с чужих слов, — что по тракту мимо села недавно проехал боярский поезд.

— Слышал я,— продолжал он, — будто нашего воеводу, пана Потоцкого, разбили и взяли в плен турки на молдавской земле. Шляхтичи, которые тут проехали, были, кажись, из его товарищей... Да не очень-то они горевали, — удивленно рассказывал он. — Ничуть не бывало! Шутили, смеялись, как всегда, когда высокородные паны едут при госпожах.

— Значит, с ними были женщины?

— Еще какие красавицы! В шелках да в золоте...

Тудор замолчал. Было ясно, что они на верном пути. А хозяин снова стал жаловаться, почесывая затылок, на свои беды, только теперь слушал его один Бырновэ. Мысленно Шоймару был далеко, рядом со своей возлюбленной.

На второй день в разрывах между тучами показалось солнце, и путникам почудилось, что они перенеслись в другую страну. Дорога, шедшая вдоль речки Подоре́зы, была гораздо шире. Друзья торопились к Яневу,

богатому городу, известному своими ярмарками в дни королевских праздников. Постепенно Шоймару начинал узнавать места. Земля, обдуваемая резвым ветерком, постепенно просыхала, и нетерпеливому рэзешу привал в полдень показался невыносимо долгим.

— Надо спешить! — непрестанно твердил он. — Сегодня мы должны непременно доехать до города.

На освещенном солнцем шляхе все чаще попадались люди, торопившиеся по своим делам.

— Тут еще спокойно, — заметил Симеон Бырновэ.

Случай, который иной раз оказывается лучшим другом и советчиком, послал им весть, от которой душа Тудора Шоймару затрепетала.

Дорога пересекала пологий скат холма. Внизу, в долине, сверкало зеркало пруда. На другой стороне, вверх по холму, взбирался лес. На его опушке, на берегу пруда, виднелся белый господский дом, окаймленный рядами стройных тополей. Хозяин, видно, был не очень богат, а возможно,

холост: дом был одноэтажный, из бревен, обмазанных глиной. Позади него, в овраге, теснились хижины села с соломенными взъерошенными крышами. На полях у больших стогов трудились люди: молотили ячмень конными упряжками с каменными катками.

Лошади шли быстрой рысью, и вдруг наши путники заметили слева от дороги охотника на низкорослом кауром коне. Он спешил к ним навстречу, за ним на неказистой кляче следовал слуга.

— Не иначе, хозяин усадьбы, — сказал Бырновэ. — Вот увидишь — обязательно нас остановит.

— Недосуг нам, недосуг! — хмуро отозвался капитан.

— Ничего не поделаешь. Если остановит, придется покориться. Возможно, мы найдем в нем друга.

Тудор еще продолжал что-то ворчать, когда шляхтич, спешивший к ним наперерез, весело крикнул:

— Эй, постойте, добрые люди!

— Ну вот, застряли! — простонал рэзеш и плюнул в сторону.

Делать было нечего. Бырновэ придержал коня, пришлось и ему сделать то же самое и повернуться к незнакомцу. Это был сухощавый человек с живыми глазами, одетый скромно, неярко. На голове он носил широкую, колоколообразную соломенную шляпу, какую носят и ныне мазовецкие крестьяне. Левой рукой он натягивал поводья, а на кулаке правой, которую он держал согнутой на уровне груди, неподвижно и прямо сидел охотничий ястреб. Впереди коня бежали, уткнув нос в землю, две гончие в белых и коричневых пятнах. В трехстах шагах от дороги, посреди жнивья, незнакомец осадил коня и гордо оглядел остановившихся путников. Затем повернул голову и бросил несколько слов смиренному слуге, который сидел на своей кляче, одетый в изношенное платье своего господина и в самой замусоленной его шапке. Когда пан снова повернулся к путникам, те поняли, что он хочет похвалиться ловкостью своего ястреба. И действительно, слуга соскочил с коня и поспешил спустить с поводка собак. Хозяин науськал их, и они тут же побежали по жнивью, принюхиваясь и помахивая вытянутыми хвостами. Вскоре одна из них сделала стойку, приподняв лапу и повернув голову в сторону. Конь пана дважды подскочил и застыл как вкопанный. Всадник крикнул резким голосом, собака прыгнула, из-под ее лап взмыла перепелка и, громко хлопая крыльями, полетела на высоте человеческого роста. Охотник быстро поднял руку, ловчая птица взмыла вверх и, скользнув над полем, свистящей стрелою ринулась на добычу, настигла ее, закогтила и неторопливо вернулась к хозяину. Охотник поднял шляпу в знак приветствия. Путники сочли нужным тоже отвесить поклон, и таким образом, когда он выехал на дорогу, они были уже добрыми приятелями.

— Николай Зубо́вский, — запросто представился шляхтич. — Я ду-

маю, вы наслышаны обо мне: таких собак и такого ястреба нет больше ни у кого. Они стоили мне целого состояния, — добавил он, гордо поднимая руку, на которой сидела птица.

Тудор и Бырновэ поклонились, глаза их выражали неподдельное восхищение.

— А вы, господа, откуда? — продолжал пан Зубовский. — Уж не из киевских ли краев? Мне что-то незнакомы ваши лица. Хотя, должен вам заметить, у меня друзья и родичи по всей Подолии, Сандомиру, Покутии... Род наш древний.

Почему они должны быть непременно из киевских краев, Шоймару так и не понял. Но не стал перечить.

— Угадали, пан Зубовский, — ответил он. — Мы действительно из-под Киева.

— А могу ли я удостоиться чести узнать ваши имена? — спросил шляхтич.

— Разумеется, — поторопился ответить Бырновэ. — Мы братья из рода Барновских. Меня зовут Симеон, а его Тудор.

— Безмерно счастлив знакомству, — с изысканной учтивостью отозвался пан Зубовский.

Шоймару нетерпеливо ерзал на коне, хотя понимал, что дело не обойдется без положенной беседы, обмена любезностями и политическими новостями, без угощения. Об этом свидетельствовали веселый взгляд, открытое лицо и изрядная разговорчивость шляхтича. Решив покориться неизбежному, он рассудил за благо сделать приятное нечаянному приятелю и похвалил ловчую птицу.

В самом деле, ничего более приятного для нового знакомца он не мог бы придумать.

— О, мой ястреб! — воскликнул тот, глядя на Тудора с безграничной благодарностью.— Я вижу, вы, пан Тудор, знаток...Этот ястреб, по кличке Али, поистине сказочная птица. Знаете ли вы, сколько лет я его притравливал? Два года, милостивые паны, день за днем! А знаете ли, откуда мне его достали? Украли, так сказать, когда он еще учился летать, у самого крымского хана. Как вы думаете, во сколько может обойтись такая птица?

Он замолчал и с притворным равнодушием ждал ответа. Но Тудор и Симеон искренне признались, что понятия не имеют, сколько же она может стоить.

— Милостивые паны, она стоила целое состояние! — важно заявил пан Зубовский. — Если вы и в самом деле знатоки соколиной охоты, то должны были заметить — и я прошу вас обратить на это внимание, — что у Али широкая голова, круто загнутый клюв и черные когти.

— Действительно! — удивленно подтвердил Шоймару.

— Теперь вам должно быть ясно, что́ я за человек, — закончил шляхтич. — Лето я провожу в усадьбе, и единственная моя страсть — охота. А зимой убиваю время во Львове и Варшаве, где, признаться по чести, промотал всю свою молодость. Я, видите ли, так и не женился да и вовсе не женюсь, потому что из-за этой охоты, пирушек и мазурок уже успел немного полысеть. . .

Он рассмеялся и сдвинул шляпу на затылок, обнажив высокий лоб с преждевременными залысинами.

Симеон весело подхватил шутку шляхтича.

— О, пан Зубовский, — воскликнул он, — пируй и наслаждайся жизнью, ибо сказано в древних книгах, что все тлен и в тлен обратится!

— А ведь и вправду так, — ответил шляхтич, пожимая руку Симеону. — Я тоже так говорил себе, — и величественно добавил по латыни: — Pulvis es[1]. Я безмерно рад, милостивые паны, — продолжал он, — возможности пригласить вас к себе и попотчевать своим вином. Вино это, должен вам сказать, лучшее во всей Польше: токай времен короля Сигизмунда.

После этого скромного заявления он поспешил пригласить путников в свой замок.

— И еще вы удостоитесь чести, — сообщил он, — отведать перепелок, добытых ныне моим ястребом для ясновельможного пана Владимира Корибу́та, первого советника нашего короля. . .

— Что вы говорите! — изумился Бырновэ.

— Да, да, именно так! — подтвердил шляхтич. — Завтра мой слуга отвезет их ему. И завтра же к вечеру, коли будет на то воля Иисуса и пречистой богоматери, я и сам буду у него на пиру в праздничном наряде: он устраивает вечер в своем яневском дворце, куда приехал на время, чтобы помирить кое-кого из магнатов. . .

— В самом деле?

— Конечно. И он оказал мне высокую честь, пригласив меня. Пан Владимир Корибут питает ко мне особое расположение. И еще он собирается уладить брачный союз Самойла Коре́цкого с княжной Екатериной, дочерью усопшего Иримии, молдавского князя.

Тудор Шоймару вздрогнул, словно его толкнули в грудь, лицо его просветлело. Бырновэ многозначительно посмотрел на него.

— Возможно ли это, благородный рыцарь? — спросил он с наигранным удивлением. — Насколько мне ведомо, двор ее светлости Елены Мовилэ, бежавшей из Молдавии после битвы с турками и Томшей, направился ко Львову.

— Все так, как вы говорите, — ответил пан Зубовский со своей неиз-

———————

[1] Pulvis es (лат.) — ты — прах.

менной уверенностью. — Но должен вам сказать, что в пути она встретила пана Корибута, ее ближайшего родственника, как вы, конечно, знаете. И они тут же стали договариваться о бракосочетании княжны и пана Самоила, который следовал со своими воинами в свите нашего друга Владимира Корибута. Вот они и остановились в Яневе, куда и мне надлежит явиться не позднее чем завтра вечером.

При этом неожиданном открытии все нетерпение Тудора Шоймару растаяло без следа. С несвойственным ему красноречием принялся он расточать похвалы всему, что их окружало и принадлежало его милости пану Николаю Зубовскому. Бырновэ, со своей стороны, не скупился на любезности. И шляхтич, как нельзя более обрадованный этими правдивыми и вполне заслуженными похвалами, гордо восседал в седле и клялся всеми святыми, что таких друзей он сумеет угостить по-царски, не уронив чести хлебосольных предков.

Оживленные, веселые, они поскакали к усадьбе, окруженной стройными тополями. Въехав во двор, Зубовский протянул руку. Радушно и вместе с тем торжественно он произнес:

— Пожалуйте, благородные друзья мои, в сей приют моего отдохновения!

Глава восемнадцатая

ПО ПРИХОТИ СЛУЧАЯ

В усадьбе пана Зубовского, как говорят и у нас в Молдавии, дым стоял коромыслом. Вино из погребка длиной в шесть локтей и шириной в четыре, поданное в больших голубых чашах, возможно, было и не времен славного короля Сигизмунда, но пилось легко. К полуночи шляхтич уже обнимал своих гостей и горестно жаловался на ничтожность времени, в котором ему суждено жить. Гибнет старинный польский дух, стонал он, никто не помышляет более о великих, истинных охотничьих потехах, услаждавших наших предков. Никто не в состоянии притравливать ястреба или сокола, и вот ему, отнюдь не богатому пану, приходится в забытом уголке Польши напоминать этим ничтожествам о забавах славной старины. Ради этого он пустил по ветру свое состояние и заложил родовое имение. Пан Николай был полон печали и возвышенной гордости. Он восхищался своим великодушием и печалился, вспоминая беды Речи Посполитой. Все забыли, что граждане прежде всего должны заботиться о величии родины. Люди изверились, разучились бороться. В несчастной Польше у него на глазах гибли последние герои, их осталось ничтожно мало — по пальцам можно пересчитать.

— Горе нам! — восклицал шляхтич, и слезы капали у него из глаз. —

Настает конец света! Турок помыкает нами, татарин топчет нашу землю, казак поднимает голову! Что с нами станется? Доколе борьба за власть будет дробить наши силы? Доколе высокомерие и спесь будут сеять рознь и междоусобицы? Мы погибнем! Мы уже гибнем, милостивые паны! — стонал он, наливая в чаши янтарное вино.

За пышной трапезой, болтая без умолку, поляк нечаянно проронил несколько слов, которые рассеяли последние сомнения и тревоги, терзавшие сердце рэутского рэзеша. Осторожно выспрашивая шляхтича, кто из знати состоит в свите княгини Елизаветы Мовилэ, Бырновэ услышал вдруг среди ничего не говоривших ему имен и звонкое имя боярина Строе Орхеяну!

— Как? — изумился Шоймару. — Неужели твоя милость знаком с боярином Орхеяну?

— Знаком, отчего же, — подтвердил шляхтич. — Еще позапрошлой зимой мы познакомились с ним в Варшаве и крепко подружились. А уж сколько было выпито вместе! Бородатый толстяк — такой бороды нет больше ни у кого на свете. Да и кто его не знает! Сами судите: можно ли не знать отца самой прелестной панночки во всей Речи Посполитой? Клянусь честью, дочка Орхеяну взбудоражила всех шляхтичей Польши. А вы знаете ее? Это что-то необыкновенное. Будь я на десять лет моложе, непременно влюбился бы в нее...

Тудора Шоймару так и подмывало переспросить пана Зубовского, действительно ли будет на балу в Яневе дочь Орхеяну, его Магда. Это казалось ему невероятным. Глаза воина увлажнились, предметы в комнате поплыли перед его глазами. Что бы это могло значить? Каким стечением случайных обстоятельств он, недавно отправившийся из Ясс по следам своей любви, уже был на пороге счастья? Кто поставил на его пути шинкаря-еврея, бедного крестьянина и польского шляхтича, чтобы указать ему дорогу, привести так близко к дочери боярина Орхеяну? Тут виден перст божий! Он улыбался, осчастливленный доброй вестью, и так глубоко ушел в свои думы, что пану Зубовскому пришлось дважды дернуть его за рукав, чтобы наконец вложить в руку полную чашу.

— Так ты едешь? — кричал он.

— Куда? — вздрогнул Шоймару.

— Как куда? Я второй раз тебя спрашиваю, дорогой мой друг, поедешь ли ты с нами в Янев? Вот твой братец никак не решится. А я настоятельно прошу вас поехать вместе со мной! Вы мне так полюбились, нас соединила такая дружба, что душа не позволит отправиться без вас ко двору Корибута! Поедемте со мной, милостивые паны! Вы доставите мне большое удовольствие!

Шоймару смотрел на него, не веря собственным ушам.

— Вы едете, так ведь? — настаивал Зубовский. — Едете?

— Едем, — еле выдавил рэзеш.

Шляхтич был в восторге от доброты друзей, проявивших такую готовность сделать ему приятное. Он снова поднял кубок за их здоровье и тут же стал поверять им многие печали, томившие его благородную душу. Но Тудор его не слушал: в каком-то оцепенении он смотрел в одну точку, не отзываясь на слова хозяина. Тот, лукаво смеясь, подмигивал Симеону и все кивал на капитана: тоже мне, мол, бражник, совсем, дескать, обомлел, глаза шалые, языком еле ворочает.

Позднее, когда они остались наконец одни в комнате, при свете тусклой сальной свечи, Шоймару жалобно спросил Симеона:

— Скажи, брат мой, это правда или я вижу сон?

— А мне откуда знать? — смеясь ответил тот.

— Нет, в самом деле! Не ослышался ли я? Что же такое делается?

— А что тут особенного? Жди, и пусть все, что небо уготовило нам на этом пути, свершится до конца. Ты теперь как будто клад нашел — не веришь собственным глазам, потому что такая удача выпадает не часто. Но это правда.

— Правда, конечно, — пробормотал Шоймару. — Лишь бы не случилось беды...

— Да, — согласился Бырновэ. — В одной древней книге есть притча про эллинского царя, который вот так же испугался собственных удач. Крепись сердцем, жди, а пока ложись, копи силы на завтра. Вдруг придется похищать девушку...

Шоймару вздрогнул.

— Именно об этом я и думал, — шепнул он.

Бырновэ опять рассмеялся.

— Видишь? А подумал ли ты, что придется иметь дело с боярином Орхеяну? Он-то что скажет? Ведь он знает, кто мы такие.

— Мне и думать о нем нечего, — отмахнулся Шоймару. — Что он может сделать? Отдать в руки палачу? Так мы же спасли его дочь! От смерти спасли, можно сказать... А мне многого не надо: перемолвиться двумя словечками с Магдой...

— Ну хорошо, хорошо, — пробормотал Бырновэ, укрываясь шерстяным одеялом. — Потешь себя надеждой и догадками: все равно, чему суждено быть, не миновать.

— На все божья воля, — спокойно ответил Шоймару и перекрестился. Задув свечу, он тоже улегся и, полный радужных надежд, закрыл глаза.

Проснулся он лишь шесть часов спустя, уже при свете дня, бодрый, исполненный решимости. Всю ночь он видел сладостные сны.

*

Глава девятнадцатая

СВИДАНИЕ

Когда в сумерках пан Зубовский и его приятели приехали на бал и смешались с толпой шляхтичей и их слуг, во дворце вельможного пана Корибута горели тысячи свечей из ароматного воска. Лие и татарин Илун остались ждать у подъезда, между тем как Испас, по приказу Бырновэ, вывел коней со двора и спрятал их позади высокой дворцовой стены в тесной улочке, выходившей прямо в еврейские кварталы. Место было пустынное — ни огней, ни фонарей, слуги заняты во дворце, так что и кони и кладь были на всякий случай под рукою.

Ради праздника Тудор и Симеон нарядились как только могли: отряхнули от пыли бархатные кафтаны, начистили до блеска сабли и подаренные Кантемиром кинжалы. Пан Николай и не подозревал, кого с улыбкой ведет в праздничные залы, какую бурю вызовут его новые знакомые. Весело болтая, он представлял своим друзьям, скромно стоявшим в сторонке мелким шляхтичам, двух благородных гостей из киевской земли. Бырновэ учтиво кланялся, Шоймару в волнении озирался, думая о желанной встрече.

Слуги внесли прохладительные напитки. Наконец в залу вошел сам благородный властелин округи, седой, величественного вида шляхтич, и Зубовский, как и все гости, выстроившиеся вдоль стен, склонил лоб в залысинах чуть ли не до полу. Оба его приятеля поклонились, затем отступили в укромный уголок. Но Корибут был слишком знатным вельможей, к тому же приближенным к особе самого короля, а местных дворян было слишком много, поэтому он, улыбнувшись, лишь дружески помахал им рукой в перчатке и направился к магнатам своего ранга. Хотя королевский советник был уже не молод, он сохранил былую живость движений; искушенный придворный, завсегдатай королевских балов, он был по-прежнему галантен и предупредителен со всеми знатными госпожами. Поэтому, как только привратник в красной ливрее громко объявил о прибытии вдовы князя Иримии, он приосанился, опустил руку на эфес сабли и торопливо поправил кружевной упругий воротник камзола. Некоторые вельможи, следуя примеру короля, одевались в ту пору по французской моде.

Княгиня Елизабета вошла в залу неторопливым шагом, высоко неся красивую голову. Хотя ей шел уже тридцать восьмой год, вдова Иримии была еще хороша собой и казалась моложе своих лет. Стан ее был затянут стальным корсетом, черное бархатное платье, туго облегавшее грудь, широкой волной сбегало вниз, завершаясь длинным шлейфом, который нес паж. На груди сверкала тяжелая золотая цепь. Эта цепь да серьги с крупными аметистами были ее единственным украшением. Волосы были

тщательно уложены множеством колечек, черные брови красиво загнуты, губы слегка нарумянены, белая кожа матово поблескивала. Красивое лицо над черным бархатом платья выражало прирожденную властность, черные глаза смотрели остро и неприветливо. Справа от нее выступал Александру, второй сын Иримии. В ту пору ему едва минул четырнадцатый год. Он был строен и светловолос, с мелкими, как у отца, чертами лица. С непринужденной грацией носил он яркий польский наряд. За ними шли две из четырех дочерей княгини, младшие Екатерина и Анна. Первая, несмотря на темный наряд изгнанницы, блистала редкой красотой: вылитая мать, стройная, холеная, полная огня молодости. Ради нее и был устроен этот королевский прием, и благородный и неукротимый Самоил Корецкий старался быть все время рядом с ней.

Корибут торопливо вышел навстречу княгине, поклонился по всем правилам этикета и, высказав, сколь он счастлив оказанной ему честью, предложил гостье руку и усадил ее в золоченое кресло.

Тудор и Бырновэ были охвачены непонятным волнением. Эта надменная женщина — супруга молдавского господаря, а дети — его наследники. Теперь они живут на чужбине, разбрелись кто куда. Один погиб в волнах Днестра, другой скитается по белу свету, две дочери, выданные за католиков, живут в дальних краях, забывая отцовскую речь. Они изгои, отверженные молдавской землей, но железная воля матери вновь и вновь гонит их обратно в покинутое княжество. Это из-за ее властолюбия лились реки крови и слез. И несмотря на это, Симеон Бырновэ, участник молдавских междоусобиц, не испытывал к ней ненависти. А в душе Шоймару зашевелилось даже что-то вроде жалости к этим холеным, но таким несчастным детям.

Как только княгиня опустилась в свое кресло, окруженная шляхтичами, из соседней комнаты донеслись тихие звуки музыки — заиграли скрипки и виолы под мягкое сопровождение арф. Это знаменитые варшавские музыканты выводили на своих диковинных инструментах чудесную нежную мелодию, напоминавшую журчание прозрачных струй. Такой ласковой, нежной, странной мелодии суровые молдаване не слышали ни разу в жизни. . .

— А вот и Корецкий, — заметил кто-то рядом с ними.

Бесстрашный рыцарь, избороздивший вдоль и поперек всю Молдавию, оказался широкоплечим тридцатилетним мужчиной с бледным лицом и большими черными глазами. Склонившись с улыбкой перед княжной Екатериной, он облобызал белую ручку, затем поднял на нее огненный взор. Она смущенно смеялась, отводя глаза в сторону и отвечая кончиками губ на какой-то вопрос жениха.

Но тут скрипки и арфы умолкли; Шоймару вздрогнул и побледнел: рядом с княгиней и дочерьми Иримии он увидел Магду. Когда она появи-

лась? Как очутилась в зале? И как это он не заметил ее прихода? Вот она. Со своей русалочьей улыбкой, самая красивая среди всех, единственная звезда среди этих угасающих светил.

Пальцы его клещами впились в руку Бырновэ.

— Что случилось? — спросил тот тихо.

— Она! — шепнул ему на ухо Шоймару.

Кровь бросилась ему в лицо, сердце бешено заколотилось. Он пожирал Магду глазами. Девушка отошла от княгини и окружавших ее вельмож и, внимательно оглядываясь, приблизилась к тяжелой суконной портьере, закрывавшей окно. Потом усмехнулась и нежным движением головы, так хорошо знакомым Тудору Шоймару, подозвала кого-то. Тут уже Бырновэ сам сжал что есть силы руку побратима: к Магде, сияя улыбкой, направился молодой синеглазый шляхтич со льняными вьющимися кудрями. Прямой нос и выдающийся вперед подбородок на красивом лице его свидетельствовали о недюжинной воле. Он был в легком кунтуше, свисавшем с плеча на золотом шнуре. Рукоять изогнутой сабли была усыпана драгоценностями. В руке, лежавшей на эфесе, он держал шапку с дорогим алмазом.

Шоймару глухо застонал. Он закрыл глаза, а когда снова открыл их, перед ним плыли кровавые круги. Все же он нашел в себе силы спокойно спросить незнакомца, стоявшего рядом:

— Не прогневайтесь, пане, прошу вас. Я чужестранец и никого тут не знаю. Не могли бы вы сказать мне, кто этот молодой пан, стоящий позади княгини у окна?

— Тот, что сладко шепчется с этой стройной девушкой?

— Тот самый.

— Это знатный шляхтич, внук Радзиви́ллов, и зовут его Павел Ми́нский. Он из литвинов, и угодий у него такое множество, что он и счет им потерял. Видно, не даром он вьется около девушки. Впрочем, об этом все говорят. . . А она — дочь одного молдавского боярина. И впрямь хороша. Да и сам боярин не дурак, коли решил поймать в сети такого знатного зятя! . .

Сосед отошел. Шоймару грозно смотрел ему вслед. Бырновэ почувствовал, что рука, которую он сжимал, задрожала, и вдруг с силой вырвалась из его ладони. «Вот и пришла беда!» — подумал мудрый боярин. Он огляделся: пана Зубовского нигде не было видно. Глазами он прикинул расстояние до выхода — не больше десяти шагов. И Бырновэ стал неторопливо, с равнодушным видом отступать к двери. Потом он нашел себе место поудобнее, откуда мог спокойно следить за своим другом.

Шоймару пробивал себе путь локтями, не извиняясь, не обращая внимания на сердитые окрики, сыпавшиеся ему вслед. Он знал одно: впереди стоит Магда.

Когда он оказался в двух шагах от нее, скрипки и арфы заиграли вновь.

Он расслышал нежный голос девушки, сопровождаемый веселой трелью ее смеха.

— Конечно, нравится. Музыка мне нравится, пан Минский...

— А мне ничуть, — возразил молодой шляхтич. — Она мешает мне слушать голос пани...

Лицо у Шоймару окаменело. Он медленно подошел и, будто невзначай, толкнул плечом литвина.

— Что это значит? — коротко спросил тот, поворачивая голову.

В это время Магда подняла глаза и увидела Тудора. Она открыла рот и, наверное, закричала бы, если бы не была так потрясена неожиданной встречей. Застыв на месте, девушка побелела как мел, и на миг Шоймару испугался, что она сейчас бездыханной упадет к его ногам.

— Я ненароком, пан Минский, — спокойно проговорил капитан. — Мне нужно сказать два слова пани...

— Извольте.

— С глазу на глаз.

Литвин недоуменно посмотрел на Шоймару, потом на девушку.

— С глазу на глаз? — спросил он презрительно, разглядывая молдаванина с ног до головы. — Но я вижу, пани молчит. Она и знать вас не знает...

Шоймару чувствовал себя униженным этим надменным взглядом красивого разнаряженного шляхтича. Впервые в жизни он испытал подобное чувство, должно быть, потому, что судьей между ними была безмолвная женщина. «Почему она молчит?» — думал Тудор, и душа его замирала в смертной тоске.

— Скажите, пани, кто этот господин? — спросил литвин.

Магда бросила на Шоймару короткий взгляд. Что в нем было? Просьба? Луч любви? Стрела равнодушия?

— Я его не знаю, — тихо молвила дочь Орхеяну.

Мог ли Тудор понять в этот миг, что рядом с ним находился, возможно, один из самых красивых и богатых польских женихов! Ответ девушки был для него словно удар обухом по голове, а ее взгляд из-под задрожавших век поразил его, как молния в грозу. Эта молния испепелила его душу, в которой неистовствовала буря. Одна рука его нащупала рукоять сабли, другая сжала подаренный Кантемиром кинжал. Он не сознавал, что делает. Лишь несколько мгновений пронеслись после ответа Магды, а ему казалось, прошла целая вечность. Когда же успел черной тучей втиснуться между ними боярин Орхеяну? Откуда он взялся? Минский что-то спросил его, кивая подбородком на незнакомца. А Орхеяну, широко улыбаясь и выпячивая живот, воскликнул в недоумении:

— Каким ветром занесло тебя сюда, пан Тудор? Магда, ты видела его милость?

— Пани не знает этого чужеземца, — ответил за нее литвин.

— Не знает? Ну да, конечно, откуда ей знать его? — так же громко продолжал боярин Строе, обегая всех троих хитрым взглядом. — А если и увидела когда-то, то разве упомнишь? Одно мне непонятно, что этому пану тут нужно. Насколько мне известно, он служит капитаном в войске Томши. . .

По тому, как стремительно вспрянула со своего кресла княгиня Елизабета, Бырновэ понял, что над головой рэзеша нависла грозная опасность.

— В таком случае, это лазутчик! — презрительно сказал литвин и быстро обнажил саблю.

Началась свалка, и предусмотрительный Симеон прильнул к дверному косяку, не спуская глаз со своего друга.

Скрипки умолкли. Шоймару опустил руки, словно истомленный тяжким трудом. Вдова князя Иримии тихо произнесла несколько торопливых слов, и Владимир Корибут тут же передал приказ одному из пажей. Миг — и в залу вбежали слуги князя в красных кафтанах, вырвали из ножен саблю чужака и окружили его тесным кольцом. Шоймару едва успел коротким движением задвинуть под широкий кожаный пояс кинжал. Вряд ли он сознавал, что делает, — душой его владело черное отчаяние.

Глава двадцатая

ГРЕЗЫ ПАНА КОРИБУТА

В зале воцарилась необычная тишина. Гости переглядывались, ожидая разъяснений, чувствуя, что случилось нечто важное. Пан Корибут воротился от дверей к княгине Елизабете и что-то объяснил ей.

— Лазутчик заточен в подземелье, — сказал он в заключение, — завтра его допросят.

В это время к ним приблизился один из знатнейших молдавских вельмож из свиты княгини, во́рник [1] Ни́стор Уре́ке, высокий, седой бородач с живым взглядом. Он вел под руку боярина Орхеяну.

— Государыня, — неторопливо молвил он густым басом, — кажется, ключ к разгадке найден. — И, повернувшись к Корибуту, с которым был в приятельских отношениях, продолжал: — Послушайте и вы, пан Владимир. Знаете, что поведал мне боярин? Теперь, кажется, все разъяснилось. . .

---

[1] Во́рник — боярский чин, ведавший судебными делами.

Строе Орхеяну вышел вперед и склонил перед княгиней свое грузное тело.

— Вот что мне известно, светлейшая княгиня, — начал он. — После битвы со злодеем Томшей и нехристями я случайно встретил этого воина вместе с Кантемиром...

— Вот как? — удивился Корибут, подняв брови.

— Клянусь честью, государыня и вельможные паны! — торопливо продолжал Орхеяну. — Тогда я не мог расправиться с ними, высказать все мое презрение, весь гнев: я был в стесненных обстоятельствах, вот и пришлось их терпеть, хотя душу воротило от такого соседства и мне куда приятнее было бы увидеть их на виселице.

Никто не успел спросить о подробностях. Все подняли головы, внимательно прислушиваясь к словам ворника Нистора, который подтвердил всеобщее подозрение.

— Мне думается, — говорил он, — что лазутчик явился сюда с умыслом. Всем вам ведомо, что Кантемир вторгся со своими ногайцами в земли Речи Посполитой и грабит их. Что же могло понадобиться тут воину Томши, да еще приятелю буджакского бея?

Все молчали. Княгиня содрогнулась и с тревогой взглянула на княжича Александру. Во взоре ее читался страх за жизнь сына. Окружавшие ее шляхтичи сразу поняли это. Корибут решительно проговорил:

— Я сам допрошу его...

А пан Строе, шумно сопя, гордо оглядел залу: пусть все знают, что именно он спас от страшной опасности благородное собрание. Магда между тем подошла к княгине и опустилась на колени рядом с ней; лицо у нее пылало, загоревшиеся глаза то и дело обращались к гордому и статному пану Минскому, словно это он спас ее от неминуемой беды. Она была еще красивее обычного, и молодой литвин чувствовал, что готов на любое безумство ради этих глаз. Только пана Зубовского нигде не было видно. Волей благосклонных богов он, войдя в залу, оказался разлученным с гостями из киевской земли, к которым теперь, отрезвев, уже не испытывал ни восхищения, ни любви, внушенных вином времен короля Сигизмунда. Никто из сановников, к счастью, не видел его с ними. И все же он почел за благо убраться подальше, чтобы не впутываться в это неприятное и опасное дело, открывшее ему, сколь обманчива внешность и коварны сердца людские. Какой повод для горестных раздумий в тихом замке среди тополей!

Увидев, что слуги в красных кафтанах окружили Тудора и отняли у него саблю, осторожный Симеон сбежал по каменным ступеням крыльца. Его обогнали рынды, они кричали какому-то Онисиму, что князь повелел стражникам взять и заковать в цепи лазутчика, пойманного во дворце.

«Строе Орхеяну не заметил меня, — рассуждал Симеон про себя. — Пан Зубовский, конечно, и словом не обмолвится; надо, стало быть, укрыться где-нибудь и подумать, как быть».

Он проскользнул между выбежавшими на лестницу людьми и увидел внизу Лие и Илуна. Взглянув в лицо Симеона Бырновэ своими черными глазами, слуга Кантемира обо всем догадался. Лие встревоженно спросил:

— Его схватили? Это он — лазутчик, о котором кричат во дворце?

— Он. Тихо. Отойдите и ждите спокойно.

Прибежали польские гайдуки, звеня шпорами и тесаками. С опаской держа за руки капитана Тудора, будто он страшное чудовище, стражники вывели его на крыльцо. Ночная прохлада коснулась обнаженного горячего лба пленника. Вокруг него звенело оружие. Лишь когда на запястьях Тудора наручники сомкнулись, он внезапно очнулся и снова стал тем, кем был всегда: суровым, закаленным в испытаниях воином. Он понял, что попал в ловушку, что жизнь его висит на волоске. Надо было взять себя в руки и, не теряя времени, что-то предпринять. Теперь он отчетливо сознавал, что произошло. Мысли его, смешавшиеся и затуманенные присутствием Магды, обрели опять привычную ясность. Он легко нашел слова, которые следовало бы сказать: дерзкие — литвину, укоризненные — дочери Орхеяну. Слова о растоптанной любви... Он мог бы напомнить ей, как из-за нее чуть не убил Ваську-атамана, и намекнуть с горькой улыбкой, что самому ему теперь уготована подобная участь... И посмотреть на нее, да так, чтобы в глубине его глаз она увидела пламя того жаркого часа их жизни, часа, когда они были рядом на лесной поляне, когда вокруг шептались тихо березы.

Да, теперь, отрезвленный, он мог бы и сказать и сделать все это, но тогда, перед ней, он беспомощно мялся и молчал.

Шоймару взглянул на цепь, сковавшую ему руки, на вооруженных гайдуков, окруживших его; кроме них, здесь толпились и мелкие шляхтичи, кормившиеся при дворе Корибута, — и Тудор вздрогнул, узнав при свете факелов Илуна, слугу Кантемира, который спокойно ходил тут же. Он окончательно пришел в себя и стал внимательно приглядываться к происходившему: сейчас жизнь казалась ему бесценным даром, на него покушались — и ему надо было непременно сберечь его...

Во дворце пировали недолго: княгиня Елизабета была встревожена, а шляхтичи, заслышав имя грозного татарского вождя, уже мысленно видели всполохи степняцкого набега.

— Благородные паны, — обратился к гостям Владимир Корибут, — нынешний случай, хотя и весьма прискорбный, подоспел кстати: он напомнил нам о долге перед родиной... Ногайцы опустошают наши пограничные земли огнем и мечом. И, возможно, впереди еще бóльшие испыта-

ния. Я прошу вас помнить прежде всего о нашей чести, о единстве нашей древней и славной Речи Посполитой... Завтра же мы начнем собирать войско и обрушимся на врага.

Пылкие аристократы столпились вокруг него и, сжимая эфесы сабель, поклялись собрать казаков и польские войска, чтобы уничтожить ногайцев. А взволнованный Корибут, давний друг семьи Мовилэ и сват княгини Елизабеты, подошел к ней и по-рыцарски утешил ее:

— Вся благородная шляхта встанет за вас!

— Спасибо, пан Владимир, — ответила вдова, метнув на него испытующий взор. — Я всегда обретала защиту и спасение у рыцарей Речи Посполитой, всегда находила в этой земле, ставшей родиной для меня и моих детей, крепкие сабли для защиты наших исконных прав на престол Молдавии!

Корибут молча поклонился. Конечно, княгиня Елизабета всегда находила поддержку у многочисленной польской родни, но король желал мира с падишахом, и потому его советнику не пристало связать себя словом в присутствии такого множества людей. А лукавая вдова князя Мовилэ именно этого и добивалась. В ответ на безмолвный поклон Корибута она закусила верхнюю губу, потом с грациозной улыбкой огляделась и встала со своего кресла.

Княгиня с дочерьми и сыном уехала, шляхтичи разошлись, обменявшись пылкими фразами и воинственными обещаниями. Елизабета между тем поспешила распорядиться, чтобы охранявший ее отряд французских наемников был готов на рассвете выехать во Львов. А Владимир Корибут, задумчиво сидя в своей спальне и предоставив слуге снимать с него пышный наряд, вспомнил, что завтра ему предстоит допросить узника.

— Утром велю пытать этого лазутчика, — решил он. — Впереди целый день — успею до вечера его повесить...

Он устало вздохнул, довольный, что среди множества сложных дел вспомнил о лазутчике и даже сумел принять определенное решение. Слуга надел на него халат, натянул на лысую макушку колпак, и вельможный пан, кряхтя от удовольствия, растянулся на постели под пышным пологом. В изголовье на столике горели две восковые свечи, и пан Корибут, по своему обыкновению, достал одну из латинских книг в твердом переплете, с которым никогда не расставался. Польский магнат был человеком начитанным, утонченным и водил дружбу со многими учеными мужами столичных академий.

В этот вечер он в сотый раз перечитывал едкие сатиры Децима Юлия Ювенала. Высоко поднимая брови, Корибут усмехался, с невольной радостью обнаруживая в стихах древнего поэта картины, разительно напоминавшие нынешнее падение нравов в Речи Посполитой. «Жестокая и продажная аристократия, — думал он, — смотри, как описывает тебя

Ювенал — я вижу тебя в этих «патрес-конскрипти» [1], толстобрюхих пьянчугах, которые, забыв о бедах родины, глубокомысленно обсуждают достоинства того или иного рыбного соуса. Как мало осталось истинных мужей, посвятивших себя без остатка родине. . .» Так, скромно забывая о своих собственных изъянах, пан Корибут воспарял на сверкающих крыльях поэзии римского сатирика. . .

Было далеко за полночь, и свечи из зеленоватого венецийского воска успели догореть до половины. Шляхтич уронил книгу на легкое, верблюжьей шерсти одеяло и стал погружаться в приятные волны первого сна, как вдруг на дворе послышался шум, раздался звон оружия. Споткнувшись о порог, в опочивальню вошел старый слуга, мазурский смерд; протирая глаза, он что-то сонно бормотал.

— Что случилось? — крикнул Корибут, садясь в постели. — Почитать не дадут спокойно. . .

— Ваше сиятельство! — проговорил наконец слуга. — Татары!

Вот это новость! Благородный шляхтич выскочил из-под полога в чем мать родила и отбросил подальше сатиры Ювенала.

Как же они дерзнули, нехристи проклятые, зайти так далеко? И почему никто не оповестил его заблаговременно, неужто не видели зарева горящих казацких и крестьянских сел? А яневские шляхтичи и воины неужто не встали грудью за своего повелителя и честь всей Польши?

— Язычники подожгли город?! — завопил он.

— Не знаю, ваше сиятельство. Во дворе и на улицах кричат, что налетели ногайцы.

Слуга не выказывал особого страха, он был раздет и взлохмачен.

— Как ты смеешь, холоп, являться ко мне в таком виде? — заорал, охваченный гневом, благородный магнат. — Прочь с глаз моих! Поди узнай, что стряслось! Неужели никто не скажет мне толком, что происходит?

Мазур снова споткнулся о порог и тут же растворился во мраке коридора. А шляхтич тем временем спохватился, что и он напоминает праотца Адама: халат на нем распахнулся, колпак слетел с головы. Он поспешил одеться, отыскать оружие, чтобы враги не застали его врасплох. Прислушиваясь к шуму на дворе, он ждал вестей, но никто не приходил. Постепенно гомон внизу стал затихать.

Придя в неистовство, магнат дернул что есть силы за ленту серебряного колокольчика, потребовал одежду и велел разбудить всю челядь. Он намеревался самолично спуститься во двор и узнать, чья глупость или поспешность нарушили его покой. Слуги, чувствуя, что господин разъярен, с виноватым видом торопливо одевали его.

---

[1] «Патрес-конскрипти» (лат.) — отцы-сенаторы.

Пятеро беглецов, спешивших к Днестру на добрых конях в тусклом свете зари, уже не могли знать, как пан Владимир в неистовстве топает ногами и приказывает высечь тюремщиков и стражников. Они только догадывались, что после долгого шума и бесконечных расследований, гнев его сиятельства уляжется. А когда он узнает истинную причину поднятой кутерьмы, будет уже поздно посылать за ними погоню. К тому же и проку от нее будет мало: они мчались в Подольский край, где гуляли воины Кантемира, так что малочисленному отряду преследователей пришлось бы ехать медленно, делая частые остановки, чтобы разведать дорогу.

Тудор Шоймару угрюмо скакал рядом с Бырновэ. Одно желание переполняло его: уцелеть. Все остальное — бешеный гнев, боль израненного сердца — он словно бросал под копыта мчавшихся коней. Удар был жесток, но жить стоило, хотя бы ради того часа, когда он снова увидит красавицу со лживым взором. «Ничего, еще встретимся на этом свете», — повторял про себя рэзеш, угрюмо всматриваясь в даль, туда, где загоралась огненная полоса зари.

Бырновэ тихо улыбался, очень довольный всем происшедшим, прихотливой игрою случая. Он с особой приязнью поглядывал на Илуна, спокойно и бездумно скакавшего на своем буджакском коньке. Это он ловко проник вместе с гайдуками в подземелье и запомнил, куда заперли рэзеша. После полуночи Бырновэ вместе с Лие и Испасом стали кричать на улицах спящего города, что напали ногайцы. В поднявшейся суматохе Илун, точно кошка, видящая в темноте, нашел пленника. С помощью степняка и подаренного Кантемиром кинжала Шоймару легко пробил себе путь к свободе, выбрался на улочку за дворцовой стеной, где стояли кони. Бырновэ даже не спросил, пришлось ли им схватиться с тюремщиками, была ли пролита кровь? Острый кинжал и хмурый взгляд рэзеша говорили об этом без слов. Что до татарина, то его черные, точно капельки нефти, глаза таинственно мерцали, и прочитать в них что-либо было невозможно.

Глава двадцать первая

ПТЕНЕЦ ВОЗВРАЩАЕТСЯ В ГНЕЗДО

Кантемир гулял со своей ордой в польском порубежье до поздней осени, до первых морозов. Бырновэ и Шоймару давно расстались с ним: первого вызвал в стольный город князь Томша, чтобы тот занял подобающую его знатному роду должность, а рэзеш, словно раненый орел, вернулся в свое гнездо на берегу Рэута. Вся его жизнь — беззаботная юность

в чужом краю, ратная слава и тяжкие битвы, бурей налетевшая любовь, — все пошло прахом, осталась пустота. Войдя во двор к деду Миху, он хмуро приник к плечу старика и молвил:

— Скоро пойдем к князю, дед, просить правого суда. А пока хочу немного отдохнуть, оправиться от ран и душевных тревог.

Старик поцеловал его в лоб и ни о чем не спросил. Он дал ему отлежаться в темной каморке три дня, потом еще три. Через неделю вошел к нему и вывел в сад за домом.

— Вот что, сынок, — сказал он, усаживая Тудора рядом с собой на дубовую скамью, — выйди-ка на свет божий, полюбуйся на осеннее солнышко. Многое я на своем веку пережил и вижу — тоска у тебя от любви, сынок...

Шоймару ничего не ответил.

— Ты, понятное дело, — продолжал старик, — скитался по белу свету и родных своих позабыл. Может, и теперь мы для тебя еще чужие. Но тогда ты был юн, резвился, как необъезженный жеребчик. Теперь у тебя горе, и ты должен понять: человек не может жить один на свете.

— У меня остались вы, — пробормотал Шоймару.

— То уста твои говорят, а не сердце, — усмехнулся дед Миху. — Но это правда. Былинка и та не может жить без корня. А тебе и невдомек, какие у тебя корни в этой черной земле, по которой ты ступаешь. В ней похоронено куда больше сынов нашего рода, чем нынче живет их в селе. Наши деды и прадеды покоятся тут, и коли воротился ты в родную вотчину, так, знать, была на то божья воля.

Капитан Тудор поднял глаза и сквозь навернувшиеся слезы взглянул на суровое лицо старика.

— У тебя крепкая рука и чистое сердце. Я еще тогда, при первой встрече, понял это. Только сразу было видно, что ты еще не наш. Буйные ветры гнали тебя прочь. И все же я знал, что ты вернешься.

Старый Миху вздохнул и сжал руку воина.

— Всю жизнь я прожил в одиночестве и печали, — продолжал он. — Ни женой не обзавелся, ни детьми. Вот господь и послал мне тебя. Помнишь ли наши леса и реки, наши стада на широких лугах? Ты видел их в детстве.

— Помню, — тихо шепнул Шоймару.

— Все это за ратную доблесть досталось нашему прадеду, старому Шоймару и его четырем сыновьям от князя Александру Доброго. У нас есть дарственная грамота с его печатью. А потом дарственную подтвердили Штефан Старый [1] и сын его Ра́реш-водэ [2]. В ту пору мы и буджакских

---

[1] Штефан Великий — князь Молдовы (1457—1505).

[2] Петру Рареш — его сын (княжил в 1527—1538, 1541—1546 годах).

степняков держали в узде. Неужели ты никогда не подумал о тех, кто жил тут до нас? Видно, не думал. Ты был еще молод и скитался по чужим землям. . .

— Я хочу увидеть могилу отца, — проговорил с тяжким вздохом Тудор.

В голосе его слышалось теперь то же волнение, что и в словах старика. Некоторое время они молчали, оглядывая дали, залитые мягким осенним светом. Мирная тишина словно нисходила откуда-то сверху, сквозь листву яблонь, только пчелы ровно жужжали на соседней пасеке да что-то насвистывал дрозд, сидя на ветке ореха с пожелтевшей от первых заморозков листвой. Далеко окрест тянулись поля, окутанные прозрачной дымкой. По другую сторону села виднелись леса, словно обожженные чьим-то огненным дыханием. Опрятные, белые дома рэзешей, рассыпанные по склону, тонули в садах. Над зелеными макушками деревьев возвышался сверкающий крест божьего храма. Там было кладбище, отчая могила.

Новое чувство постепенно пробуждалось в душе воина. Перед мысленным его взором внезапно возникло худое печальное лицо — лицо убитого отца. Потом в памяти воскресли голубые ласковые глаза матери, той, что прижимала его к груди и убаюкивала нежной колыбельной песней. Всю жизнь провел он в скитаниях и вдруг очутился тут, на земле детства. Он всюду был чужим, а теперь теплел душой, глядя на старого Миху, сердцем угадывая родную кровь.

Старик заговорил об основателях рода Шоймаров, и голос его проникал в самую душу скитальца, он показал, где стояли их дома, перечислил их сыновей, прадедов Тудора — всех тех, кто нашел вечное успокоение под крестами кладбища. Рассказал о пожалованной земле, которую он тоже называл дедовской, показывая рукой, в какой стороне был чей надел. Он называл все новые и новые имена людей из их рода. Наконец умолк и внимательно всмотрелся в лицо племянника.

Тудор снова вздохнул. Ласково сияло осеннее солнце. И ему вдруг захотелось облегчить душу, поведать старому Миху свою тайну. Просто и немногословно рассказал он о любви, захватившей его душу, о том, как волею неба и случая его возлюбленной оказалась дочь Орхеяну.

— Она унизила и растоптала эту любовь, дед, — с трудом проговорил он.

Старик быстро взглянул на него и покачал головой. Потом спросил, где он встретил девушку и когда оставил ее. Долго молчал он, думая о чем-то своем. А когда солнце склонилось к западу и на церковной колокольне зазвонило било, он поднялся и сказал Тудору:

— Вставай, сын мой, пойдем в храм. . . Сегодня молебен о поминовении усопших.

Тудор встал, подтянул широкий пояс и передвинул вперед ножны

кинжала. Затем взглянул на низкорослого старика с пронзительными глазами и коротко остриженной бородкой. А тот все молчал: казалось, он слушает густой звон, несшийся с высокой колокольни и разносившийся далеко окрест.

— Когда мы владели всей нашей землей, то звон колоколов не долетал до ее дальних рубежей, — с ударением промолвил дед Миху. — Пойдем же!

Они вышли на улицу и направились к церкви. Должно быть, старик оповестил односельчан — сегодня они вернулись с поля раньше обычного и теперь спешили к вечерне. Они молча пропустили вперед Тудора. Вскоре колокола замолчали, и на дороге стали слышны только шаги рэзешей, обутых в красные сапоги с вывернутыми голенищами.

— Они ждали тебя, как второго пришествия, — шепнул старый Миху, подняв на гостя горящие глаза.

Чувство невольной гордости пронизало воина.

Глава двадцать вторая

ТЕНЬ ИОНАШКУ

В ту осень дядя и племянник объехали все рубежи прежних рэзешских владений. Тудор сидел на своем боевом коне, старик ехал на низкорослой рыжей лошади, которую выловил арканом в табуне. За ними следовал Лие. Они трусили мерной рысью по полевым тропкам среди пастбищ и лугов, вдоль лесной опушки. Осенний ветер оголял деревья, и огромные вековые дубы тяжко стонали, словно чуя дыхание близкой зимы. Старик показывал Тудору межевые камни и деревья, к которым в прежние времена прибивали знаки с изображением зубра. В полях, подернутых дымкой, сверкал на солнце иней. А Тудор все вглядывался в просторы земли предков, словно в глубины минувшего. . .

В его истомленной душе постепенно воцарялись покой и решимость. Любовь казалась ему теперь болезненным помрачением рассудка. Он твердо решил восстановить полуразрушенный отчий дом и привести в порядок родительский сад. Он сам не замечал, как сердце его все жарче откликалось на рассказы рэзешей о произволе боярина Орхеяну; общее страдание становилось мало-помалу и его страданием. В рождественский пост, когда выпал первый снег, дед Миху развернул перед глазами племянника пожелтевшие дарственные грамоты, написанные рукой тех, кто давно уже истлел в могиле, и скрепленные печатями самых славных господарей Молдавии. Долго бились они над челобитной господарю. А к вечеру, уже

в сумерках, в ответ на вопрос Тудора дед Миху сказал с глубокой печалью:

— Ты хочешь знать, сынок, как сложил голову за наши исконные права твой отец? Так слушай. В дни княжения Арона-водэ ты был еще очень мал, горе тебя не коснулось. Но для нас настали тогда черные дни.

Не знаю, с чего все началось. Может, дно казны опустилось до глубины адского пекла, и ее никак нельзя было наполнить. А может, князю, словно ненасытному волку, захотелось содрать семь шкур с одной овцы. Повинностей стало столько, что однажды наш староста собрал нас всех, положил на землю посох и сказал:

«Братья, не в силах я грабить народ...»

Арон-водэ повелел брать с каждого по быку. А коли нет его у бедняка, пусть за него рассчитывается тот, кто побогаче. Навалилась на нас беда, саранчой хлынули княжеские мытари — сборщики податей. Тогда-то и появились на нашей земле злодеи, что срезали кошель с пояса крестьянина и вздергивали на ближайший сук нищего хлебороба. Горе горькое...

Старик тяжело вздохнул и хмуро взглянул на племянника.

— А знаешь, с чего началась рознь между нами и боярином? — глухо продолжал он. — Табун наших коней забрел однажды во владения боярина Строе. Вся его челядь высыпала на улицу: окружили табун и, лупя дубинами коней, погнали их в загоны. А боярин тут же настрочил жалобу старосте, ворнику и князю.

Нашлись свидетели, они подтвердили, что мы долгие годы травим скотиной пастбища боярина. Были у боярина холопы родом из степной заднестровской глуши — так те даже клятву дали. Головой потом заплатили — и по заслугам. Суд постановил, сынок, чтобы за причиненные убытки заплатили мы, как за смертоубийство — половину всех наших земель. Вот каков был правый суд князя Арона! За это род наш проклял его, чтоб не знал он покоя на том свете, чтоб черви грызли его до скончания веков.

Ионашку был воином, как и ты. Был он на службе у Иоана Лютого [1] и много ран получил в Рошканском сражении. И вот, когда настали те лихие деньки, снял он со стены саблю и опоясался ею. Созвал всех нас в храм и сказал:

«Братья дорогие (Ты слушай внимательно, сынок, что говорил твой отец!), мы всегда стояли заслоном на рубежах и бились со многими племенами. Нашу землю добыли мы своими руками и окропили своей кровью. Как же смеет господарский слуга, которому-то и боярство пожаловали только-только, грабить нас, защитников рубежей со времен первых

---

[1] Иоан Храбрый, прозванный «Лютым» (1572—1574), успешно боролся с помощью казаков против турок. Преданный боярами, погиб в Рошканском сражении.

князей?» Так он сказал. И еще добавил: «Братья, уж лучше в землю лечь, чем покориться обидчику!»

И мы присягнули на святом писании и поклялись перед лицом спасителя, что не покоримся. Сначала мы отправились к господарю, прося правого суда. Но князь ответил, что когда идет тяжба между рэзешами и боярином первой руки, то правда может быть только на стороне вельможи. Слыхал? Вот в точности ответ князя Арона! Тогда мы весной вышли в поле да и провели борозду по следам древней межи...

Тут же прискакали конные стражники из Бырлада. Мы тоже сели на коней и выхватили сабли. Заодно с нами поднялись и сорокские селения, разоренные сборщиками податей.

Вот тогда-то и заявился сюда сам Арон-водэ. Надел шишак, сел на коня, натянул серебряную узду и повел на нас пехоту и конницу. Рубились мы саблями, бились копьями, но они оказались сильнее.

Пригнул князь наши головы к земле — и тогда уж позвал на свой княжеский суд.

Он сидел в кресле на дворе мурдженской усадьбы, а перед ним стояли наши старейшины. Князь коротко приказал: «Отрубить им головы!» И воины тут же казнили наших стариков.

Затем к господарю обратился боярин Орхеяну.

«Светлый князь, — крикнул он, — рассуди меня по справедливости!»

«О чем ты, боярин Строе?»

«Не обойди своей милостью — за пережитые муки, за отнятое добро, за потравы, за все, что мне пришлось вытерпеть от подлых рэзешей!»

«Твоя правда, — согласился господарь. — Сперва полагается воротить тебе земли, пожалованные нами...»

«Господарь, это наша исконная вотчина!» — смело и громко сказал Ионашку.

«Вот как? — мягко проговорил князь. — А ты кто такой? Подойди поближе».

«Светлый князь, он и есть голова всему!» — кричал боярин, в то время как твой отец приближался к князю.

«Хорошо, — заметил спокойно Арон. — Как тебя зовут? Ионашку. Очень хорошо. Знай же, Ионашку, что за перенесенные боярином страдания, за отнятое добро, за потравы, за все, что ему пришлось вынести от вас, полагается ему, помимо пожалованного нами, еще и половина того, что у вас осталось!»

«Князь! — громко ответил Ионашку. — Господь воздаст тебе полной мерой за твою справедливость».

Боярин Орхеяну набросился на него:

«Да как ты смеешь, холоп окаянный, так говорить с господарем?»

«Верно, — проговорил князь. — Поучи-ка его булавой за дерзость».

И кинул боярину свою персидскую булаву с головой в виде беса с острыми рогами. Орхеяну схватил ее на лету и ткнул ею твоего отца в грудь. Затем трижды ударил его по лбу, а потом еще раз и еще по глазам, по голове. . .

Так погиб твой отец, погиб за наши права, сынок. . .

Старик горестно вздохнул и замолк.

Тудор Шоймару, в каком-то оцепенении слушавший рассказ деда Миху, вскочил со своего места. Лицо у него было мертвенно-бледно, глаза лихорадочно горели. Стиснув руки старика, он проговорил с волнением, которое не в силах был унять:

— Дедушка Миху, прости меня!

Дед погладил его влажный лоб и ничего не сказал. Да и к чему слова: горькая правда дошла до сердца воина — старый рэзеш чувствовал это.

Как хотелось Тудору излить неистовый гнев, терзавший душу железными когтями, но он словно окаменел. Капитан сидел недвижно, и в сумрачной тишине перед его взором вставало окровавленное лицо отца с закрытыми глазами. Словно тень, оставившая могилу, плыл по воздуху Ионашку со сложенными на груди руками. Шоймару тяжко застонал, как от боли, и провел ладонью по лицу и глазам. Рука стала мокрой от слез, а ему почудилось, от крови убитого. . .

Глава двадцать третья

ДРЕВНИЕ ГРАМОТЫ

Тудор и дед Миху явились ко двору зимою 1613 года, за три недели до начала рождественских праздников. Они подали Томше челобитную с жалобой рэзешей. Князь милостиво соизволил назначить разбирательство через самое короткое время, и дядя с племянником, полные надежд, воротились в родное село за свидетельствами и грамотами. На совете с отцом Штефаном и старейшинами в храме они все обсудили и собрали необходимые деньги.

За три дня до праздника трех святителей в конце января Миху, священник и Тудор, запрятав в кожаные пояса золотые и осенив себя крестным знамением, сели в сани и отправились в стольный город, сопутствуемые добрыми пожеланиями столпившихся у церкви односельчан.

— Счастливого вам пути, возвращайтесь с добрыми вестями! — кричали самые старые.

Стояли не слишком холодные погожие зимние дни, на полях толстым покровом лежал снег. Небо было ясное, леса опушило изморозью. Возни-

цы положили поближе к себе заряженные пищали, натянули поводья, и быстрые кони помчали сани по гладкому зимнику. Закутавшись в овчинный тулуп, Тудор вспоминал, все ли нужные грамоты они положили в кожаную сумку, и обдумывал, что ему говорить в боярской думе. Дело было нешуточное, оно касалось всего рода Шоймару — и тех, что живут сейчас, и тех, что придут после них. Их и сегодня много, но в будущем станет еще больше. А отнятая часть вотчины равнялась шести тысячам фáлчий [1].

Медные бубенцы оглашали громким звоном просторные белые поля, пустынные и унылые. Наконец после долгого пути и коротких остановок на постоялых дворах посланцы рода Шоймару, томясь сомнениями и надеждами, прибыли в стольный город под самый праздник и явились ко двору в десятом часу утра.

Тудор сразу же отыскал Бырновэ, который был в большой чести у князя, и после радостных объятий напомнил ему о цели своего приезда.

— Вовремя прибыли, — сказал рэзешам Бырновэ. — Сегодня князь в добром расположении духа. Сейчас стоит заутреню в храме святого Николая.

Он повел гостей в свой покой и угостил легким завтраком, продолжая рассказывать другу о последних событиях в Яссах и о тех изменениях, которые произошли при Томше.

— Выгляни в это окошко, — сказал он, — ты увидишь новых ратников.

И действительно, Тудор увидел во дворе серого дворца и под сводами ворот множество воинов в узких кафтанах с позументами и шапочках с перьями.

— Вот из-за кого ты меня тут нашел, — продолжал Симеон. — Это угрские ратники, охраняющие дворец, а меня князь поставил над ними старшим. Угров он расположил в комнатах около тронной палаты и, как видишь, одел в красивые уборы.

Отец Штефан и старый Миху внимательно слушали рассказ Бырновэ.

— Стало быть, князь Томша устанавливает свою власть надолго? — спросил старый рэзеш.

— Возможно, — по своему обыкновению осторожно, ответил философ Бырновэ. — Кто знает, каким будет завтрашний день? Судьба Штефанаводэ в руках султана Ахмета.

— Может, даст бог, удержится, — заметил священник. — В народе говорят, что князь милостив к беднякам.

— Так-то оно так, батюшка, — возразил Симеон, — да нрав у него крутой. Чуть что не по его — кровь проливает. Сколько боярских голов слетело прямо за княжеской трапезой. Что ж тут хорошего...

---

[1] Фáлчия равна 14322 кв. м.

— На все воля всевышнего,— тихо проговорил священник, поглаживая длинную седую бороду.

— Говорят, так поступал и князь Лэпушня́ну [1], — внушительно напомнил дед Миху. — И князь Иоан Лютый. Много бояр казнили.

На улице послышался шум: приближался князь со своей свитой. Рэзеши и Симеон поспешили навстречу.

В широко открытые ворота гордо въехал князь, окруженный сановитыми боярами. Дорогая меховая накидка широко ниспадала на круп коня, соболья шапка с тремя страусовыми перьями сверкала в лучах зимнего солнца. Рука в желтой перчатке держала повод из голубого шелка, прикрепленный к удилам серебряной цепочкой. Дворцовая стража и дарабаны, выстроившись у входа, застыли словно каменные изваяния.

[1] Александру Лэпушня́ну княжил в Молдавии в 1552 — 1561 годах.

Господарь окинул их довольным взглядом. Потом заметил среди бояр Бырновэ и сразу догадался, что тот хочет что-то ему сказать.

— Что там у тебя, пан Симеон? — весело спросил он.

— Господарь, — ответил боярин, — во дворец явился капитан Тудор с двумя рэзешами из рода Шоймару. Они бьют тебе челом и просят их выслушать.

— Где же они? — крикнул Томша, окидывая двор сверкающим взором. — А, вот ты где, капитан Тудор! — продолжал он, заметив путников. — Подойдите поближе!

Рэзеши исполнили повеление князя.

— Светлый князь, это мой дядя Миху, — сказал Тудор. — А это отец Штефан.

Подойдя по очереди к стремени князя, они приложились к его руке. И Тудор смело продолжал:

— Господарь, мы приехали, потому что ты изволил на сегодня назначить срок.

— Хорошо, пан Тудор. Я не забыл, как доблестно ты сражался. И надеюсь, что при надобности ты опять встанешь грудью за своего князя.

— Непременно, господарь. Со всеми своими родичами-рэзешами!

— Мы не раз поднимались с оружием в руках за наших господарей, — подтвердил своим хриплым голосом дед Миху.

— Что ж, — улыбнулся князь, — у меня в чести и мелкопоместные дворяне, и рэзешские роды. Пусть же пан Тудор и его товарищи пожалуют к нашему столу. И с ними вместе все честные бояре, обозначенные в списке.

Бояре спешились. Двое отроков держали уздечку княжеского скакуна. Армаш Никорицэ подошел ко стремени господаря.

— Все идет хорошо, — успел шепнуть Тудору на ухо боярин Симеон Бырновэ.

Пройдя под сводами дворца, они вступили в покои. Князь был женат и жить любил в пышности. Всю осень приезжали к нему с дорогими, изысканными товарами рагузские купцы, левантийские греки, немцы из Львова и Кракова, саксы из Бистрицы и Сибиу. Палаты, через которые проходили рэзеши, были уставлены тахтами, столиками с инкрустациями, увешаны персидскими коврами и венецианскими зеркалами.

В большой трапезной не было украшений — одни иконы висели в восточном углу. Посереди комнаты стоял длинный дубовый стол, покрытый скатертью из белого полотна, обшитого кружевами. Вокруг него — стулья с высокими спинками. Во главе стола виднелось кресло господаря — оно было шире остальных и украшено резным узором.

Как только приглашенные собрались, в трапезную вошли князь и митрополит. Удостоверившись, что рэзеши здесь, Томша распорядился подавать на стол. Бояре, начиная с логофэта, ворника и гетмана, расселись по старшинству, по правую и левую руку князя, а митрополит, поднявшись со своего места, поклонился иконам и благословил белый хлеб и первые холодные блюда. Согласно старинному обычаю, оружничий Иримия Сучевя́ну сел рядом с князем: на шее у него висела господарская сабля. По знаку Томши армаш Никорицэ распорядился подавать горячие блюда. Стольник тут же внес покрытые сковородки.

Пост миновал — настало время веселья. И так как князь был в добром расположении духа, в трапезной заиграли музыканты на лютнях, ко́бзах [1] и наях [2]. А когда музыка смолкла, запели псаломщики церкви Николы-чудотворца.

---

[1] Ко́бза — старинный щипковый инструмент с четырьмя струнами.

[2] На́й — духовой музыкальный инструмент, состоящий из нескольких деревянных трубок различной длины.

Старый Миху не произнес ни слова. Широко раскрытыми глазами он смотрел на пышно уставленный яствами стол, но ничем больше не выдавал своего удивления — прямо и гордо восседал он на своем месте.

Господарь протянул чашу, и армаш наполнил ее вином. Когда молдавский властитель поднес ее к губам, во дворе грохнула пушка — стены задрожали. Тотчас послышались громкие крики воинов. Бояре, поднявшись со своих мест, смиренно провозгласили: «Будь здоров, светлый князь!» И лишь потом стали тоже пить вино.

«Вот отчего мало правды на свете, — думал между тем старый Миху. — Вельможи пожирают ее и запивают вином. . . А простой люд терпит нужду и страдает от жажды».

Трапезы у Томши недолго длились. Новый князь был умерен в еде и в питье. Он удовольствовался пловом и куском жареной баранины и одной чашей вина. Не прошло и часа, как все поднялись из-за стола и поклонились владыке, и князь перешел в свои покои, чтобы немного отдохнуть.

— Что скажешь, дед? — обратился Тудор к дяде. — Рад, что обедал за княжеским столом?

— Чему радоваться, когда в брюхе пусто, — ответил тот. — Теперь бы увидеть князя в совете. Может, правый суд его меня насытит. . .

— У князя ясный ум, — заверил Бырновэ. — Судить будет справедливо, и потому, что правда на вашей стороне, и потому, что боярин Орхеяну бежал, а еще потому, что князю нужны на берегах Рэута надежные воины.

— Мы ему будем служить верой и правдой, — молвил старик. — Лишь бы он помог нашему горю.

— О чем тревожиться, ведь князь на нашей стороне! — радостно заметил Тудор.

— Ну, нет, — возразил старый рэзеш. — Нам не нужен пристрастный суд. Я хочу, чтобы совет и государь заглянули в грамоты, выслушали свидетелей, как полагается, и судили по совести, ибо на свете только одна правда, как на небе один бог. . .

Вскоре господарь, немного отдохнув, вышел в приемную палату и призвал думных бояр заняться челобитной рэзешей. Обратив взор к великому логофэту Иону Сты́рче, сидевшему по правую руку, он спросил его:

— Верно ли, пан боярин, что тот, кто не является на суд своего господаря, тем самым доказывает, что виновен?

— Верно! — быстро шепнул армаш Никорицэ, стоявший позади своего господина.

— Итак, — продолжал Томша, — отчего же не явился на суд его милость боярин Строе Орхеяну?

— Оттого, что предал он своего господаря и свою родную землю, — молвил старый Стырча, избегая злобного взгляда Томши.

— Не избежать ему суда и кары! — крикнул князь.

Бояре согласно закивали. Среди них не было ни одного родича Орхеяну: кто сбежал, кто пал от рук княжеского палача. Стало быть, дела боярина Строе здесь никого не волновали. Сановники спокойно ждали, что скажут рэзеши, зная наперед, что рассудят их так, как захочет князь.

Вперед выступили Миху и Тудор и рассказали совету, как в дни княжения Арона-водэ боярин силой отнял у них исконную вотчину. Князь слушал, подпирая подбородок ладонью. Когда Тудор кончил, в палате воцарилась тишина, только дьяки, записывавшие ход разбирательства, скрипели гусиными перьями.

Ворник Нижней Молдовы Мургоча́ну поднял голову с львиной гривой волос. Теперь он был стар, но когда-то славился своей могучей силой.

— Господарь, — проговорил он, — и вы, паны бояре! Дело это знакомо мне: рэзеши с берегов Рэута не раз жаловались князьям, но их каждый раз прогоняли... А то, что они говорят, святая истина.

Старый Миху, тронутый словами боярина, обратил на него свой пронизывающий взор.

— Рассудим же их по справедливости, — сказал князь, глядя поочередно на своих бояр.

Но старику хотелось доказать свои древние права. Шагнув вперед, он снял с пояса Тудора сумку из желтой кожи и бережно положил ее на стол. Раскрыв ее, он принялся с какой-то благоговейной тщательностью доставать грамоту за грамотой, один пожелтевший пергамент за другим.

— Светлый господарь и вы, великие бояре! — смело крикнул он. — На коленях молю: разверните и просмотрите эти грамоты. Вот древняя дарственная, а это позднейшие ее подтверждения князьями. Достойный логофэт читает по-славянски, пусть он переведет их еще раз! Протяните руки, ощупайте печати: видите, они целехоньки. А вот и письменные свидетельства настоятеля Команского монастыря и других — иных уж нет, другим не добраться до стольного града. Из них-то и видно, что в тот раз, когда с нас потребовали невиданную цену за пойманный табун лошадей, боярин говорил неправду и привел ложных свидетелей. А что касается второго раза, об этом, наверное, помнит милостивый боярин, подавший голос за нашу правду.

— В тот раз рэзеши поднялись с оружием в руках, — сказал кто-то.

— Их вел мой отец Ионашку, — заговорил внезапно Тудор, поднимая голову. — Он добивался справедливости. И за это боярин Строе убил его булавой.

— А разве мы не древнего рода? И разве смерть Ионашку не искупила наше неповиновение? И разве правда наша не доказана? — вмешался Миху.

— Хорошо, — благосклонно согласился Томша, — посмотрим грамоты рэзешей.

— Господарь, — заговорил опять Мургочану. — Во всем, что говорили тут рэзеши, нет лжи. Боярин Строе насильно отнял у них вотчину...

— Перед лицом истинного бога клянусь, господарь, — торжественно проговорил отец Штефан, поднимая глаза к образам, — что в дарственных грамотах и свидетельствах все доподлинно верно...

Ученые дьяки читали пергаменты. Князь, вытянув шею, тоже рассматривал их — бояре поспешно столпились вокруг князя. Совет был недолог: худой — кожа да кости — дьяк, еще более востроносый, чем Никорицэ, вывел крупными, украшенными завитушками буквицами указ о восстановлении попранных прав рода Шоймару. Князь тут же подписал лист толстой, жесткой бумаги, на котором подробно излагался весь ход разбирательства. Рэзешам присуждалась вся земля вплоть до Мурджен и за ними, а впридачу — боярская усадьба, построенная Строе Орхеяну в дни княжения Арона-водэ.

Старый Миху внимательно слушал чтение указа. Больше всего его радовала обстоятельность изложения и упоминание о древних рубежах вотчины, названных еще в дарственной грамоте господаря Александру Доброго. Придирчиво ощупав шнур и зеленую печать, дед первым опустился на колени и облобызал руку Штефану Томше.

Глава двадцать четвертая

РЭЗЕШ ОБРЕТАЕТ РОДИНУ

У въезда в деревню трое рэзешей на радостях пальнули из пищалей, а отец Штефан тут же приказал диакону влезть на звонницу и ударить в колокола. Люди спешили к церкви, где священник в ризах служил молебен. С радостью выслушав добрую весть, поселяне опустились на колени, и священник, воздев руки и потупив голову, прочитал горячую молитву.

— Братья, господь смилостивился над нами, — со вздохом молвил он.

Охваченные ликованием, рэзеши подняли на руки деда Миху и капитана Тудора и понесли их в самый просторный дом — отпраздновать победу вином и добрым угощением.

Никогда еще Тудор не ждал с таким нетерпением весны. Но вот подул южный ветер и согнал снег. С первыми стаями журавлей прискакал княжеский гонец и передал, что Томша повелел старосте восстановить старые межи согласно древней грамоте и переложить на прежние места межевые камни.

Вскоре показался сам староста с конным отрядом и исполнил в точности приказ господаря. Уехал он, нагруженный подарками, как пчела медом, а рэзеши снова пустили стада на старые пастбища, запаслись дровами в лесу, распахали самые плодородные прибрежные угодья, которые составляли большую часть богатства боярина Строе.

— До чего же хорошо, сынок! — вздохнул однажды старый Миху, ехавший рядом с племянником по тихому проселку. — Теперь и умереть не страшно: дожил я до желанного дня!

Шоймару молча поглядывал на окружающие поля, вдыхая запах сырой земли. Вид у него был задумчивый.

— Послушай, сынок, — продолжал старик. — Я хочу тебя спросить, только не сердись...

— Спрашивай, дядя, — тихо ответил капитан Тудор.

— Посмотри мне в глаза и скажи, нет ли печали в твоем сердце?

— Печали? О чем?

— О твоей любви. Неужели дочь Орхеяну до того хороша, что ее и забыть невозможно?

— Она и вправду очень хороша, — с улыбкой ответил капитан Тудор.

— Так, может быть, в тебе вновь ожила любовь, как оживает цветок после мороза? Может, она тебе дороже всего, что ты у нас нашел? Молодая страсть оставляет огненный след...

Тудор осадил коня и пристально взглянул на старика.

— Зачем ты так говоришь, дядя? — спросил он. — Ты мне не веришь?

— Верю.

— Клянусь, дядя, если бы сердце не слушалось меня, как я когда-то его, я бы вырвал его из груди и кинул псам на растерзание!

— Добрые слова... — улыбнулся старик. — Только, вижу я, время бежит, а ты и не замечаешь других девичьих глаз, будто на боярской дочери клином весь свет сошелся. А ведь стоит оглянуться...

— Тяжело, дядя... Другой мне уже не полюбить.

— Значит, сынок, ты еще не исцелился...

— Неправда! — с какой-то злостью выкрикнул воин. — Сердце послушно мне, я это чувствую и знаю. Что было, то прошло.

Старик понурил голову и вздохнул, как делал всегда, когда его одолевали печальные мысли.

Тудор метнул в его сторону встревоженный взгляд. А вдруг старик прав? Что, если он действительно не прижился среди своих и его снова потянет скитаться? Или память о недавней любви вновь волнует его сердце? Тудор и сам не смог бы объяснить, что с ним. С приходом весны он все чаще ощущал тревожное волнение. Но одно он знал твердо: если он и мечтал о встрече с Магдой, то лишь затем, чтобы обжечь ее гневным

взглядом. Теперь он уже не мог отделить девушку от ее толстобрюхого отца и всех его злодеяний.

И вдруг до него дошел смысл намеков старика, стали понятны его слова о том, что он не замечает других девичьих глаз! С той поры, как на яблоне набухали почки, в его сад стала наведываться невысокая смуглянка с черными глазами, изогнутыми бровями, пухлыми румяными губами, обнажавшими в веселой улыбке ровные ряды ослепительно белых зубов. «Дальняя родственница, — пояснил как-то дед Миху. — Дочь Савина. . .»

Шоймару внезапно повернулся в седле и спросил:

— А звать-то ее как?

— Что? — вскинулся старик. — О ком ты спрашиваешь?

— О дочери Савина, которая проходит иногда через наш сад.

— Вот оно что, — молвил дед и усмехнулся в усы. — Ты об Анице? А я не понял сначала, о ком ты. . .

— Так ее зовут Аница?

— Да. В детстве ее чуть было не увели татары. Они тогда грабили наш край. Передумали: уж больно некрасива, и рот у нее большой. . .

— Зря отказались. Такую можно и увести. . .

— Зачем! — возразил старик. — Смотреть не на что.

Только теперь капитан Тудор заметил лукавую усмешку старика и замолчал.

«Ну и ну, — думал он про себя. — Почему же это зачастила в наш сад девчонка Савина?»

Раз или два они даже перемолвились словечком. Однажды девушка сказала, что ищет отбившихся гусят. . .

— А ты говорил когда-нибудь с ней? — спросил вдруг дед, повернувшись в седле.

— Было, — ответил Тудор задумчиво. — В последний раз она сказала, будто идет к крестной за ситом. . .

— Что, что?

— Ну, объяснила, куда идет, — равнодушно сказал Тудор.

— Ох уж эти девчонки! — вздохнул дед. — Только у них и дел — бегать за ситами к крестной. . .

Они вернулись в село и остановились у ветхой, полуразрушенной избы Ионашку. Возчики уже привезли свежесрубленные бревна. Спешившись, дядя и племянник поговорили с плотниками, которые тут же налаживали инструменты — топоры, коловороты, деревянные гвозди. Босой колодезник, обвязавшись поверх мокрой рубахи толстой лыковой веревкой, чистил заброшенный колодец.

— Я думаю, к осени ты уже обживешь родительский дом, — сказал старый Миху.

Они вошли в сад. Еще ранней весной дед привил разросшиеся повсю-

ду дички яблонь и груш. Смотря на набухшие почки, склоняясь над ветками, оба радовались тому, что из маленького зернышка вырастает новая жизнь, что в нежной почке таится будущий урожай могучего дерева.

И Тудор не мог понять, отчего он, словно малое дитя, взволнован этим обновлением отчего дома и заброшенного сада? И почему дед Миху то и дело напоминает ему о них и приводит сюда, как к источнику живой воды? Вдруг стала ясна хитрость старика — и столько было в ней любви, что Тудор почувствовал к нему глубокое сострадание.

— Ну, как, сынок, нравится? — тихо спросил Миху.

Капитан Тудор кивнул головой, но ответить не успел: в глубине сада, в густых зарослях терновника, вдруг он заметил Аницу, девушку, которую чуть не увезли татары. Она стояла и смотрела на него в упор.

Глава двадцать пятая

БОЯРЕ ЗАМЫШЛЯЮТ НЕДОБРОЕ

Время — лучший целитель страданий. Но не все души подобны водной глади, которая в бурю покрывается рябью, волнуется, мутнеет, а в тихую погоду успокаивается и вновь становится прозрачной, будто ничего и не было. У иных людей страдания надолго оставляют в душе ядовитую горечь, и она никак не может обрести покоя. Таким был Тудор Шоймару.

Сердце у него все еще ныло. Вспоминая Магду, он хмурился, уверенный, что, попадись она на его пути, он отомстил бы не задумываясь. Но порой он все еще вспоминал ее улыбку. И все же время и дед Миху с коротко остриженной бородкой готовили ему тихую пристань.

Колосились поля, расцветал сад. Мирно паслись коровы, позванивая колокольцами, резвились жеребята на выгоне. Теперь Тудор знал все уголки древней вотчины. На собраниях рэзешей его слово стало решающим.

Он внимательно слушал тихие молебны отца Штефана и, низко склонив голову, подолгу стоял у могил Ионашку и Анисии. Без него теперь не решался ни один спор между родичами. С яростью истинного рэзеша преследовал он конокрадов, переходивших Днестр в бурные ночи.

Его звали на помочи, где работали всем миром, на свадьбы, на крестины, он печально стоял у изголовья усопших. Тудор становился настоящим однодворцем — рэзешем, что тянется к родичам, как пчела к матке. Он и сам не заметил, как со временем все больше покорялся этой власти, хотя по-прежнему оставался предводителем всех рэзешей на берегах

Рэута. Тень убитого при князе Ароне давно истлевшего отца властно стояла над ним.

А рядом росла и настойчиво говорила о себе девичья любовь. Она хоть и не тревожила сон, не отвлекала от дела, но была приятна его сердцу. Аница встречалась ему повсюду. Ее любовь была упорной и не отступала ни перед чем. Тудору она все еще казалась девочкой, но смуглая черноглазая дочка Савина каждую ночь видела его во сне.

Томша по-прежнему правил страной: в те времена если господарю удавалось спокойно прожить год, он почитал это за великое счастье, а следующий год воспринимал как милость судьбы. По приказу князя Тудора несколько раз вызывали в стольный город. Томша посылал его во главе отряда служилых людей то к валашскому рубежу, то в Хотинскую крепость. А к началу зимы 1614 года капитан Тудор Шоймару привел к воротам Ясс рэзешскую конницу. Надо было уплатить князю Томше долг — три недели конной повинности и податной службы.

В те дни Томша крепко сидел на престоле, но бояре роптали. Молдавия еще не знала князя, который бы так мало уважал права знати, так мало оказывал ей чести. И многие вздыхали, вспоминая приятные сердцу времена княжения Иримии: он-де и сам жил пышно, и бояр держал в чести, ни в чем не ущемлял их. Каждый управлял своими селами и угодьями по своему усмотрению, и смерды не смели вольничать, как при нынешнем князе. Но еще больше пугал бояр крутой нрав господаря: для него что боярина, что смерда казнить — все одно. Вспылит, начнет браниться и тут же голова с плеч. И не просто ни за что жизни лишит, но и позором покроет: посадит на кол боярина рядом со смердом, с разбойником с большой дороги.

Послав в Польшу лживые грамоты, он заманил в страну и взял под стражу часть бояр, сбежавших к вдове Иримии. И когда набралась дюжина «баранов», как называл их князь, во двор вышел хмельной палач Янку Цыган и стал точить большой нож; завидя Томшу у окна, он крикнул ему с ухмылкой: «Господарь, много у тебя жирных, откормленных баранов. Не повелишь ли зарезать их?» И вскоре сбылись слова палача, ибо косящему глазу Томши приятен был вид крови.

Наезжая в Яссы, капитан Тудор видел, что бояре ропщут. Да и Бырновэ подтверждал, что у Томши остается все меньше верных людей.

Гонцы мчались от усадьбы к усадьбе, сзывая знатных бояр на тайные сборища в Бырладе, Фокшанах или Сучаве. А иные бояре бежали за рубеж и слезно умоляли вдову Иримии Мовилэ о помощи и заступничестве.

В начале весны 1614 года, едва лишь зазеленели деревья, как в Шоймэрешты прискакал гонец из Ясс.

Был воскресный день, и Тудор с рэзешами стояли обедню. Когда они

вышли на кладбище и стали зажигать лампады на могилах усопших, к капитану торопливо подошел Лие.

— Господин, — сказал он, — боярин Симеон примчался из стольного города. До того устал — с ног валится.

— Что? Что случилось? — спросил в тревоге Тудор.

Но Лие ничего не знал. Капитан оглянулся: никто не обращал на них внимания. Тогда он незаметно отступил к воротам и поспешил к дому. У коновязи во дворе он увидел двух коней, белых от пены, измученных скачкой, а рядом с ними Испаса, слугу Бырновэ.

— Что случилось, Испас? — торопливо спросил Шоймару.

— Ничего, — ответил тот, сгребая рукой пену с конских морд. — Мы мчались как на крыльях. Я думал — загоним лошадей, но ничего, отошли, — рассмеялся он.

Шоймару кинулся к крыльцу. В сенях его встретил Бырновэ. Друзья обнялись, затем молча вошли в горницу, убранную коврами и вышитыми полотенцами. Там они повернулись друг к другу, и Шоймару, схватив боярина за руку, спросил:

— Что случилось? Княгиня Мовилэ пожаловала с поляками?

— Пока еще нет, — ответил Бырновэ.

— Значит, бояре подняли головы?

— Вот именно!

Шоймару усадил друга на диван, покрытый мягким шерстяным тюфяком, и крикнул, чтоб Лие достал вина из погреба. Затем, улыбаясь гостю, молча подождал, пока слуга накрывал на стол и ставил около кувшина большие зеленые стаканы.

— Не забудь угостить Испаса, — смеясь, напомнил он. Потом, когда Лие вышел, налил вино в стаканы и добавил: — Ну вот, теперь мы одни. Выпей, освежись и рассказывай.

— А что рассказывать? — возразил мудрый Симеон. — Все, что нужно было, я уже сказал. Дай мне отдышаться и порадоваться, что вижу тебя. Ох, — продолжал он со вздохом, — мало на этом свете людей, на которых можно положиться. По-моему, у человека должны быть три друга. Один может погибнуть. Другого могут увлечь любовные чары. Но третий все равно останется. Вот я и успокоился, прискакав сюда, ты — истинный друг.

— Что с тобой, брат мой? — удивленно спросил Шоймару. — Уж не пошел ли и ты против Томши, не скрываешься ли от его гнева?

— Нет. Князь, конечно, человек крутой и переменчивый, но сделал много добра и не оставлял меня своею милостью. И земли выделил, и подарками задарил... И как только с севера подул недобрый ветер — бояре там сговорились с княгиней Мовилэ, — посмотрел я вокруг и не нашел ни одного верного сердца: тогда я и прискакал к тебе.

— Как? Неужели господарь так одинок?

— Пока нет. Но скоро будет. А на смердов надежда плохая.

— Из-за этого ты и прискакал?

— Вот именно.

Шоймару задумался. Затем порывисто встал и обнял гостя.

— Ты правильно поступил, брат мой, — решительно проговорил он.

Они пили вино, и Симеон подробно рассказывал о том, что случилось.

— Мы еще на рождество узнали, что бояре сговариваются. Но господарь смеялся: ему, мол, нечего опасаться. Молдавская знать до того напугана — на стадо ягнят похожа стала. «Они у меня смирные», — говорил он. Я ему напомнил умные слова, услышанные мной еще от отца: боярство ни смирным, ни спокойным не бывает. И действительно, позавчера армаш Никорицэ сообщил нам, что бояре держат тайный совет и сговариваются низложить князя.

— Никорицэ? А он откуда знает?

— Гм. Армаш притворился, будто держит их сторону. Никорицэ — хитрая лиса, он хочет выиграть при любом исходе — все равно, возьмет ли верх господарь или бояре. Только зря он старается: подумал бы, так понял, что стоит как раз в том месте, где горы сходятся вершинами.

— Ну и что же дальше?

— А то, что князь, узнав об этом, удивился, а потом пришел в ярость. Закричал, стал бить себя кулаком в грудь — все не мог поверить, что и ближайшие советники, которых он осыпал дарами, хотят низложить его и погубить. Ведь среди восставших логофэт Бéлдиман и гетман Стýрдза, люди, которых Томша считал самыми верными своими слугами. И он тут же призвал меня и заставил поклясться в верности на святом Евангелии. Тут я ему и сказал: «Господарь, в Молдавии есть два человека, на которых ты можешь положиться: я и капитан Тудор Шоймару, хозяин оргеевских земель. . .»

— Что же ответил князь?

— Князь обнял меня и поверил — он сразу чувствует, когда говорят от сердца. И тут же приказал мне собрать пехоту и дворцовую стражу и изловить ясских бояр. Да спохватились мы поздно: они успели сбежать. Никорицэ узнал, что теперь они съехались в Хырлэу к хранителю казны Бóулу и, дожидаясь других бояр и мелкопоместных дворян, сколачивают войско. . . По дороге сюда я слышал, что они переманили на свою сторону и капитанов князя Михая. По моим расчетам, они соберутся с силами не раньше, чем через неделю. Потому, с ведома князя, я тайно помчался к тебе. . . Надо подумать, как быть.

— А наемники не изменят князю? — спросил Тудор.

— Пока нет, — ответил Бырновэ. — У князя есть деньги, да и одеты они неплохо. Князь всегда благоволил к ним, и они считают его добрым

воином. Когда я отправился сюда, — закончил Бырновэ, — князь рассылал по городам и селам глашатаев — набирать в войско за хорошее жалованье торговцев и простолюдинов...

Тудор не дал ему договорить.

— Я вижу, надо действовать не мешкая.

— Мне бы только немного поспать.

— Поспи. А я пока поговорю с дедом Миху и велю бу́чумом [1] созвать людей. Завтра на заре поведем в Яссы нашу оргеевскую конницу...

И как бы в ответ на его слова, за окном появилась какая-то тень, и густой голос старика Миху позвал Лие.

Старик вошел в горницу, поклонился и поздравил Бырновэ с прибытием.

— Рады тебе, дорогому гостю, как родному брату, — проговорил он. — Но отчего же конь весь в пене?

Друзья переглянулись, дивясь зоркости старика. Шоймару тут же рассказал дяде про боярский бунт.

— Вот оно что! — проговорил старик, задумчиво жуя длинный ус. — Знатные бунтуют против своего господаря? — И, подняв на племянника свои пронзительные глаза, спросил: — Что же ты решил, сынок?

— Поднять наши села и оповестить бучумом других оргеевских рэзешей. Князь Томша для нас что отец родной...

— Верно, — кивнул старик. — Позовешь — они непременно съедутся. А я пойду скажу нашим.

Симеон удивился непривычной кроткости старика. Или ему это только показалось? А может, старик понял, что пришло время ему отойти в сторону: Шоймару сердцем прирос к земле, в которой спал вечным сном его отец Ионашку.

Вскоре раздался звон церковного колокола. И когда полчаса спустя друзья вышли на улицу, они увидели скакавших отовсюду конников. Зловеще звучал набат, и люди, спеша к церкви, вопросительно поглядывали друг на друга: они хорошо знали, что означал этот звон.

Шоймару, опоясанный саблей, стал перед царскими вратами рядом с Бырновэ и не спеша поведал людям, что делается в Яссах.

— Князь Томша, который рассудил нас по справедливости и вернул нам исконную вотчину, — крикнул он под конец, — теперь в опасности! Соберем же отряды верных рэзешей и воздадим изменникам по заслугам!

Бырновэ давно знал, что Шоймару надежный, крепкий воин, но теперь в нем появилось — он чувствовал это — что-то от непримиримого упорства деда Миху: голос его звучал грозно, глаза холодно сверкали.

---

[1] Бу́чум — длинная пастушья труба из липовой коры.

«Ничего удивительного, — подумал с улыбкой боярин, — он живет среди своих родичей, неистовых и мятежных рэзешей...»

Люди, одобрительно кивая головами, перешептывались. Один спросил:

— Когда выступаем?

Шоймару поднял руку.

— Братья, — крикнул он, — князь Томша благоволит простому люду! Горе нам, если рухнет его власть и в Молдавию нагрянет вдова Иримии со своими боярами и паном Строе Орхеяну в придачу. Дети в утробе матерей и те зарыдают. Уж лучше рыть себе заранее могилы...

— Едем! Едем! — гневно закричали рэзеши, поднимая кверху шапки. — Веди нас на Яссы!

— Тогда берите копья и сабли! Седлайте коней и приторочьте к луке припасов на неделю. А я пошлю гонцов в другие села. Пусть знают все: если падет князь Томша, несдобровать и нам. Оргеевская и сорокская земли должны вступиться за него. Зажигайте маячные огни, оповещайте жителей края!

Взбудораженные рэзеши торопливо вышли на улицу. Воины спешили за оружием. А в сумерках на высоких холмах загорелись маячные огни, а старый Миху и другие старики поскакали по селам собирать новые отряды, чтобы послать их вслед за Тудором в стольный город.

Глава двадцать шестая

ЧТО МОЖЕТ СКАЗАТЬ БЕСХИТРОСТНАЯ ДЕВУШКА

Бырновэ, измученный дорогой, упал на кровать и уснул мертвым сном. Тудор Шоймару вышел во двор и, осмотрев коня, велел Лие наточить саблю и кинжал и проверить ремни. Затем он вышел в сад — посмотреть напоследок, как тянутся к небу освещенные закатным солнцем молодые деревца: одному богу известно, увидит ли он их еще когда-нибудь...

Стоял теплый день начала апреля, и жаворонки с пением взмывали в ясное небо. Лишь на западе, где еще рдели отсветы заката, сгущались тучи.

Некоторое время Шоймару стоял, любуясь всем этим великолепием. Он вспоминал, что говорил ему Бырновэ, и в душу закрадывалась тревога, не запоздает ли его помощь. Он ясно сознавал, что от прочности власти Томши, от его окончательной победы над боярами и Мовилэ зависит его покой и благополучие всего рода Шоймару, за которое сложил го-

лову отец, столько раз являвшийся ему во сне в каком-то кровавом мареве.

В деревне слышались голоса и конское ржание. На холме Брани́ште горел маячный огонь — в сумерках он походил на мерцающую звезду.

Капитан направился к дому. Но на самом пороге перед ним вдруг возникла Аница, дочь Савина.

— Я искала тебя, ба́де [1], — сказала она, часто дыша. — Вошла в горницу, а там спит ясский боярин. В другой комнате — никого.

— Что же ты хотела мне сказать, Аница? — спросил Тудор, избегая ее взгляда. — Я был в саду.

— Я так и думала. Ничего я не хотела сказать. Принесла тебе еду в дорогу — хлеб и брынзу. Мы сегодня пекли хлеб. Заходил к нам дед Миху, сказал, что ты поведешь конные отряды в Яссы против изменников — бояр, а потом увидел свежие ковриги и велел позаботиться о тебе. Я и принесла сколько надо: Лие найдет все в сумках — я их оставила под столом. . .

Она говорила, слегка склонив голову набок и с какой-то робостью, поглядывая на капитана.

— Хорошо, — ответил Тудор, пристально глядя на нее. — Спасибо Аница. . .

— А как же, — объяснила она, — ты ведь один, за тобой некому глядеть. . .

Она собралась было уйти. Шоймару остановил ее:

— Может, зайдешь?

— Я думала, помешаю, — мягко проговорила девушка. — У тебя столько дел. . .

— Мы едем только на заре, — сказал он. — И потом, надо же тебя поцеловать за твою заботу. . .

Он рассмеялся. Девушка побледнела, но в сгустившихся сумерках Тудор ничего не заметил.

Они вошли в комнату, и Аница сказала тихо:

— Что ж, поцелуй, баде. . .

Он обнял ее за плечи и коснулся губами пушистых ресниц.

Девушка вздохнула и опустилась на табуретку около печки. Тудор сел поодаль, ближе к окну.

— Еда вот там, — сказала она, показывая под стол. И тихо добавила: — А долго ли воевать собираешься?

— Этого никто не знает, — ответил воин. — Могу вернуться через неделю, а могу вовсе не вернуться. . .

Девушка горестно вздохнула.

— Тебе не жалко уезжать? — спросила она снова.

[1] Баде — обращение к старшим.

— Отчего же? — удивился он. — Мой долг велит мне ехать.

— Это верно. Князь Штефан рассудил нас по справедливости. Так объяснил мне дед Миху.

— А тебе жаль, что я еду? — спросил он с улыбкой.

— Конечно, жаль, — чуть слышно сказала Аница. — Но что я могу? Тебе надо ехать...

Шоймару давно знал о любви девушки, но мало ли о чем мечтает простодушное дитя! В его представлении она была еще несмышленышем-птенцом, который только-только расправляет крылышки в первом полете.

— Баде Тудор, — донесся из темноты голос Аницы, — а верно ли говорят, что до того, как приехать сюда, ты побывал в далеких краях?

— Верно.

— Я слыхала, там есть большие-пребольшие крепости, и охраняют их ратники, одетые в железо...

— И это верно.

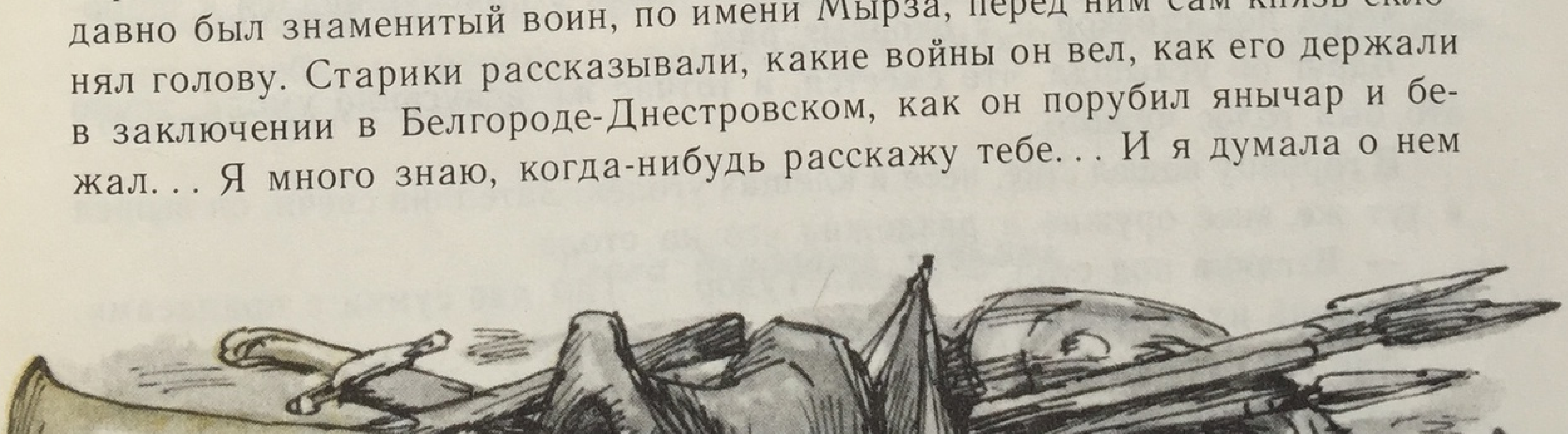
— И ты дошел до края земли?

— Был я в землях итальянцев и французов, там у бескрайнего моря кончается земля. . .

— Далеко же тебя занесло, — удивилась девушка. — Я еще в детстве послышала про одного нашего родича, что скитался по свету и всюду побывал, как Александр Македонский.

Шоймару расхохотался.

— А ты не смейся, — быстро проговорила девушка. — Мои бабушки много всего знают, да и я не так уж глупа. В старое время было больше порядка, наши князья били турок и татар. Говорят, в нашем роду давным-давно был знаменитый воин, по имени Мы́рза, перед ним сам князь склонял голову. Старики рассказывали, какие войны он вел, как его держали в заключении в Белгороде-Днестровском, как он порубил янычар и бежал. . . Я много знаю, когда-нибудь расскажу тебе. . . И я думала о нем



и представляла тебя таким же, раз ты побывал у стольких королей, видел весь свет и бился в сотне сражений... Я слышала, будто ты бился в сотне сражений, верно?

— Верно, — кивнул, улыбаясь, Тудор.

— Оттого ты был такой хмурый и злой?..

— Я? Тебе показалось. Я не был злой.

— Был. Ты меня считаешь глупой девчонкой, а я все замечаю. И знаю, что хмурился ты не потому, что много сражался...

— А почему же?

— А потому, что ты полюбил красивую девушку...

Тудор хотел было рассмеяться, но что-то в ответе Аницы насторожило его: она говорила как будто спокойно, но ему чудились в ее голосе слезы...

— Неправда! — сказал он. — Кто тебе наговорил эти глупости?

— Никто. Я сама поняла...

В комнате было совсем темно, лишь глаза девушки сверкали в густой тени. Тудор был в каком-то недоумении, потом встал и шагнул к ней.

— Так я пойду, — проговорила Аница и тоже встала.

Но она стояла, будто ждала чего-то.

На душе у Шоймару потеплело.

— Подойди, за такую заботу я еще раз поцелую твои глаза, — сказал он.

— Хорошо, — ответила она. — Чтобы ты помнил обо мне в дальних своих дорогах...

И прижалась к нему. Но подставила не глаза, а губы. Короткий и жаркий ее поцелуй обжег его в темноте. Воин очнулся один в горнице и рассмеялся: девушка неслышно, точно змея, скользнула в сени.

Долго стоял он в задумчивости, а в комнате между тем все более сгущались сумерки. Капитан стал ходить взад и вперед — от дверей до окна, выходившего в сад. Порой он останавливался и прислушивался к шороху ветра под стрехой и у оконных рам.

Вдруг он услышал, что смеется, и тотчас же испуганно умолк, точно это был голос чужого.

В горницу вошел Лие, неся в клещах уголек. Затеплив свечи, он вышел и тут же внес оружие и разложил его на столе.

— Взгляни под стол, — сказал Тудор. — Там две сумки с припасами. Приторочь их к своему седлу...

Лие достал сумки и удивился их тяжести.

— Должно быть, тут что-нибудь вкусное, — ухмыльнулся он. — Кто принес?

— А ты разве не видел?

— Нет. Я точил кинжал и саблю... Только что кончил...

— Это дед Миху прислал, — спокойно объяснил капитан.

Лие вскоре ушел, но Тудору не хотелось спать, он вышел на крыльцо. Далеко со стороны Днестра раздавались мягкие и печальные переливы бучума, а маячный огонь на холме Браниште тревожно мерцал, то разгораясь, то угасая, и от этого казалось, что огонь то приближается, то удаляется. Временами порывы ветра заглушали звуки бучума, но и тогда они продолжали звучать в душе капитана, потом ветер утихал, и они снова доносились откуда-то издали.

Было уже поздно, когда он забылся тяжелым сном. Но скоро до его плеча дотронулась рука, и он услышал голос Лие.

— Господин, вставай, — говорил он. — У ворот собираются всадники.

Тудор плеснул в лицо холодной водой и, взбодренный порывами предрассветного ветра, обнял деда Миху, потом оглянулся, словно искал кого-то.

— Что смотришь? — спросил дед. — Все тут. А остальные ждут около Мурджен. Когда станет светло, проверишь их по списку. А потом еще выйдут навстречу из Рóшии, Нагыцéн, Вáля-лýнгэ и других мест. Некоторые обещали нагнать тебя в пути... По моим расчетам, ты приведешь на помощь князю Штефану две тысячи всадников.

— Князь всем выдаст жалованье из своей казны, — обещал Бырновэ.

— Я тоже так говорил и велел передавать весть из уст в уста. Так легче поднять деревни.

Шоймару крикнул:

— Тихо!

И гомон улегся. Он скинул шапку и перекрестился. Затем, пришпорив коня, выехал вперед — за ним с глухим шумом двинулась конница.

Когда они поравнялись с большой поляной, откуда были видны река и села на ее берегах, солнце стояло уже высоко в небе. Бырновэ вспомнил вслух тот день, когда они проезжали тут с Кантемир-беем и со всеми остальными, направляясь в Шоймэрешты. Для него это было приятное воспоминание. Но Тудор Шоймару вонзил шпоры в бока своего каракового жеребца и проскакал дальше, молча глядя перед собой, словно и не слышал слов Симеона.

Глава двадцать седьмая

ТРЕВОГИ КНЯЗЯ ТОМШИ

Восставшие бояре выехали из Хырлэу, где собирали и вооружали конную и пешую рать; подойдя поближе к Яссам, остановились в Кукутенах. Став лагерем над рекой Бахлуй, они прислали гонца к Штефану

Томше: пусть, мол, не мешкая, откажется от престола и уезжает из страны, потому что боярам не угодно более видеть его князем.

Надменный мазыл из знатного рода Сергие Мургуле́ц подъехал к самой городской окраине и несколько раз повторил эти слова страже. По нему палили из пищалей, но он бесстрашно продолжал выкрикивать боярский наказ и даже дерзко обругал князя бранными словами.

В понедельник, на пятый день отсутствия Бырновэ, князь Томша спустился в думную палату и велел позвать армаша Никорицэ.

Капитан Пе́тря Армэше́л, невысокий, но удивительно широкоплечий человек, вошел к господарю и сказал, что армаша нет нигде.

— Это еще что такое? — возмутился Томша. — Как это нет, когда он мне нужен? Дома его искали?

— Господа́рь, — торопливо ответил Армэшел, — я только что от него. Нет его дома.

— Как так? Где же он? Может, решил разведать боярское войско. Жену его ты спросил?

— И жены его тоже нет, светлый князь. Дом пуст...

Господарь остановился и метнул на капитана гневный взор.

— Что ты хочешь сказать, Армэшел? — резко спросил он.

— Не гневись, князь, — смело ответил тот, — я давно к нему приглядывался, а сегодня, вижу, подозрения мои подтвердились, да еще как: армаш предал тебя и перешел на сторону бунтовщиков-бояр...

Томша застыл в грозном и страшном молчании. Косящий глаз его метал молнии. Несколько раз он громко вздохнул, словно ему не хватало воздуха, и опять заходил по комнате.

— Значит, и армаш! — глухо простонал он. — А еще вчера он ползал тут на коленях и девять раз клялся мне на Евангелии. А вы? — повернулся он к капитану. — Что думают мои дарабаны, дворцовая стража?

— Мы у тебя на службе, господарь, воевать умеем... — спокойно ответил Армэшел.

Князь долго всматривался в его лицо.

— Армэшел! Пусть все знают: кара будет невиданной! Горе изменнику.

Он скрипнул зубами. Его тонкие губы подергивались от волнения. Успокоившись, он спросил, много ли глашатаи набрали войска.

— К нам идет городской люд, господарь, — отвечал капитан, — да кое-какой сброд из боярского войска, что собралось в Кукутенах... Но их немного.

— Ага! Их люди тоже приходят... Что ж, пусть глашатаи продолжают бить в барабаны и оповещать народ!

— Господарь, они бьют в барабаны и громогласно оповещают горожан. Но нас все равно мало. А бояре собрали несметные полчища.

— Что ты говоришь, капитан? И ты струсил? — гневно вскинулся Томша. — Уж не захотелось ли и тебе к ним? Их много, говоришь? Что ж, вот прискачут отряды рэзешской конницы капитана Шоймару, тогда посмотрим.

— Шоймару приведет свою конницу? — удивленно протянул капитан. — В таком случае, господарь, ты их легко разобьешь: Шоймару — надежный воин. Говорят, сам Кантемир, знаменитый татарский вождь, дивился его доблести и побратался с ним...

— Ладно, Армэшел, — смягчился Томша, — пойди проверь дозоры и будь начеку... Вся моя надежда на вас, верных моих ратников...

Армэшел вышел, и Томша, накинув на плечи заготовленный с начала бунта истрепанный тулуп, потребовал коня и поехал проверять караулы у Сэрэрие и войска, стоявшие у колодца Пэкура́ру. Было тихо, со стороны Кукутен не виднелось ни облака пыли, ни других признаков движения неприятеля.

Но князь был встревожен. Слишком много бояр из тех, кому он больше всего доверял, отступилось от него. Он ворочался без сна в постели, выходил ночью тайком из дворца, вооруженный острой как бритва саблей и двумя пистолетами — оружием неведомым еще в этих местах и привезенным ему тайно генуэзским купцом за большие деньги. Он заходил в питейные заведения, открытые по его повелению, и прислушивался к тому, что говорили люди. В одном из кабаков до его слуха донеслась застольная речь, которая вознаградила его за все волнения того дня.

— Добрые люди! — кричал хриплым голосом охмелевший детина. — Я так скажу: на то и господарь, чтобы резать бояр. С нас какой ему прок? Его дело с родовитыми возиться... Так что многая лета господарю!

— А про армаша Никорицэ слыхали? — спросил другой. — Тоже бежал со всеми остальными. Волка как ни корми...

— Эх, будь я, братцы, на месте князя, — крикнул первый, — я бы его не казнил, нет! Я бы изувечил его, да так, чтобы он и жил долго, и всю жизнь свою маялся.

— Совет хорош, — шепнул про себя Томша и, сев на коня, поехал дальше.

Он считал, что никто его не узнает в таком жалком одеянии. Но не проехал он и двадцати шагов, как к нему приблизился капитан Армэшел и пустил коня рядом с княжеским.

— Господарь, — негромко сообщил он. — Только что мы изловили лазутчика. — Завтра они пойдут на город. Что будем делать?

— Растопчем их, как гадюк! — прошипел князь.

Тут их нагнал другой конник. Придерживая коня, он пристально всматривался в темноту, пытаясь разобрать, кто едет впереди. Томша тотчас же узнал его.

— Бырновэ! — крикнул он и осадил коня. — Само небо прислало тебя. Какие вести?

— Добрые, господарь, — шепнул боярин, наклонясь в седле. — Под холмом Рэ́педя стоит Шоймару с тысячью семьюстами конников.

— Крепкие рубаки?

— Отменные, господарь. Один лучше другого.

— Что же, капитан Армэшел, бояре вовремя собрались брать город. Им и не снится, что у нас под холмом Рэпедя хвостик запрятан — запасной полк. Мой верный Никорицэ не успел прознать про это и передать своим дружкам. Господи, великий боже! Дожить бы скорее до утра, удостоиться твоей милости! Эх, — скрипнул он зубами, — увидеть бы, как они будут извиваться у моих ног. . .

И в неистовой радости — ибо уже чувствовал, как под ним зашатался престол, — Томша повернул коня и поскакал ко дворцу. Захватив с собой отряд всадников, он направился к холму Рэпедя, где стояла конница Шоймару. При первых проблесках зари он вместе с Симеоном Бырновэ подъехал к западным воротам города, где бодрствовали полки; воины готовили к бою пушки и пищали под присмотром Армэшела.

Глава двадцать восьмая

КРОВАВЫЙ СУД

Меж тем вельможные бояре, по совету армаша Никорицэ, решили не сидеть более без дела в Кукутенах. Согнанных крестьян-ополченцев сманивали в наемное войско князя. Хотя смерды клялись на коленях, прикладывались к кресту, а священники грозили им страшными карами, они, по обычаю тех времен, легко забывали обещанное и быстро меняли господ. Впрочем, бояре поступали не лучше.

Во вторник утром, в день святого Симеона Зилота, протяжно запели бучумы, и бояре двинули свои полки. Дворяне и боярские отпрыски, предводительствуемые Бэрбо́ем Младшим, сыном ворника, вырвались вперед, звеня копьями и саблями и поднимая густую тучу пыли. За ними во главе пешего воинства, вооруженного косами и пищалями, следовали старшие: Ботоша́н, брат княгини Елизабеты, ворник Бэрбой, бояре Боуле́шты, Стурзешты, Белдиманы. Под ними были старые, спокойные кони, шедшие в ногу с пешими толпами.

Старые бояре озабоченно молчали, зато простолюдины и дворяне галдели вовсю: одни смеялись, другие возбужденно перекрикивались — всю ночь, пока шла подготовка к бою, бояре потчевали воинов для пущей

смелости котнарским вином из больших бочек на возах с тройными бычьими упряжками. И теперь люди громко похвалялись, как они будут нещадно резать, колоть и гнать, точно стадо быков, городское ополчение Томши и чужеземных наемников.

— Люди рвутся в драку, — заметил армаш Никорицэ Бэрбою Старшему.

— Что-то неспокойно у меня на душе, — ответил тот, — Томша хитер. Мы не хотим его гибели, только бы он понял, что пора и честь знать! Не можем мы долее терпеть его! Да и не справиться ему с боярством: страна без высокородных что тело без головы. . .

— Придется ему убраться — никуда не денешься! — со смехом громко, чтобы и другие расслышали, воскликнул Никорицэ.

Бэрбой Старший присматривался к коннице, которая шла впереди них, под началом его сына Никулэе́ша. На нее он возлагал все надежды: то были храбрые воины, ловкие рубаки, истинные молдаване. Погладив седую бороду, он с улыбкой оглянулся.

— Вот где наша сила! — крикнул он, протягивая к ним руку.

В десятом часу утра вдали показались окраины Ясс и идущее войско Томши. Нестройные ряды его двигались со стороны виноградников. Раздались звуки барабанов и труб, гулко ухнули три медные пушки.

Передовые боярские конные отряды, обнажив сабли и спустив сулицы, с гиканьем поскакали вперед. Но, достигнув виноградников, осадили коней — среди высоких лозин, подвязанных к кольям, не очень-то поскачешь. А княжеские наемные отряды, умело расположенные Томшей, открыли стрельбу из пищалей.

Ополченцы Томши шли напрямик по дороге под горой. Боярская конница, оставив виноградники, ринулась на них. Но густые ряды простолюдинов, тесно сомкнувшись, не расступились перед конями и ловко действовали косами и копьями.

Долина Бахлу́я наполнилась гулом: боярские отряды шли напролом, люди подбадривали друг друга: «Бей их, не жалей! Руби!»

Прошел час, но положение не менялось: стрелки по-прежнему сидели в виноградниках, а пешие отряды закрывали вход в долину. Боярская конница второй раз врезалась в ряды ополченцев Томши, стараясь рассеять их и пробиться в город.

В этой схватке малых ратей, из которых одна умышленно не двигалась с места, а другая, словно вода, ищущая слабое место в плотине, то откатывалась назад, то устремлялась вперед, внезапный удар засадной конницы Тудора Шоймару был подобен грому среди ясного неба.

Выстрелы медных пушек были условным знаком. Тудор Шоймару, укрывший свои отряды в оврагах Шорогарь, незаметно обогнул окраину и ударил в тыл боярской пехоте.

Удар был внезапен, ужас обуял боярские полки. По обычаю лесных жителей, знакомых с татарскими порядками, Тудор велел, чтобы каждый конник издавал звериный вой и разил высоко поднятыми кверху саблями и сулицами. Напуганные этими криками, свистом оружия, топотом коней, пешие воины опрокинули бояр, проскочили сквозь ряды конницы и, побросав оружие, пустились наутек по направлению к бахлуйским топям.

Пришли в движение и пехотные отряды, и стрелки в виноградниках. А за ними и ополченцы. Томши с громкими криками бросились на шеренги боярского воинства.

Тут показался князь Томша в горлатной шапке с журавлиными перьями. Он смотрел, как его ратники преследуют бегущих крестьян и загоняют их в болота, как те падают на колени и, протягивая к нему руки, молят о пощаде; смотрел, как рэзешские конники расправляются с боярами, рубят их саблями, ловят арканами. К полудню он послал одного из слуг за Янку Цыганом. Ощупав в сотый раз булаву, висевшую у луки седла, он наконец отстегнул ее и, сжав в руке, стал нетерпеливо ждать.

Битва постепенно затихала. Толпы простолюдинов, которым не удалось бежать, стояли на коленях, уткнув лицо в пыль, уповая на милость князя. Многие бояре прорубили себе путь саблями и ускакали. Некоторые старые бояре, которых Томше особенно хотелось увидеть у своих ног, тоже сумели, держась в стороне от гущи битвы, вовремя спастись.

Истомленные, покрытые пылью воины Тудора Шоймару и другие ратники Томши, обнажив головы, стали широким кругом в ожидании княжеского суда.

Сначала князь сделал то, чего в жизни никогда не делал — поцеловал в обе щеки Тудора Шоймару и Симеона Бырновэ и крикнул так, чтобы слышали все:

— Эти капитаны воистину служили мне верой и правдой!

Затем, обернувшись к своим ратникам, сказал:

— Вас, добрые мои воины, за то, что вы грудью стояли за своего князя, я вознагражу по заслугам. А сверх того, каждому выделю часть имущества беглых и продажных бояр!

Воины радостно загомонили:

— Многая лета господарю!

— А теперь, — крикнул Томша, сделав знак рукой, — приведите пойманных злодеев!

Подгоняя копьями бояр, стражники подвели их к князю. Среди них были и надменный Сергие Мургулец, и Бэрбой Младший и Бэрбой Старший, и смиренно опустивший голову до самой земли армаш Никорицэ. Все в изодранных одеждах, избитые, забрызганные кровью.

— Горе вам, мерзкие твари! — загремел князь, гневно дыша и сверля их своим налитым кровью, косящим глазом. — Вы хотели меня погубить, а теперь стоите предо мной и ждете грозного суда! Ты, старый ворник Бэрбой, за свои грехи заплатишь сегодня головой...

— Господарь, — ответил старик, поднимая к нему лицо, посиневшее от побоев, — за всю свою жизнь я не взял на душу ни единого смертного греха. Я стар. Никого не грабил, никого не погубил.

— Вот как? А разве ты не нарушил клятвы, не выступил против меня?

— Господарь, ты, как лютый волк, изводил боярскую знать, а это противно богу, ибо мы — хребет государству.

— Глупец! — рассмеялся Томша. — Знай же, ворник Бэрбой, что за твою измену тебя посадят на кол, проткнув снизу до самой макушки, и поднимут как можно выше, чтобы воронам удобнее было клевать тебя...

Старый боярин онемел и в ужасе уронил голову на грудь.

— А молодого Бэрбоя, — крикнул опять князь, — я велю повесить на воротах отчего дома — в назидание всему стольному городу!

— Отец, прости мне, если согрешил в чем перед тобой! — вскричал молодой боярин.

И старый ворник поднес с глухим стоном руку ко лбу.

А Томша, поиграв булавой, которую держал в руке, опять заговорил:

— А ты, Сергие, дурья башка из отпетого рода Мургулец, прискакал к самой городской окраине и кричал непотребные слова о своем господаре...

— А я, Томша, не боюсь ни тебя, ни твоей булавы, — надменно ответил тот.

Томша, наливаясь гневом, подался вперед и проскрежетал:

— Ко мне его!

Гордый Мургулец не сдвинулся с места. Тогда один из стражников упер ему меж плеч острие сабли и заставил сделать два шага. Князь толкнул его в грудь конем, потом размахнулся и, изливая всю накопившуюся в нем злобу, с выдохом ударил его булавой по лицу. Мургулец зашатался, тогда двое ратников схватили его за руки и держали до тех пор, пока князь не добил мазыла. Потом они бросили недвижное тело на землю и стали вытирать кровь с забрызганных лиц.

— Рубить всех бояр! — крикнул, задыхаясь, Томша. — Всех до единого! Положите их всех рядышком, чтобы я ими полюбовался!

Тут он сделал вид, что только что заметил прятавшегося за спины других армаша Никорицэ, хотя уже давно следил за ним краем глаза. Князь весело рассмеялся.

— А тебя, любезный Никорицэ, верный мой слуга, чем велишь наградить?

Армаш рухнул на землю и стал бить поклоны, касаясь острым носом дорожной пыли.

— Смилуйся, князь, не губи душу!

— Что ты, Никорицэ, я и не собираюсь губить твою душу! — осклабился Томша. — Ты, наверное, не знаешь, какой совет дал мне нынешней ночью один смерд, поминавший тебя добрым словом...

Армаш стонал, недвижно лежа на земле.

— Этот смерд подсказал мне отдать твой чин более достойному — Армэшелу. Он полагается тому за верную службу.

— Благодарю за милость, господарь! — отозвался капитан Петря, стоявший во главе наемников, и гордо приосанился.

— А еще он сказал, — продолжал, смеясь, Томша, — что убивать тебя не следует, лучше дать возможность прожить отпущенные тебе дни...

Никорицэ недоверчиво поднял голову и с ужасом взглянул на князя, стараясь понять, какая кара ему уготована.

— Вырвите его лисьи очи и киньте псам! — коротко и страшно крикнул Томша.

Шоймару и его рэзеши, спешившись, стояли держа коней под уздцы и равнодушно взирали на эту кровавую расправу.

Глава двадцать девятая

СГОВОР В СТАНЕ ВДОВЫ ИРИМИИ

Весть о казни Ботошана, деверя усопшего князя Иримии, и гибели многих знатных бояр вызвала шум и переполох и в самой Молдавии и особенно за ее пределами, в польской земле, где княгиня Елизабета, ее сын и дочери вот уже третий год дожидались своего часа. Вдова Иримии тут же направила орошенные слезами грамоты к друзьям, родичам и мужьям ее дочерей — Регины и Анны, знатным и влиятельным князьям Михаилу Вишневецкому и Максимилиану Пжеребскому с просьбой поведать королю Сигизмунду о ее великих горестях: один сын погиб, другой в изгнании, а власть в Молдавии в руках тирана, посаженного на престол басурманами. «Вся Молдавия стонет, льет слезы... — отписывала она, — и зовет своего истинного господаря, ибо не в силах более терпеть грабежи, несправедливости и кроволитие. Бояре бегут, земля пустеет». И не пристало благородным и великодушным панам оставлять ее, княжескую вдову, без поддержки. Пусть они сжалятся над ней и над Молдавией, которая умоляет их о помощи...

Как-то на одном из пышных боярских собраний в ее львовском двор-

це, после душераздирающего рассказа беглых бояр, поднял свой голос боярин Строе Орхеяну. Он говорил, что настал решающий час, медлить долее нельзя ни минуты.

— Честные бояре, припавшие к стопам нашей государыни, — горячо доказывал он, — Васка́н Фурту́нэ, и На́ста, и Але́кса Ху́лпе — все в один голос твердят, что терпение земли нашей истощилось... Томша неистовствует: чинит суд и расправу. Забирает нажитые нами богатства, позорит нашу благословенную Молдавию...

Княгиня Елизабета взволнованно смотрела по сторонам. Она только что получила от пана Корибута письмо с добрыми вестями. Он уведомлял ее, что король выказал безграничное сочувствие ее слезным молениям, но что Речь Посполита не может нарушить мир: турок нагл и силен. «И все же, — тайно сообщал Корибут, — король дал понять, что закроет глаза, если ее зятья сочтут нужным дать ей в помощь войска. Лишь бы небо благоприятствовало нам и подарило удачу...» — заканчивал пан Владимир.

— Паны бояре, — проговорила княгиня властным и звонким голосом, — и наше долготерпение истощилось. Сердце не в силах долее выносить горести родной земли. Мы решились. Сегодня ждем прибытия нашего зятя Михаила и храброго магната Самоила Корецкого, который, волею неба, скоро обвенчается с нашей дочерью Екатериной... Мы с ними обо всем договоримся и в скором времени двинем войско...

Сообщив эту и другие новости, княгиня начала расспрашивать молдавских беглецов. А пан Строе между тем, воинственно выпятив живот, переходил от одного знатного боярина к другому под руку со своим зятем, богатым шляхтичем Антоном Лу́дно. Конечно, пан Лудно был уже не молод, голова его облысела, борода поседела, зато поместья его простирались на целые уезды. Так как белокурый молодой шляхтич пан Минский успел куда-то исчезнуть, достойный боярин тут же нашел дочери другого жениха, который мог одеть в золото и драгоценные каменья его любимую наследницу.

— Это куда более разумный человек, — шептал он боярам. — Таким зятем можно гордиться. Ведь он своим богатствам счет потерял. Мало того что умен и крайне полезен нашему делу, он еще души не чает в моей Магде. Недавно преподнес ей карету, белоснежную упряжку и черного арапа, который сидит на запятках и открывает дверцу... Редкого ума человек, достойные паны!

Лудно и правда был известен своим умом. Да и богат он был чрезвычайно. Много путешествовал, бывал в Париже. В молодые годы прославился шумными кутежами. И вот теперь, когда все уже считали, что он давно утихомирился, вдруг влюбился, как юнец, в Магду Орхеяну, попросил ее руки у боярина Строе и женился три месяца тому назад.

— Государыня! — сказал Орхеяну, внезапно останавливаясь перед креслом Елизабеты. — Прикажи, мы не пожалеем последнего гроша, лишь бы нанять добрых воинов.

— Знаю, что ты — человек верный, пан Строе, — ответила княгиня. — Когда Александру с божьей помощью займет престол отца, мы вспомним всех, кто не щадил для нас своих сил.

— Главное, действовать без промедления, — добавил Строе. — Молдавия не может больше терпеть власти Томши.

Княгиня Елизабета ответила ему горящим взглядом и с улыбкой повернулась к другим боярам.

Антон Лудно потянул за рукав своего тестя и, отведя его в сторону, тихонько шепнул:

— Пан Строе, если Молдавия не в силах терпеть вашего Томшу, почему же она его не прогонит? Зачем же нужно, чтобы ты тратил на это свой последний грош?

И Лудно хитро улыбнулся. Он-то хорошо знал, кто возместит убытки пану Строе.

— Видишь ли, зятек, — ответил молдавский боярин, — Молдавия его ненавидит, но прогнать не может.

— Понимаю, — ответил Лудно.

— Конечно, — продолжал пан Строе, — слабым это не под силу. Мы должны помочь им. Иначе как же я смогу вернуть земли, которые Томша отнял у меня и раздал каким-то нищим рэзешам?

— Да, да, — вздохнул Лудно. — У каждого свои горести. Государыня так заботится о Молдавии, что никак не дождется, когда же наконец ее сын сядет на престол и она сможет вместо него править страной. Достойная женщина эта княгиня! Что ж, вы правы. А если и мы на этом не прогадаем, то так уж и быть — достану для вас эти самые «последние гроши».

— Что за зять у меня! — шепнул Орхеяну, подходя к молдавским боярам. — Послушный, слова поперек не скажет. Как только мы соберемся в поход, я его непременно заставлю снарядить пятьсот хорошо вооруженных воинов. . .

В залу вошли дочери княгини — Екатерина и Анна — в сопровождении Магды.

Лудно поспешил им навстречу. Следом за ними показались достославные паны Михаил Вишневецкий и Самоил Корецкий, вместе с молдавским вельможей Нистором Уреке. Все они окружили княгиню Елизабету, справляясь в изысканных выражениях о ее здоровье и вестях из Молдавии.

Княгиня горестно вздохнула.

— Горе камнем лежит на сердце, — ответила она. — Бояре, которые

спаслись бегством от Томши, только что рассказали мне, как погиб мой дорогой брат.

Екатерина и Анна сели по обе стороны княгини, а Михаил Вишневецкий сказал:

— Государыня, я давно знаю, о чем ты печалишься; что ж, настало время навести порядок в Молдавии и вернуть престол законному ее князю Александру. Кто же поможет тебе, как не мы?

— Святая правда! — вскричал пан Корецкий, не отрывая влюбленного взора от прекрасной Екатерины. — Мы вольны над нашими землями и холопами, и какое нам дело до того, что думает или что скажет король! Во-первых, он не поляк, и выбрали мы его лишь затем, чтобы он охранял наши привилегии. Чего ждать от монарха, который так боится турок? В Варшаве они только и знают, что пировать. Ксендзы и те пляшут на маскарадах от радости, что ее величество королева изволила подарить Польше наследника...

Лудно, стоявший в стороне, рассмеялся и сказал то ли шутя, то ли всерьез:

— Мне понравились ваши слова, вельможный пан. Король никогда не должен посягать на нашу свободу. Недаром наши славные предки столько воевали с польскими королями!

Молдавских бояр не очень удивила дерзость Корецкого: они привыкли осуждать, а при случае и бранить своих князей...

— У его величества, — проговорила Елизабета, — свои причины желать мира[1]. Не мне обсуждать их. Но я знаю, что в своей великой доброте король обрадуется, если нам удастся вернуть наши владения...

Вдова Иримии благосклонно и лукаво улыбнулась пану Самоилу, потом спросила, что он намерен предпринять. Молодой шляхтич рассказал, что он договорился с Вишневецким вооружить холопов и призвать на жалованье казацкое войско. Мудрый Нистор Уреке, советник покойного князя Иримии, искусный политик и непременный участник всех событий, которые происходили в те времена в Молдавии, тоже вмешался в разговор, вставляя короткие замечания и показывая письма от мелкопоместных дворян и даже от бояр, которые еще держались при князе Томше, хотя ежечасно ждали немилости и дрожали за свою жизнь. Он говорил, как важны и эти вести от бояр, оставшихся в стране, для их справедливого дела.

— Эти бояре и дворяне будут топорищем того топора, которым мы подрубим дерево под самый корень! — многозначительно закончил он.

---

[1] Отказ Сигизмунда III, одного из самых агрессивных королей Польши, вступить в войну объяснялся отнюдь не его миролюбием, а поражением в войне с Россией. (*Прим. ред.*)

Он был опытным и умным придворным, надменная княгиня, мечтавшая о власти в Молдавии для себя, а не для сына, шага не делала без его совета. Орхеяну, болтливый, как весенний ручеек, часто намекал, будто она неравнодушна к Нистору. Хотя тут же добавлял, что эти слухи вряд ли правдивы: княгиня расточает Уреке улыбки и милости лишь потому, что знает цену его советам и связям с родовитыми боярами Молдавии — он один стоит целого войска.

Низложение Томши и новый поход в пределы несчастной Молдавии обсуждались в богато убранной зале, украшенной на европейский лад. И молдавские бояре — те, которые до этого не бывали в блестящей Польше, — теперь во все глаза смотрели на золото и драгоценные камни, украшавшие платья дам и вельмож. Изысканные выражения, которыми эти аристократы обменивались так непринужденно, казались им изящными безделушками, частицей той роскоши, что окружала их. Ведь они только что приехали из дикой глуши, и даже стольные Яссы были всего-навсего жалким скоплением халуп и лачуг. «Неужели княгиня, которая так богата, со всеми ее друзьями и родственниками и с сильным польским войском, не победит кровавого Томшу?» — шептались они, делясь впечатлениями и слушая то Корецкого, то Уреке. Неожиданно к ним тихо подошла дочь боярина Орхеяну и опустилась на стул. Она была в платье из тяжелого вишневого бархата, вокруг ее шеи, словно ручеек, струилось жемчужное ожерелье... Приезжие бояре расступились, будто желая освободить ей место, и многозначительно переглянулись: у них на родине женщины не присутствовали на мужских советах. Но пленительная дочь пана Строе подошла к ним неспроста.

— Не прогневайтесь, паны бояре, — нежно проговорила она, — но мне захотелось узнать, давно ли вы из Молдавии...

Бояре заулыбались. По ее лицу и богатой одежде они приняли ее за польку.

— Вы подумали, что я чужестранка? — спросила она и ласково рассмеялась. — Я дочь боярина Орхеяну и замужем за польским магнатом Антоном Лудно. Так когда же вы приехали?

— Во Львов мы прибыли вчера вечером, госпожа, — ответил боярин Васкан Фуртунэ.

— Я слышала, вы были с теми боярами, что пошли против Томши?

— Да, и попали в великую беду, да вот, слава богу, спаслись.

— Разве у Томши такое большое войско? Мне говорили, что князю крепко помогли оргеевские рэзеши...

— Так и было. Они поспешили к нему на помощь со своим капитаном Тудором Шоймару.

— Да, да, — задумчиво промолвила Магда. — Я что-то слышала о нем.

— Как не слыхать! — кивнул Васкан. — Не будь его, мы бы одолели Томшу.

Магда еще о чем-то спросила бояр, потом снова заговорила об оргеевцах. Но бояре больше ничего не знали, они не видели грозного рэзешского вождя. Тогда она умолкла и задумалась. Пан Антон Лудно, заметив, что его супруга печально уронила голову, торопливо подошел к ней и поклонился.

— О чем ты грустишь, душа моя? — осведомился он вкрадчиво.

Магда взглянула на него, словно не узнавая, но потом увидела знакомую лысину, усталые глаза и невольно отстранилась. Лудно повторил свой вопрос, и она, сделав над собой усилие, встала, оперлась на руку мужа и, повернув к нему голову, спросила:

— Скажи, дорогой, ведь ты поможешь нашей княгине, мы поедем в Молдавию, правда?

— Если тебе угодно, душа моя, разумеется! — галантно ответил Лудно. — Поедем, хоть в столицу самого султана!

Она грустно вздохнула. И мысли опять унесли ее далеко-далеко отсюда.

Глава тридцатая

СТАРЫЕ ДРУЗЬЯ ВСТРЕЧАЮТСЯ ВНОВЬ

Уже больше года приходили к Томше вести с польской границы о том, что вдова князя Мовилэ с сыновьями и зятьями собирает войско. Князь не раз посылал гонцов к своим покровителям в Стамбул, сообщал, что на рубежах турецких владений опять неспокойно. Но султан вел праздную жизнь, развлекаясь в серале, строил прекрасные мечети и фонтаны в своей столице, а советники этого мягкого правителя не придавали большого значения мелким неурядицам в далекой молдавской провинции. Тогда Томша послал гонцов умолять о помощи буджакского бея Кантемира. Но его люди опять вернулись ни с чем.

— Что же делать? — спросил князь Симеона Бырновэ, своего ближайшего советника. — Эти язычники ненасытны: каждый год из Белгорода, куда мы отвозим дань, прибывают гонцы и напоминают о правах великого султана. А когда мы в беде, когда польское войско готовится тайно напасть на нас, они не желают ничего видеть и слышать. . .

Они сидели вдвоем в думной палате, а на просторном дворе между тем муштровали ратников, нанятых в Венгерском королевстве, и до их ушей долетали протяжные звонкие команды.

— Я делаю все, что могу, — снова заговорил князь, — трачу большие

деньги на жалованье наемникам, кормлю их, но кто знает, какая буря обрушится на нас завтра? Можно ли положиться на этих наемников? В старое время, когда войско было свое, местное, — совсем было другое дело. Разве эти чужаки, хоть я и нарядил их в новые зеленые кафтаны с позументами и в шапки с посеребренными перьями получше чем у польских гайдуков, — разве они захотят сложить за меня голову?

— Понадобится, так поднимем народ, господарь, — ответил Бырновэ, стараясь как-нибудь утешить князя.

— Как его поднять? Да разве крестьяне пойдут воевать в разгар лета? Конечно, если понадобится, созовем их, да много ли их явится? Не верю я и уездным старостам! Все злодеи, все готовы продать меня. Сколько голов я снес, а все напрасно. Бояре никогда не любили князей, а отрезанные головы тут же отрастают, как в сказке.

Бырновэ задумался.

— Стало быть, на турка надежды нет, — сказал он после недолгого молчания. — А янычар в приморских крепостях мало, они не спасут. Выходит, вся надежда на Кантемира.

— Кантемир без приказа султана не сдвинется с места.

— А по-моему, — возразил боярин, — он придет. Просьба Шоймару для него важнее повеления султана. Меня, господарь, Шоймару и бея связывает давняя дружба. А полки рэзешей да татарские отряды — надежная сила.

Князь печально покачал головой и глухо проговорил:

— Проклята молдавская земля, боярин Симеон. Здесь верность — редкий цветок, не помогут ни милости князя, ни его угрозы. Иногда так и хочется все бросить, уехать куда глаза глядят и забыть обратную дорогу. Вот увидишь — все от меня отрекутся. А теперь, боярин Симеон, — закончил со вздохом князь, — созови бояр — пора заняться делами.

Бырновэ вышел во двор, где обучали наемников, разослал гонцов к боярам и сказал ожидавшим у ворот, что скоро начнется разбор жалоб. Потом по крытым переходам он прошел к себе, с улыбкой вспоминая страхи Томши.

— Он и во мне не уверен, — пробормотал он, — вот плоды кровавой расправы. . .

Неделю спустя Тудор Шоймару получил длинное письмо, в котором Бырновэ писал ему о новостях из Польши и о равнодушии турок. «По моему совету князь просит тебя, — сообщал он, — поехать к ногайцам и упросить Кантемира помочь в случае необходимости. Поезжай. Бей — наш побратим и не откажет тебе. . .»

Держа в руке серый лист со сломанными печатями, капитан прочитал письмо деду Миху. Тот хмуро слушал, уронив голову на грудь. Кроме них,

в доме никого не было. Тудор прочитал последние слова — о братстве и вечной дружбе и взглянул на старика.

— Что скажешь, дед?

— Надо ехать, — ответил тот.

— Знаю. Поеду, конечно. Но я о другом спрашиваю: как же вырвать с корнем эту сорную траву, что растет за польской границей? Только вздохнула Молдавия спокойно — вдова Иримии опять мутит воду. Опять нагрянут сюда поляки и казацкое войско. Ни мира, ни покоя. А если княгиня свергнет Томшу, боярин Орхеяну втопчет нас в землю.

Шоймару встал.

— Что ты собираешься делать? — спросил дед, посмотрев на него.

— Пойду взнуздаю коня. Конец лета, самое время ратных сборов.

Оставшись один, старик взял в руки письмо, прочитал его еще раз и, сокрушенно покачав головой, тяжело вздохнул.

Вскоре капитан вернулся в горницу и стал доставать из сундуков одежду и снимать с деревянных крючьев на стене оружие и одежду. Разыскал он и высокие немецкие ботфорты с зубчатыми железными шпорами.

Четыре дня спустя на малую пречистую, что приходится в восьмой день октября, Тудор Шоймару нашел Кантемир-бея в городе Кэуша́нцы на Днестре. Тут на ярмарке собрался самый пестрый люд: турки, молдаване, татары, — все, кто жил в стороне Монкастра и в приморских владениях ногайцев. В этот осенний день левантийские и мальтийские купцы выставляют товары, привезенные на парусниках из дальних стран.

При виде Тудора, который, соскочив с коня, с улыбкой встал перед ним, Кантемир-бей воздел руки к небесам и кинулся обнимать его. Трижды поцеловавшись, они внимательно посмотрели друг другу в глаза — разлука длилась четыре года.

Потом бей повернулся к слугам, что-то повелительно сказал им, схватив Шоймару за руку, потянул за собой.

— Пойдем, брат мой, — сказал он, — у меня тут живет родич. Я всегда у него останавливаюсь. Отдохнешь с дороги. А завтра поедем ко мне — и у меня дом неплохой, из камня сложен.

Они шли мимо длинных рядов лавок под полотняным навесом; весь городок состоял, по татарскому обычаю, из низких мазанок — ни деревьев, ни заборов.

— Почему ты удивляешься?—рассмеялся Кантемир.—Наши села и города — временные. Сегодня мы осели тут, а завтра, глядишь, все перенесли на другое место.

— Твой народ не похож на наш, — ответил Шоймару. — Он как сыпучий песок.

— Верно! — весело подтвердил Кантемир-бей. — Зато вы — как оргеевские леса: стоите на одном месте тысячу лет...

— И еще постоим, если бог даст, — сказал со вздохом Шоймару.

Кантемир внимательно взглянул на него и направился к низкой длинной мазанке, разделенной на три части: помещение для мужчин, гарем и конюшню. Все это было под одной крышей, и, подойдя к дому, Шоймару сразу почувствовал острый запах конского навоза. Но низкая комнатка с узкими окошками была чисто прибрана, земляные лежанки, тщательно обмазанные глиной, были покрыты дорогими коврами, на них лежали шелковые подушки. Седобородый хозяин дома почтительно принял их, поклонился Тудору и, показав широким движением руки свое жилище, сказал по-татарски, что гость найдет здесь и место для отдыха, блюдо для еды, доброе слово для веселья.

— А теперь расскажи мне, брат, — начал Кантемир, усаживая Шоймару рядом с собой, — отчего ты так тяжело вздыхаешь? Тебе грозит беда? Так забудь о ней. Ты здоров и невредим; а рядом со мной никакой враг тебе не страшен.

— Я-то, слава богу, здоров, — кивнул рэзеш.

— И сердце не болит?

— Давно исцелилось, бей.

— Что же тогда стряслось?

— На Томшу опять ополчаются сторонники Мовилэ и поляки, — ответил Шоймару.

— Вот оно что! И ты приехал просить для него помощи? А я не получал никаких вестей из Стамбула. Да и князь ваш не внушает мне доверия. Не люблю я его. . .

— Вести будут, да боюсь, не было бы слишком поздно, — заметил рэзеш.

— Тебя это огорчает?

— Да, брат. Ты вот говорил про наши леса, про кодры — так я, как и они, врос корнями в родную землю. Четыре года тому назад, когда мы побратались, я был один на свете. А теперь сердце болит за своих. Как подумаю, что убийца моего отца и моих близких вновь явится и расправится с остальными, места себе не нахожу. Если можешь, бей, помоги!

— Я никогда не мог понять, — тихо сказал татарин, — ваши ссоры из-за земли, раздоры из-за какого-то сада. Божий мир так просторен. . .

— Знаю. . . тебе этого не понять, — взволнованно отвечал рэзеш. — Раньше я тоже не понимал. Но это чувство всегда было в крови, в сердце, пришел час — и оно заговорило во мне во весь голос. Раньше я не знал страха, потому что был один. А теперь боюсь, потому что сроднился с землей предков.

Сидя на мягком диване в полутемной комнате, Шоймару подробно рассказал побратиму о событиях в Молдавии и показал письмо Бырновэ.

— Ну что ж, — сказал бей, — надо собирать людей, помощь может тебе понадобиться в самом скором времени. Мы немедля отправимся по кочевьям, поднимать воинов. Заодно ты посмотришь, как наши татары запасают впрок пищу для себя, своих жен и детей...

Они выехали тем же вечером и направились в Буджакскую степь, покрытую, сколько видел глаз, сухой нескошенной травой. В сумеречном полусвете пустынный простор напоминал морскую гладь, по которой ветер гнал непрерывной чередой мелкие волны. Побратимы ехали, тихо переговариваясь и вспоминая прежние битвы, еле различимой в темноте тропой, по неведомой степной глуши. Кантемир, смеясь, вспоминал удивительные рассказы, слышанные от заморских купцов.

— Эти купцы говорят, — начал татарин, — что иногда они плывут на кораблях целых три месяца и добираются до Нового Света, открытого испанцами... Живут там неведомые племена. Реки там в десять раз шире Дуная, а леса никогда не сбрасывают листьев... А за реками и лесами, в диких скалистых горах низвергаются в каменные чаши ручьи, размывая веками песок. И есть будто там такие золотые самородки, что одному человеку и не поднять их... Купцы рассказывали, будто берут они еды на целый год и, вооружась, отправляются в те места, преодолевают реки, поджигают леса, дерутся с тамошними племенами и иногда доходят до тех мест, где золото, словно солнце, блестит за пеленой бегущих сверху вод...

— Стало быть, за морями есть и другая земля, — удивился рэзеш. — И нет земле конца-краю...

— Как знать... Иногда так и хочется туда добраться... А еще они говорят, что у французов сейчас правят сразу двое: король и некий поп. Король ходит в церковь, забавляется на пирах, а поп ведет войны...

— Кажется, приходит конец Старому Свету, — рассмеялся Шоймару. — Надо перебираться в Новый...

И пока они так разговаривали, их кони почти бесшумно продолжали свой бег. Только степь чуть слышно шумела, как вода во мраке ночи. Побратимы скакали бок о бок под яркими звездами и радовались встрече.

На другой день они достигли ногайского кочевья и тут же легли спать. Но прежде бей велел послать гонцов во все ближайшие аулы. И когда собрались татарские конники, Шоймару стал свидетелем большой осенней охоты, во время которой татары коптят впрок конину.

Все поехали к северным топям, где, как было известно, пасутся одичавшие табуны степных коней. Летняя засуха согнала их на берега Корта́льских болот.

Найдя табун, охотники окружили его широкой отловной цепью и подняли отчаянный шум, чтобы напугать животных. Сужая постепенно круг, охотники загнали диких скакунов в топь. Увязнув мощными копытами в вязком болоте, лошади остановились и, испуганно храпя, смотрели на

преследователей. Ногайцы убивали их стрелами и пиками. Вдруг вдали показался бунчук — точно гонимый ветром, летел он над гладкой равниной, быстро приближаясь к ним.

— Это мой гонец! — крикнул Кантемир, поворачивая коня к югу. — Что-то случилось.

Шоймару пристально вглядывался в даль. Какая бы ни была весть, радости она ему не сулила: либо турки велят ногайцам идти к другим рубежам, и тогда Кантемир оставит его, либо это весть из Молдавии, — значит, на Томшу двинулись враги.

У сына степей глаза были зорче. Приложив ладонь ко лбу, он всмотрелся, потом с улыбкой повернулся к побратиму.

— Наш гонец не один, — сказал он. — За ним скачут двое всадников в высоких шапках. Должно быть, тебя разыскивают...

Теперь и Шоймару начал различать островерхие шапки своих оргеевцев. Всадники стремительно приближались, словно их подгонял ветер с моря. Вскоре бунчук закачался и упал на землю, и всадники остановили взмыленных коней в пяти шагах от друзей.

Прискакавший татарин, склонившись перед Кантемиром, сказал:

— Гонцы из Молдавии...

Оргеевцы приблизились к Шоймару и сняли шапки. Один из них пояснил:

— Капитан Тудор, нас послал дед Миху, он велел найти тебя и сказать, что ляхи вступили в Молдавию у Хотина. Вдова Иримии ведет большое войско.

Тудор слушал затаив дыхание, а когда гонец кончил говорить, с глубоким вздохом повернулся к Кантемиру. А тот, коснувшись рукой его плеча, коротко бросил:

— Едем! — И тут же погнал скакуна, сзывая на ходу мурз и приказывая им собирать людей и готовить их в поход.

Глава тридцать первая

И ВЛАСТЬ НЕДОЛГОВЕЧНА, КАК ВСЕ НА ЭТОМ СВЕТЕ

Сильное войско Мовилэ вошло в Молдавию.

Томша выступил им навстречу Ясским трактом, перегородив дорогу в стольный город. На помощь к нему стремительно мчалась ведомая Тудором рэзешская конница из оргеевской и сорокской земель и татарские отряды, наспех собранные Кантемиром.

Село Шоймэрешты застыло в печали и тревоге, словно окутанное

черной мглою. Старики и женщины долго не получали никаких вестей из Верхней Молдовы и жили надеждой на милость всевышнего, который, конечно, не допустит, чтобы ими опять помыкал алчный боярин Орхеяну. Каждый день в сумерках отец Штефан служил вечерню, и люди, поникнув головой, смиренно входили в божий храм. А в погожие вечера начала осени, вернувшись с виноградников и гумен, они собирались на просторном дворе деда Миху, тихо вспоминая минувшее и ожидая вестей.

Опали с деревьев листья, пронизывающе задул северный ветер, и, словно птицы, напуганные близкой стужей, мимо промчались люди князя, спешившие к прибрежным крепостям. Из их торопливых слов нельзя было разобрать, на чьей стороне победа; одно было ясно, что в первых стычках верх одержали ляхи, а хотинский воевода предал князя и перешел на сторону врага. Томша упорно созывал ополчение, обещая большое жалованье, и под его знамена уже собралось немало крестьян. С их помощью князь надеялся нанести решающий удар и разбить неприятеля.

И вот однажды в холодную дождливую ночь промокшие до нитки, голодные и измученные долгой скачкой, в село вернулись всадники Тудора. Ряды их заметно поредели, из отрывистых слов ратников все узнали, что Томша свергнут. Надев на головы мешки, спрятав от дождя свечи в полые тыквы крестьяне вышли встречать воинов. Не было ни слез, ни воплей: женщины и старики молча приняли живых и тихо помянули тех, кто остался лежать на далеком поле битвы. Шоймару с помощью деда Миху с трудом слез с коня и прошел к себе в дом, не проронив ни слова. Лие зажег свечу и развел огонь в печи. Одной рукой Тудор расстегнул набухший от воды кунтуш и бросил его на пол, другая его рука была перевязана и прикреплена ремешками к поясу. При свете свечи лицо Тудора казалось особенно бледным.

— Рука у меня прострелена, — сказал он деду.

Старик устремил на него сверкающий взгляд. Мгновение он молчал, застыв на месте, пораженный какой-то страшной мыслью. Потом тихо проговорил, словно боялся нарушить тишину:

— Ты, верно, голоден. Сейчас пошлю Лие к Савиным.

Он вышел на цыпочках из горницы и вскоре опять вернулся.

— Рука сломана? — мягко спросил он.

— Слава богу, нет. Только рану нужно подлечить.

Оба уселись на стульях у огня.

— Дед, — сказал внезапно Тудор, пристально глядя в огонь, — одолели нас Мовилэ. Побили. Порубили и обратили в бегство. . .

Старик вздохнул. На дворе шумел дождь, бесновался ветер.

— Надо снять повязку и осмотреть рану. . . — проговорил наконец старик. — Ты скакал под дождем, продрог. Как бы она не загноилась. . .

— Нет, дед. Что рана! У меня, ведь ты знаешь, от ран есть доброе

снадобье. Давно, с первых лет ратной службы, меня научили им пользоваться, и оно всегда при мне. Я хорошо смазал им рану, крепко ее перевязал — ничего с рукой не сделается... А вот как подумаю, что будет с нами,— в глазах темнеет. Прежние решения забыты, правду сабли изрубили, и нет уж ни князя, ни суда, которые постояли бы за нас...

— Жили же мы и раньше, ждали, отстаивали свои права. Может, когда еще своего добьемся, — ответил старик, покусывая седой ус. — Ратное счастье переменчиво: Томша еще может вернуться с новым войском и одолеть врага... Или султан пришлет ему помощь...

— Все так, — с сомнением сказал Шоймару. — Только турки не привыкли торопиться. Да и вдова Мовилэ хитра, тут же пошлет дары султану и пообещает ему большую дань... А ведь султану не Томша нужен, а золото, которое он собирает в нашей земле.

— Верно, — кивнул дед, и в голосе его звучала печаль.

Кто-то взбежал на крыльцо и затопал ногами, отряхивая грязь с обувки. Рука нашарила в темноте щеколду, и в горницу в заляпанных грязью сапогах вошла Аница.

— Вот так, — со смехом сказала она. — Теперь отцу не в чем будет выйти. Я утащила у него сапоги, чтобы добраться сюда. На улице такое творится, прямо конец света!

Она бережно опустила на пол сумку и быстро скинула у дверей отцовские сапоги. Оставшись в одних чулках, девушка медленно достала из сумки горшок, сковороду, ложку и завернутый в полотенце каравай хлеба. Потом подошла ближе к Шоймару и положила все это на шесток, поближе к огню. Сложив руки на груди, она взглянула на воина и застыла, пораженная его видом. Побледнев и часто заморгав, она еле выговорила:

— Ты ранен?

Шоймару рассмеялся и успокоительно махнул здоровой рукой.

— Не пугайся, Аница, от этого не умирают...

Девушка тут же улыбнулась, но глаза ее были полны слез. Она с сомнением взглянула на деда Миху, но вдруг, набравшись храбрости, подошла к Тудору и положила голову к нему на грудь, дожидаясь поцелуя.

— С возвращением тебя, — шепнула она, закрыв глаза. — Я и в самом деле очень испугалась...

Потом она взглянула на опечаленные лица мужчин и спросила:

— Правду говорят, что князя одолели и прогнали?

— Правду, Аница. А заодно с ним и нас...

— Горе-то какое, — робко продолжала она. — Я все понимаю... Но я не буду вам мешать... Ешь, баде Тудор, и говорите, сколько хотите. Я постою тут в уголочке молча и не скажу ни слова...

Как ни опечалена была Аница недоброй вестью, в ее глазах и голосе

сквозила радость. Наконец-то вернулся с войны ее суженый, которого она каждую ночь видела во сне. Девушка тихо отступила в темный уголок и, сложив руки на груди, смотрела, как он ест мясную похлебку и домашний хлеб, а потом стала внимательно слушать рассказ Тудора о битве у оврага Тэуте́шть, поминутно поглядывая на него из-под опущенных ресниц.

— Поляки подошли на расстояние выстрела, — заговорил Шоймару. После горячей пищи голос его звучал бодрее. — От пленных мы узнали, что у них пятнадцать тысяч человек войска — много казаков, венгерской пехоты и боярских отрядов, примкнувших к ним сразу после перехода рубежа у Хотина. Да еще гусары, — вел их пан Корецкий, — храбрый воевода, как говорят...

— А разве у князя было меньше войска? — спросил дед Миху. Девушка перевела с него глаза на Шоймару.

— Нет. Нас было больше, да что толку: наших конников да татарских отрядов и наемников было немного, а от плохо вооруженного и плохо обученного ополчения корысть небольшая. К тому же с самого начала мы потеряли много людей, потому что наши, разгорячившись, полезли очертя голову в драку с поляками и казаками. Да и сам князь, понадеявшись на численность своего войска и узнав, что я прибыл с конниками Кантемира, занесся и написал Александру Мовилэ: «Убирайся отсюда, щенок, обратно к своим приятелям — ляхам и матушку свою захвати с собой, а то получишь плеткой по загривку... Молод ты еще со мной драться, молоко на губах не обсохло...» И много таких поносных слов было в этом послании. Сам знаешь, браниться Томша умеет...

Когда неприятельское войско подошло к нам близко, вперед выехали их главные военачальники — Вишневецкий и Самоил Корецкий — и, гарцуя на конях, осмотрели поле битвы, после чего приказали укрепить стан, поставив возы четырехугольником, на казацкий лад. Всю ночь они жгли костры и шумели... А на заре быстро построились, и казаки ударили по отрядам Кантемира и смяли их. Остальное польское войско стало пробиваться к нашим двадцати медным пушкам, и после первого же их натиска наши конные и пешие наемные отряды отступили к оврагу, побросали оружие и сдались в плен...

— Измена — вот погибель господарей... — с великим сокрушением заметил старый Миху.

— Верно, дед, именно так... Эти пестро выряженные чужаки с посеребренными перьями на шапках дорожат своей жизнью и жертвовать собой им не для чего. Так было и при других князьях и королях. Только мы, коренные жители, мы, привыкшие к горю и беде, мы только и рубились по-настоящему в тот тяжкий час, когда на нас пошла вражеская сила. И крикнул я тогда рэзешам такие слова, которых они вовек не забудут... И ринулись мы в бой и порубили пехоту и погнали казаков, но

тут Корецкий бросил на нас отдохнувший гусарский полк. Устоять мы уже не смогли. Наш строй рассыпался, все разбежались кто куда, потому что некому было нас поддержать ни слева, ни справа. Только подлые наемники торчали над оврагом Тэутешть... Но когда мне прострелили руку и мы стали отходить, я видел, как отблагодарили их поляки и стали одаривать за то, что они сложили оружие и сдались: налетели на них — всех посекли и столкнули в овраг...

Ох, дед, как же горек час поражения! Случалось со мной такое и раньше, но мне тогда было все равно: дрался я как наемник, за деньги, и радовался, что уберег свою жизнь. Но теперь, когда нас гнали крепкими саблями, я понимал, что все наши старания и надежды, всё, чего мы добились тут, в Шоймэрештах, пошло прахом!

Князь Томша отступал вместе с нами. До самого Васлу́йского тракта мы сражались, защищая его жизнь. Он ехал справа от меня. Лицо у него было темное, как земля, зубы стучали от бешенства; он то и дело огляды-

вался, ругая на чем свет стоит и землю и господа бога. На привале мне показалось, что ум у него повредился: он спрыгнул с коня и стал озираться с дикой ухмылкой, потом заметил, что я рядом, взглянул на меня глазами полными слез и, опустив голову, уселся на колодезный сруб да так и застыл в печали, не проронив ни слова...

Дед Миху поднял голову, прислушиваясь к шороху ветра за окном, потом сказал:

— Немало крови пролил Томша, да простятся его прегрешения. Но для рода Шоймаров он был что отец родной...

Все трое — девушка, старик и воин — замолкли, и в горнице стало тихо, как в лесной глуши! Огонек свечи отражался в их глазах. Они слушали странные осенние голоса за окном и думали о предстоящих испытаниях.

— А что же Кантемир-бей? — спросил старик.

Шоймару улыбнулся.

— Бей? Он ловко управляется со своими татарами. Его конники не приучены к долгим боям. После первой же схватки они знают, кто возьмет верх. Так что они тут же рассеялись, словно пыль. Кони у них быстрые, кажется, не скачут — летят по воздуху. А завтра, глядишь, пожалуют обратно, с большей ратью, пожгут, пограбят и еще окажутся в выигрыше... Это слова самого Кантемира, он сказал мне их в сумерках, когда нагнал нас на втором привале. Его татары, спешившись, рвали зубами конину и хлеб, переговаривались и смеялись. А наши рэзеши стояли понуро, как на похоронах. То ли у них припасов не было, то ли им есть не хотелось. В низине Ра́ковэц под семнадцатью вербами бьют семнадцать родников, наполняя чистой водой дубовые колоды. Резэши окружили их, пили и снова становились в очередь, чтобы напиться, словно внутри у них горел огонь.

Потом Кантемир и Бырновэ уселись рядом с Томшей и стали утешать князя, дивясь его отчаянию.

«Зачем так кручиниться? — спросил с улыбкой татарский бей. — Может, для того, чтобы сильнее радоваться завтра?»

Тут Тошма очнулся и взглянул на бея, будто увидел его первый раз в жизни.

«Военная удача переменчива, — продолжал Кантемир. — Тем более в Молдове. Здесь, у вас, даже ветры порядка не знают: то, глядишь, метут землю, поднимая пыльные смерчи, то летят с гор, обрушивая в долины мутные потоки воды...»

Потом уговаривать князя стал Симеон, уверяя, что скоро они соберут новые полки.

«Мы будем тревожить чужаков набегами, как делали наши воеводы в давние времена, — говорил он, — пока они не обессилят...»

«Только бы мне собрать войско! — крикнул в ответ Томша. — Я им покоя не дам, да и турок когда-нибудь должен прислать подмогу!»

Шоймару замолчал.

— Так всегда и бывает, — заметил старый Миху. — Он на турка понадеялся. А что толку? Нынче турок, завтра поляк. Приходят, топчут нашу землю. Один наводит порядок, другой его рушит. . .

— Я тоже тогда об этом подумал, — тихо ответил воин. — В дурные времена мы живем. . .

Вдруг из угла послышался голос девушки:

— Будь побольше таких, как баде Тудор, иные были бы порядки в Молдавии.

— Ты еще здесь, егоза? — спросил дед с напускной строгостью и сплюнул в угол.

— Здесь, дедушка. . . Я ждала, чтобы баде Тудор поел, а теперь постелю ему чистую простыню, взобью подушку, поправлю одеяло — пусть поспит спокойно. . . Раненая рука, наверное, болит. Да и устал он, должно быть, после стольких трудов. . .

— Хорошо, хорошо, — кивнул старик. — Это ты верно сказала. — Я сейчас уйду. А что ты собираешься делать дальше, Тудор?

— Дней десять отдохну, — ответил ратник. — Думаю, что за это время рука у меня окрепнет. Потом соберу людей и поеду искать князя. Либо в Бырла́д, либо в Гала́ц, либо в Брэйлу, смотря по обстоятельствам.

Аница ходила по горнице, наводила порядок. Прежде чем выйти, старик снова спросил о ране.

— Иди спокойно, дед, — сказал Шоймару. — Я и сам неплохой лекарь, а кроме того, в комнате за сенями спит Лие. . .

Когда Тудор и Аница остались вдвоем, девушка неслышно подошла к очагу, обняла рукой Тудора за шею и прильнула щекой к его щеке.

— Никуда я отсюда не уйду, — со слезами в голосе проговорила она. — Позволь мне остаться и сказать, как я тебя люблю. А прогонишь, буду стоять под ливнем, пока не умру. . . Я сейчас побегу домой, скажу, чтобы меня не ждали. . . Посижу у твоего изголовья, сменю тебе повязку, а захочешь пить — подам стакан воды. . . Слова не оброню, можешь даже не смотреть в мою сторону. Я сама знаю, что некрасива, но ты все же позволь. . . Я ведь чувствовала, что у тебя беда. Этой ночью ты мне приснился в черном одеянии без коня и оружия. . .

Горячая слеза капнула на лицо капитана. Он поднял здоровую руку и обнял стан девушки. Потом притянул ее к себе и поцеловал. За всю свою бурную жизнь он еще ни разу не испытывал такой нежности.

*

Глава тридцать вторая

ПЕЧАЛИ БОЯРИНА СТРОЕ

Битва, в которой князь Томша и его татарские и рэзешские полки потерпели поражение, произошла ранним утром в первый день октября.

Схватка была короткой и кровавой: конные отряды князя, разбившись на маленькие кучки, вскоре исчезли по направлению к Тэтэра́нам. На поле остались одни убитые и раненые, которых добивали саблями и сулицами. А над оврагом Тэутешть столпились наемные отряды пехоты — поляки рубили их без пощады, пока руки перестали им повиноваться.

И по сей день лемех плуга тревожит там останки погибших...

Охваченные ужасом, смерды побросали дубины, косы и топоры и, сорвав шапки, пали ниц. Польская конница с ревом кинулась рубить их, но тут по приказу Корецкого побежденных загородили, выставив вперед длинные копья, отборные отряды гусар.

— Мир! — крикнул Самоил, поднимая саблю. — Назад, негодяи! Они просят пощады, не сметь убивать их!

Он поскакал к гетману Вишневецкому. Не сходя с коней, они на радостях поцеловались и отправились поздравлять князя Александру.

Звонко запели трубы, передавая гетманский приказ, и, повинуясь ему, пехотинцы развязали возы, впрягли коней и стали готовиться к торжественному въезду в стольный город. Польские гусары сразу же поскакали в Хотин, чтобы сопроводить оттуда тяжелые кареты с княгиней Елизаветой, княжной Екатериной и другими нежными и хрупкими особами. А Вишневецкий построил войско, собрал княжескую свиту и распорядился двинуться в полдень на Яссы.

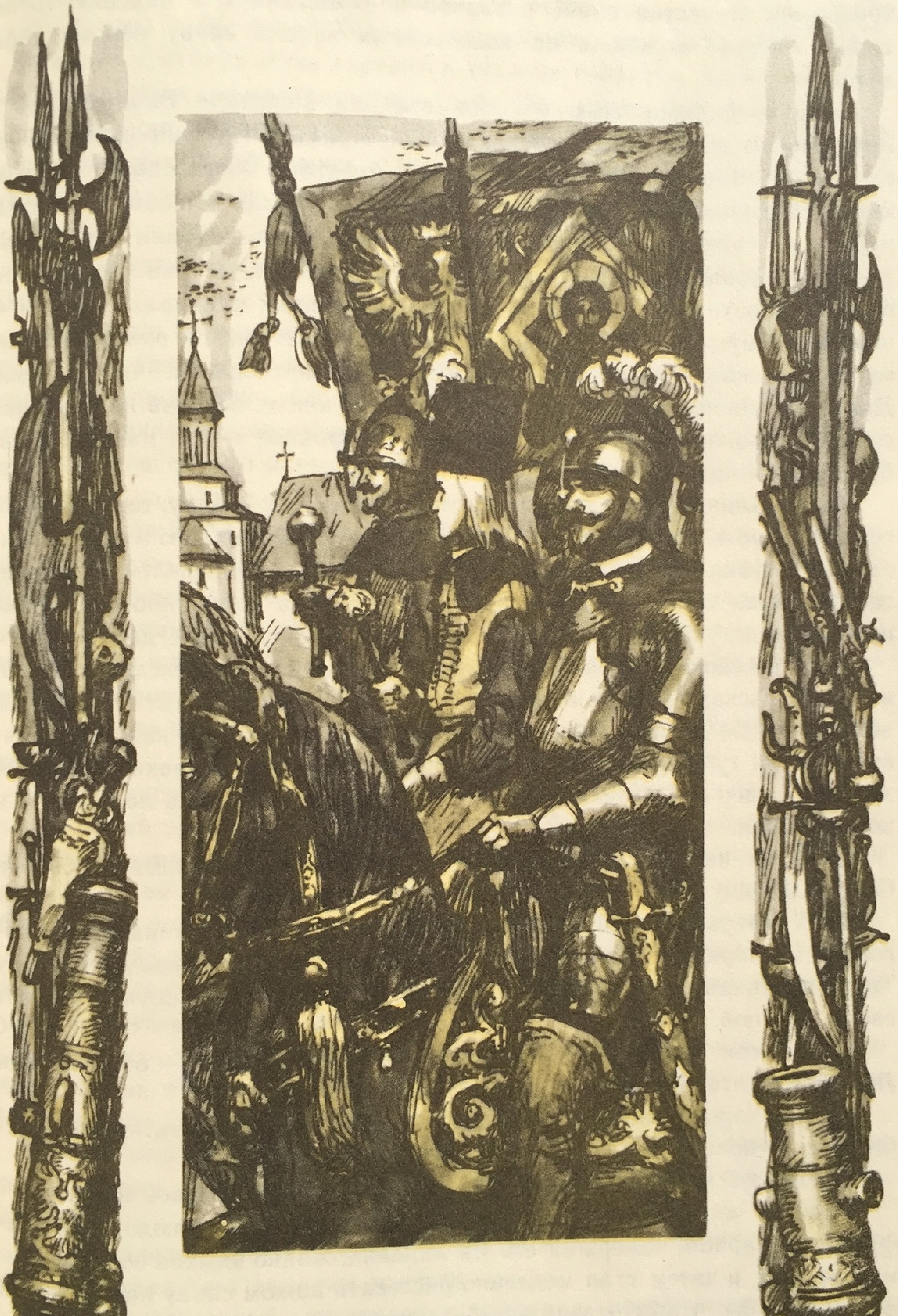
От имени старых бояр и отца митрополита явились конные бояре и возвестили: путь свободен, город ждет нового князя и пышного шествия. Весть о поражении Томши уже пронеслась по Яссам, словно ливень с градом: по улицам, настегивая коней, промчались растерзанные и взлохмаченные его сторонники — бояре и конные ратники.

Когда поезд выстроился, пан Вишневецкий подошел к князю Александру и гордо сказал, опустив перед ним саблю:

— Светлейший князь! Престол вашего отца ждет вас!

Юный правитель тряхнул белокурыми волосами, и его продолговатое бледное лицо осветилось улыбкой. Тонкий и стройный, он прямо держался в седле, и в своем наряде молдавских господарей, в дорогом кунтуше и собольей шапке, он, скорее, походил на княжну, переодетую в мужское платье.

По старинному обычаю, на городскую окраину вышли горожане,



привыкшие к частой смене порядков в Молдавии и к падению господарей. Медные колокола на колокольнях запели славу новому победителю.

С великой пышностью в город въехали шляхтичи Вишневецкий и Корецкий, а между ними следовал сын Иримии. Их сопровождали на гарцующих конях гвардейцы-французы капитана Монтеспана, нанятые княгиней Елизабетой — пятьдесят всадников в латах и шлемах, знатные рубаки с тяжелыми мечами. Гордо и равнодушно озирали они улицы: еще одна страна, еще один несчастный город. Молча, в таком же строгом порядке проехали и польские гусары в сверкающих мундирах, за ними — пестрая и шумная толпа польских и молдавских бояр, и опять ратники, много ратников, подгонявших плетками тысячные толпы пленных крестьян. Два часа длилось шествие. И лишь в самом конце, оставив на окраинах города сторожевые отряды, показались нестройные полки мазуров в забрызганных кровью тулупах.

Когда пышный поезд приблизился к господареву дворцу, торжественно грянули трубы, флейты и барабаны. Под эту оглушительную музыку Александру вступил в храм Николы-богатого, а оттуда направился во дворец, где его ждал трон, украшенный коврами. Войско наполнило двор и все прилегающие улицы, а бояре столпились в большой зале дворца.

Там они снова поздравили и обняли друг друга, и Александру воссел на родительский престол. Между тем радостные звуки флейт становились все громче. Во дворце готовился пышный обед, а воины — казаки и поляки — пошли гулять по купеческим дворам, врываясь в лавки, преследуя женщин — все победители, и знатные и простые, жаждали попировать и повеселиться.

Сидя за наскоро накрытым большим столом в трапезной, боярин Строе Орхеяну обратился к своему зятю, пану Лудно:

— А теперь, любезный зятек, между двумя кубками вина можно поговорить о порядках, которые, надеюсь, скоро установит князь Александру. Тогда ты увидишь, пан Антоний, что не зря вооружил и обучил пятьсот своих холопов.

— О, мои мазуры действительно творили чудеса, — ответил пан Лудно, протягивая кубок виночерпию.

— Это хорошо, но будет еще лучше, если их храбрость принесет тебе самому пользу. . .

— Что ты хочешь сказать, тестюшка? — спросил смеясь шляхтич.

Прежде чем ответить, Орхеяну придвинул к себе блюдо с десятифунтовым карпом, подержал его на ладонях, жадно вдыхая восхитительный аромат, и затем стал медленно рассекать ножом спину поджаренной в масле рыбы, чтобы отделить себе лучший кусок у самого хребта.

— Ох! — вздохнул он, облизываясь и глотая слюнки. — Умеют же

стряпать наши монахи... Не будь их да этого пруда в низине, разве видели бы мы такое чудо? Хочешь попробовать, пан Антоний?

Антоний протянул свою тарелку и стал не торопясь, маленькими кусочками класть в рот предложенную рыбу. Он с каким-то веселым удивлением следил за тем, как жадно и торопливо глотает пищу молдавский боярин. Быстро разделавшись с монастырским карпом, Орхеяну глубоко вздохнул и, откинувшись на спинку кресла, осушил с закрытыми глазами большой кубок вина.

— А теперь посмотрим, что поделывает князь, — шумно вздохнув, сказал он.

Александру сидел на высоком кресле во главе стола в окружении молдавских бояр и польских дворян. Первый же выпитый кубок явно поднял его настроение. Он разговаривал с Самоилом, польским гетманом, и молдавским ворником Нистором и с насмешливой улыбкой напоминал им о глупом и надменном послании Томши, полученном перед битвой.

— Мы написали ему ответ на спине! — говорил он весело. — Наверное, он его уже прочел и понял наконец, что не следовало торопиться. — При этом юный князь гладил нежными пальцами розовую атласную куртку и поправлял на груди золотые, в виде яйца, часы, напоминавшие ему, что сам он всего лишь четыре часа назад стал очередным недолговечным правителем Молдавии.

Орхеяну решил, что час благоприятный, и встал — высокий, толстый, бородатый.

— Всемилостивейший князь! — громко провозгласил он, и многие головы гостей тотчас повернулись к нему. — Мы все не жалели своих сил для тебя и помогли завоевать престол, оставленный твоим милостивым и храбрым отцом. А теперь мы, бояре, из старинных родов, слезно молим тебя: наведи порядок, господарь, выполи сорную траву, устраши злодеев и будь для нас добрым покровителем. Ибо все мы пострадали от разбойника Томши: отнял наше богатство, урезал земли, и остались мы нищими на чужбине, светлый господарь...

— Старик сказал правду, — суровым голосом отозвался со своего места ворник Нистор. — Надо вернуть боярам все, что у них отняли. Но и смердов следует простить — им тоже надо жить.

— Мы всех рассудим по справедливости, — сказал князь, гордо приосанившись. — Соберем бояр, подумаем, как вернуть стране былое величие.

Глаза молодого князя горели благородным огнем, и поляки торопливо воздавали хвалу его высоким мыслям.

Орхеяну, довольный, опустился в кресло и, повернувшись к зятю, хитро подмигнул:

— Ну вот, пан Антоний, ты хотел узнать, какая польза может нам быть от твоих храбрых мазуров. Слушай. Тебе известно, что в Верхней Молдове у меня четыре поместья с лесами, прудами, постоялыми дворами и мельницами. А в Нижней Молдове у меня их вдвое больше. Там я разводил лучший скот, чтобы продавать его в Польшу и даже в немецкие земли. Однако самое большое, самое лучшее мое мурдженское поместье размером в шесть или семь тысяч фалчий, о котором я тебе когда-то рассказывал, Томша отнял у меня и отдал этим шелудивым псам рэзешам. Как я любил это поместье, сколько дохода оно приносило! Там мои стада и виноградники, прибыльные заезжие дворы, а между селами — доходные мельницы, рыбные пруды и пасеки на пять тысяч ульев. Все это принадлежало мне и все было отнято тиранами... Настало время, пан Антоний, вернуть свое добро. Вот где истинное мое богатство. Рядом с ними другие мои поместья — безделица!

— Как! — весело вскричал Лудно. — А я-то думал, что ты, пан Строе, богат только на словах, а ты, оказывается, не беднее наших польских магнатов...

— И ты мог такое обо мне подумать! — оскорбился Орхеяну.

— Виноват, подумал, — весело подтвердил Лудно. — А теперь прошу меня простить... Я ведь стал твоим зятем не ради богатства, а потому, что полюбил Магду. Ради нее я надел на себя доспехи, ради нее приехал сюда. Что ж, раз у тебя есть такие богатства, мы отвоюем их и защитим...

— Все равно они достанутся Магде и тебе! — растроганно сказал пан Строе и осушил еще один кубок. А вокруг них в зале гудели голоса, из других помещений и со двора неслись песни и крики мелких дворян и рядовых ратников, которые тоже осушали кружки и насыщались яствами, наскоро собранными у местных жителей.

— Пускай веселятся,— говорил князю ворник Нистор.— Вся-то радость воину на этом свете — попировать...

Орхеяну меж тем склонился к уху пана Лудно.

— А знаешь, зятек, — весело проговорил он, — о чем я думал, пока осушал не торопясь этот кубок с вином? Понравилось мне, что в Польше все на своем месте: смерд — это смерд, пан — это пан. Есть кому землю пахать, есть кому воевать. Посадил ты своего человека на землю, прикрепил его к ней — он твой и есть. А вот у нас, мил человек, из-за всех этих неурядиц простолюдины разбредаются кто куда, а там ищи ветра в поле... А в местах, где народ побогаче, живут рэзеши, и спеси у них больше, чем у нас, бояр... Так и хочется свернуть их в бараний рог, чтобы они слушались меня и чувствовали во мне хозяина!

После этих ласковых слов, обращенных к поляку, Орхеяну снова протянул кубок назад, через плечо.

— Ибо я, вельможный пан, — продолжал он, — всегда горевал, видя такие беспорядки на нашей земле. Была она некогда велика и сильна — Штефан Старый и другие господари наши не раз бивали королей. Так говорится в древней славянской летописи. Спроси хоть ворника Нистора, он тебе подтвердит... И турок били, и венгров — всех... Так было в стародавние времена. А почему, достойный пан? А потому, что народ был послушен, все, как один, поднимались по знаку господаря и бояр. Сделать бы снова так — и воротилось бы прежнее величие... Веришь ли, пан Лудно, сердце болит, когда вижу, как низко мы пали...

Пан Лудно улыбнулся.

— Дождемся приезда Магды в свите княгини Елизабеты — и сразу помчимся с мазурами, куда прикажешь, — и наведем порядок. Так?

— Так, — растроганно подтвердил Орхеяну. — Сердце ликует при одной мысли, что мы с нашим князем опять на родине, что скоро я увижу пасеки, и мельницы, и сады, и все. На всем свете, пан, не сыскать такой благодатной земли...

Глава тридцать третья

НАСТАЮТ ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЕНА

Томша, осев в Валахии, то и дело врывался в Молдавию, добираясь порой до самого Бырлада. А войско Александру и польские отряды устанавливали между тем новую власть в городах и селах, назначали воевод и старост, требовали новых податей, корма для людей и лошадей. Гордая и непреклонная княгиня Елизабета хотела отдать страну во власть христиан-поляков, спасти ее от позорного ярма мусульман. Значит, нужно было набирать новые полки, а чтобы содержать их, требовались еще более тяжелые поборы. Ворник Нистор и польские гетманы всячески поддерживали княгиню в ее смелых замыслах. Но до их осуществления было далеко: страна была разорена, отряды, зазимовавшие в селах, чинили насилия, отнимали у селян хлеб, скотину и жен; напуганные крестьяне спасались бегством, покидая родные места.

А нетерпеливый пан Строе отправился с Магдой, паном Лудно и его мазурами к берегам Рэута, в места, по которым давно вздыхал. Весть о его прибытии сразу же дошла до капитана Шоймару. Мурдженские всадники примчались, словно за ними гнались по пятам. Был послеобеденный час — осеннее солнце сияло в ясном небе.

Всадники остановили коней, спешились и вбежали во двор. Тудор вышел навстречу. Рука у него была еще на перевязи.

— Что стряслось? — спросил он, хмуря брови.

— Капитан Тудор! — проговорил один из них, крестьянин, по имени Гаврил Лостун. — Мы с башни увидели боярина Строе, а с ним много людей. . .

— Что ж, этого следовало ожидать, — тихо ответил Тудор. — Значит, Орхеяну сразу поспешил сюда. А вы хорошо разглядели? Это в самом деле он?

— Нам ли его не узнать! — ответил Лостун. — У кого еще такое брюхо и такая дремучая борода? Все они остановились у плеса, там, где Рэут разливается, и долго глядели на остров. . .

— Так он не один?

— Нет. С ним и другие бояре. . .

— Хорошо, — сказал Шоймару, подумав. — Созовите немедля старейшин. . . И ударьте в колокол: пусть люди приготовят оружие и коней. Кто знает, что задумал Орхеяну. . .

Воины вскочили на коней и умчались. Деревня вдруг ожила. В тишине ясного осеннего дня до слуха Шоймару отчетливо доносились испуганные женские голоса, сзывавшие детей; люди расходились по домам, загоняли в хлевы скотину, мальчишки на неоседланных конях гнали в село табуны ржущих лошадей.

Тудор позвал Лие и велел ему держать наготове коня под седлом. Одной рукой он пристегнул к поясу саблю и надел смушковую шапку. Тут в воротах показался сутулый, но еще крепкий дед Миху, за ним — отец Штефан и другие старики — старейшины рода Шоймару. Надвинув на лоб барашковые шапки и опершись о посохи, они окружили капитана.

— Слышали? — крикнул Тудор, оглядывая их горящими глазами. — Орхеяну пожаловал в Мурджены.

— Явился, чтобы вернуть себе отнятую землю, — громко сказал Миху.

— Как будто я не знаю, зачем он пожаловал! — ответил Шоймару, поднимая голову. — Он прибыл затем, чтобы силой отнять наше законное добро, которое княжеский суд по справедливости вернул нам. Чья эта земля, его или наша?

— Не его, не его! — со стоном проговорил дед Миху. — Это наша земля, земля отцов и дедов наших! . .

— Стало быть, будем защищать ее?

И Тудор, гневно выпрямившись, обвел всех своими сверкающими очами.

Старики молчали. Даже Миху, согнув спину, потирал морщинистые щеки, думая, что сказать в ответ.

Тогда священник поднял глаза на капитана и медленно сказал:

— Если защищаться, то только нашими грамотами. Время ли теперь обнажать сабли?

— Так-то оно так, — сердито буркнул дед Миху. — Разве это по закону отнимать нашу землю?

— Я спрашиваю вас в последний раз, — коротко кинул Шоймару, — чья земля?

— Наша она, наша, — закивали старики, тряся бородами.

— Так почему же боярин силой отнимает ее у нас?

— Погодите, — заговорил снова священник. — Давайте подождем, добрые люди. Почему обязательно силой? Татары, что ли, напали на нас или турки? Боярин такой же христианин, как и мы. Он нас знает. Мы жили с ним рядом и еще жить придется, — как-никак его поместье у нас под боком. . . Подадим челобитную, поедем на княжеский суд, и пусть каждый выложит перед советом бояр свои грамоты. И слепой увидит, на чьей стороне правда. Неужели господь даст погубить нас? Разве мы мало вынесли за все наши прегрешения?

Старики повернулись к священнику, довольные его словами.

— Очень мудро. . . — тихо и сдержанно проговорил Тудор Шоймару. — Вижу, вы подобрели к старости, забыли прежнее. . . Поэтому о наших исконных правах, о том, что вы мне сами когда-то говорили, я лучше спрошу рэзешей помоложе, тех, что бились бок о бок со мной за князя Томшу. А вас, моих старых и добрых родичей, спрошу только об одном: кто убил булавой моего отца, с которым вы в молодости вместе сражались?

— Он прав, — твердо сказал дед Миху. — Постарели вы.

— Прав, — смягчился внезапно Шоймару, — потому что у тебя научился любить родную землю. . . Когда сейчас влетели в село гонцы с вестью о прибытии Орхеяну и разнесли ее по домам — то женщины и дети лучше нас поняли: пришел черный час; и шум, что поднялся в селе, доказал, что мое сердце не ошиблось!

— Племянник прав! — громко повторил дед Миху.

— Что ж, подождем, может, нашу правду и признают, — заключил Шоймару. — Но коней и оружие будем держать наготове!

Старики, опустив головы, подошли и обняли капитана. Они и сами понимали, что он прав, но ничего с собой не могли поделать. Их души, некогда знававшие упоение битвой, медленно погружались в тину забвения и всепрощения.

На звоннице гудел колокол. Шоймару, обуреваемый тревожными мыслями, молча направился к кладбищу. Здесь он постоял у камня, на котором было выведено имя его отца, и задумался. И чем больше он думал о том, что может случиться, тем сильнее становилась его тревога. Но когда он подошел к отряду своих конников, его движения были решительны, глаза суровы.

— Не выпускать сабли из рук! — приказал он и снова напомнил, что надо быть готовыми к любой опасности.

Однако до конца дня ничего не произошло, и солнце медленно погрузилось в голубоватый туман, словно в спокойное море, уходящее за горизонт.

Всадники, посланные в сторону Мурджен, привезли добрую весть — всюду спокойно.

— Что же он задумал? — спросил дед Миху, недоуменно поглядывая на племянника.

Шоймару пожал плечами, вздохнул и ничего не ответил, только туже затянул веревку, которой его рука была привязана к поясу.

Как только сгустились сумерки, над Буджакской степью на чистом, безоблачном небе показалась большая, кроваво-красная луна. У ворот остановился всадник, с ним был конный посланец из усадьбы.

Шоймару равнодушно опустился на завалинку. Старый Миху подождал, пока боярский слуга подойдет поближе, потом спросил с напускным спокойствием:

— Какие вести, молодец?

— Вести хорошие, — ответил слуга. — Наш боярин вернулся в усадьбу.

— Знаем.

— И послал меня к вам с добрым словом: его милость хочет помириться с вами...

— Он так и сказал?

— В точности так. Боярин говорит: новая власть на долгие времена. Пусть же земля обретет покой. Уладим наши дела. Каждому свое, и господь надо всеми.

— Слова и правда добрые, Констандин... — отвечал старик уже мягче. В нем проснулась надежда. К тому же он хорошо знал слугу боярина. Тот был когда-то пахарем, давно попавшим в кабалу Орхеяну.

— Каков же будет ответ? — спросил посланный.

Старик обернулся к Шоймару.

— Какой же ответ? — пробормотал капитан.— Там видно будет...

Слуга поскакал назад по освещенной луной дороге. Деревня, казалось, совсем затихла. Но у криницы Грозава, близ Мурдженских лесов, бодрствовали у оседланных коней рэзеши.

Тудор позвал Лие и велел ему подать коня и захватить заряженную пищаль. Проверив, висит ли у него на боку сабля, он помчался к Мурдженам — увидеть своими глазами, что делается в усадьбе боярина Орхеяну.

*

Глава тридцать четвертая

МАГДА ПОЯВЛЯЕТСЯ В ТРЕТИЙ РАЗ

В небе одиноко висела бледная, точно плоский оловянный круг, луна, заливая далеко окрест долины, леса, луга и воды слабым светом, стиравшим все очертания.

Стояла печальная осенняя тишина.

Некоторое время Тудор ехал скорой иноходью, затем перевел коня на шаг и, вступив на Мурдженский шлях, отдался своим думам.

Он ясно читал мысли боярина — теперь-то он знал его коварство. Не к добру привел он с собой столько людей! А это предложение мира рэзешам?

Когда богатый вельможа, приближенный князя, посылает такую весть, рэзешам остается только упасть на колени от радости и спешить в усадьбу — благодарить боярина за его милость и ласку! Тут-то и можно без лишнего шума схватить их всех и упрятать в подземелье, а то и отправить в стольный город. А потом, избавившись от защитников села, можно ворваться сюда, сжечь дарственные грамоты и прочие свидетельства, а заодно и имущество рэзешей. Теперь уж пощады не жди. Все Шоймару сражались за Томшу. Кто же станет их слушать и защищать при новом князе? Чтобы разом с ними покончить, такой человек, как Орхеяну, разорит, не задумываясь, все рэзешское село — это гнездо отважных защитников Молдавии. Такое ему не впервой.

И снова он вспомнил печальный рассказ деда Миху о том, как поднялись все Шоймару за свои права, как погиб лучший из них — его отец, чье залитое кровью лицо неотступно стоит перед его глазами, как призыв к беспощадной мести.

И он еще когда-то сомневался!

И снова ожили в нем воспоминания о его короткой безумной любви к Магде.

Какой она была тогда юной, нежной и прекрасной, как таинственно шептались над ними березы, как тихо шумел вдали старый бор. В упоении молодости им казалось, что они соединились навеки. Но не прошло и дня — расстались, расстались навсегда.

Да и любил ли он ее по-настоящему?

Любил. Но постепенно щемящая боль заполняла все его существо, сжимая сердце, словно сама земля наполняла его этой болью. В ушах звучал настойчивый голос, он звал его к могиле неотмщенного отца. Густая мгла легла между ним и загубленной его любовью, и в этой мгле застыла тень убитого...

— Между нами кровь, — шепнул он, точно в бреду.

Позади раздался голос Лие:

— Что ты сказал, господин?

— Ничего. Вспомнил прошлое.

— Господин, — заговорил снова Лие, — а ведь усадьба уже близко, и нам навстречу едут какие-то люди.

Рэзеш тряхнул головой, пытаясь отогнать непрошеные мысли. Ведь только потому и воскресли в его памяти эти образы давней любви, что рядом в усадьбе, совсем близко, находилась Магда. И он усмехнулся, вспомнив свою былую слабость и несбыточные мечты.

— Кто там? — шепнул он вдруг, натягивая повод.

И остановился на освещенной месяцем дороге, без страха ожидая встречи.

Мурдженская усадьба ярко светилась огнями. От опушки леса, на крутом берегу, до нее можно было доскакать в один миг. Перед ней неоглядной водной равниной разливался Рэут. К острову, заросшему об-

летевшими плакучими ивами, тихо скользили многочисленные черные точки: это дикие утки плыли по серебристой лунной дорожке.

В призрачном свете на дороге показались двое всадников. Вот они приблизились. Вдруг глаза Шоймару затуманились, перед ними встала неумолимая тень убитого отца. Ему казалось — все это сон. Но то была явь: в нескольких шагах от него была дочь Орхеяну, следом за ней почти рядом ехал какой-то незнакомый мужчина, которого Тудор сначала принял за боярина Строе.

Сердце Тудора болезненно сжалось, когда он узнал ее. Потом, пристально всмотревшись в ее лицо, он понял, что пути их разошлись навсегда. И когда он увидел, что и она его узнала, — тихо вскрикнула от неожиданности и тут же улыбнулась, весь гнев его, и клятва мести, и душившие его слова куда-то исчезли. Он вдруг ощутил, что они бесконечно далеки друг от друга.

— Какая неожиданная встреча! — нежно пропела Магда.

Она повернулась к Лудно и объяснила ему по-польски:

— Это один старый друг... Позволь, супруг мой, спросить его кое о чем. По-польски он не понимает...

Шоймару удивленно смотрел на нее. Что она задумала? Пан Антоний двинул вперед коня и приветствовал капитана легким поклоном.

— Добрый вечер, — пробормотал он. Потом спросил княжну: — Он боярского рода?

— Разумеется, — снова пропела она. — Это друг моего отца...

Шоймару недвижно сидел в седле. Лие смотрел на них большими глазами, ничего не понимая.

Магда обратилась к капитану по-молдавски:

— Такая лунная ночь — вот мы с супругом и решили проехаться... Какие у нас странные встречи! Сегодня мы видимся в третий раз... Ты, наверно, опечален и сердишься на меня...

— Ничем я не опечален и вовсе не сержусь,— ответил Тудор.

— Значит, ты понял, почему в Яневе так получилось...

Тудор промолчал. Она улыбнулась, потому что на нее смотрел муж, но голос ее звучал невесело:

— Помнишь, пан Тудор, как мы спускались лесом и смотрели с поляны на этот остров?

— Я все забыл, — медленно и тихо произнес Шоймару.

Она замолчала и пристально взглянула на него. Потом, словно ночная прохлада пронизала ее, зябко запахнула на шее белую накидку.

— Нет, ты не забыл, — быстро сказала она.

И поспешила добавить, словно не замечая присутствия Лие:

— И я любила тебя. Но наши пути разошлись, должны были разойтись. — Теперь ее голос звучал так же сладостно, как и прежде.

Шоймару вздрогнул, будто его полоснули саблей.

— Да, — добавила она, шутливо улыбаясь Лудно. — Я знаю, что и ты любил меня...

— Теперь между нами кровь, — тихо проговорил Шоймару, как бы продолжая свою одинокую беседу с самим собой.

— Знаю, отец мне все рассказал. Они сегодня советовались с моим мужем и задумали недоброе против рэзешей... Я хотела послать к тебе на заре гонца, предупредить, чтобы ты скрылся, ушел от беды...

— Как? — встрепенулся Шоймару. — Мурдженский боярин собирается меня убить, как он убил некогда моего отца? Ах, боярышня, ты сама открыла мне глаза, показала, до чего же бессмысленны наши встречи, как суетно все, что нас соединяло. Между нами лежит проклятие. Между мной и твоим отцом кровь! Уходи! Я простил тебе мое унижение...

И не говоря больше ни слова, Шоймару резко повернул коня и вскоре они вместе с Лие растаяли в бледном свете луны.

— Что ты ему сказала, душа моя? — недоумевал Лудно. — Вы поссорились, что ли? Отчего он умчался прочь как бешеный?

— Я сообщила ему важную новость, — ответила Магда, с трудом сдерживая волнение.

Глава тридцать пятая

МЕРТВЫЕ ПОВЕЛЕВАЮТ ЖИВЫМ

До самого утра никто не видел капитана Шоймару в деревне. После полуночи он приехал к кринице Грозава, где держал тайный совет со своими воинами; но никто не знал, где он блуждал после этого, даже Лие, который воротился домой один, озабоченный и удивленный суровым приказом господина не обмолвиться никому ни словом о том, что видел и слышал.

Солнце ласково освещало село в это воскресное утро, заливая теплыми лучами белые хаты и по-осеннему оголенные сады. Протяжно загудел на звоннице старой церкви колокол, и дрожащие звуки уносились в дальнюю даль, к морю и в дикую степь, туда, где земля и небо сливались в синеватой мгле.

Поселяне, испуганные вчерашней вестью, успокоились, узнав о приезде мурдженского слуги Констандина, о мирных словах боярина. Теперь они вместе со священником молились, благодаря всевышнего за то, что отвел от них беду и напасть...

— Может, старики и правы, — шептались женщины, прикрывая ладонью губы. — Мы и боярин — одной веры, все Христу молимся! Господь не допустит нового кровопролития... Хватит, натерпелись мы горя...

Воскресная литургия подошла к концу, и люди вышли на просторное кладбище. На могилах прели опавшие цветы. Женщины ходили по дорожкам, отыскивали могилы родных, зажигали над ними лампады. А старики, опершись о посохи, тихо переговаривались, провожая глазами пролетавшие над местом вечного упокоения серебристые нити паутины, называемые в этих местах «шелком усопших».

Легкий шум встревожил покой, окутавший село. На церковный двор вбежал Лосту́н, бывший сторож усадьбы, и сообщил, что в деревню въехал с малой свитой боярин Орхеяну и скачет сюда на совет со старейшинами рода.

— Едет смело, словно к себе в поместье, — сказал Лостун. — Качается в седле и поглаживает большую бороду... Встретит кого-нибудь на улице — усмехается...

— Чудеса! — пробормотал, покачивая головой, дед Миху.

Должно быть, Лостун успел оповестить Тудора Шоймару. Вскоре люди увидели, как он неторопливо входит во двор. Он не проронил ни слова и, хотя глаза его лихорадочно блестели, казался спокойным. Метнув быстрый взгляд в сторону женщин и детей, сгрудившихся неподалеку, капитан все так же молча присоединился к старейшинам, пощупал левой рукой перевязь правой, чтобы убедиться, что она не ослабла, потом опустил ее на рукоять сабли, выставив вперед ногу.

— Слыхал? — озабоченно шепнул дед Миху. — Боярин Строе едет на совет.

— Знаю, — ответил Тудор. — Подождем.

На улице показался пышно разнаряженный Орхеяну, величественно восседавший на высоком польском рыжем скакуне. За ним ехали вооруженные слуги, статные белокурые мазуры, зеленоглазые и скуластые. Боярин свернул к мостику и въехал верхом во двор церкви. Рэзеши подняли головы, но шапок не сняли.

Орхеяну остановил лошадь и, оглядывая всех собравшихся, с каким-то особым удовольствием проговорил:

— Здравствуйте, добрые люди.

— Здравствуй и ты, боярин, — приветливо ответил священник, сделав шаг ему навстречу. Остальные пробормотали что-то в ответ, внимательно разглядывая давнего недруга.

— Вы слышали, конечно, добрые люди, — загудел внезапно пан Строе, — что власти Томши пришел конец и на престол воссел князь Александру, которому и мы немало помогли. . .

— Слышали, — с ударением произнес дед Миху.

— До нашего князя дошло все, что тут делалось. Он знает, что оргеевцы помогали Томше, знает, что их вел капитан из рода Шоймару, но я сжалился над вами, умолил господаря простить вас. . .

Рэзеши молчали. А боярин вперился глазами в лицо Тудору Шоймару и проговорил со странным весельем:

— Как, капитан Тудор, и ты здесь? Вернулся с войны?

— Вернулся, боярин, — спокойно ответил рэзеш.

— Что ж, хорошая вышла встреча, я рад, ибо пришел к вам с миром.

— Господь воздаст тебе за все добро. . . — начал опять священник, но тут же пресекся: грозный взор Шоймару словно заморозил слова на его губах.

— Старики впадают в детство, — шепнул капитан деду Миху на ухо. — Ничего не разумеют, даже подождать не могут. . .

Дед нахмурил брови и насторожился.

— Вот я и прошу вас, добрые люди, — смиренно сказал пан Строе, —

вознаградить меня за все мои старания. Отдайте по доброй воле землицу — ведь я как-никак просил за вас князя и добился прощения...

Рэзеши, испуганно переглянувшись, зашумели. Теперь они понимали, отчего так ласково улыбался боярин!

— Что ж вы мне не отвечаете, добрые люди? — продолжал все так же вкрадчиво Орхеяну.

— Как же так, боярин? — спросил дед Миху, в упор глядя на него. — Ты хочешь отнять у нас земли, которыми владел и которые правый суд вернул нам четыре года тому назад?

— Нет, дед, — с улыбкой ответил пан Строе. — Мне нужна вся ваша земля. Отдайте и остальное — чтобы все было в целости.

— А нам как же быть?

— А как вразумит вас господь...

Старейшины онемели. Женщины начали всхлипывать.

— Чему ты удивляешься, капитан Тудор? — вдруг надменно закричал боярин. — Что ты смотришь так на меня? Разве тебе не понятно? Вчера ты был в силе, сегодня — я!

Шоймару сделал шаг вперед и сказал:

— Я что-то не понимаю тебя, боярин.

— А что тут понимать? — крикнул опять Орхеяну, не спуская глаз с воина. — Таково мое решение, вот и все. Кто из вас осмелится поднять против меня хотя бы палец? Вашего злодея Томши нет более, новая власть развеет вас, как пыль, только посмейте слово сказать! Вот почему я явился в ваше логово, вот почему никто из вас не решится рукой пошевельнуть, ха-ха!

— Ошибаешься, боярин, — спокойно сказал Шоймару.

— Вот как! Это я ошибаюсь? Как бы не так! Да стоит моим мазурам крикнуть словечко по-польски, сюда мигом примчится весь их отряд и враз уложит вас всех. Может, ты дерзнешь что-нибудь сделать, Шоймару? Да нет, куда там, ведь у тебя рука сломана. Что ж, я прощаю тебе дерзкое слово, потому что ты однажды оказал мне услугу...

— Боярин, — проговорил Тудор, и глаза у него загорелись мрачным огнем, — напрасно ты полез в логово волка! Одна рука у меня еще крепка, и я уложу тебя на могиле моего отца, которого ты убил булавой князя Арона. Ты пролил кровь — настал час расплаты!

Боярин рванул повод коня. Мазуры издали протяжное гиканье, в ответ им с околицы послышались грозные крики.

— Не посмеете, злодеи! — взвыл Орхеяну. — Не посмеешь, смерд! — насмешливо обратился он к Шоймару. — Я размозжу тебе голову, как твоему отцу, и всех вас сотру с лица земли...

Поддавшись бушевавшему в нем гневу, который он до поры скрывал за усмешками и ласковыми словами, Орхеяну перегнулся в седле,

плюнул на Шоймару и, выхватив из-за пояса булаву, занес ее над головой капитана.

Но воин успел обнажить саблю. И тогда жители села увидели, каким он может быть в бою: лютым, как зверь, с жестоким взором и мертвенно-белым лицом. Перемена была так внезапна, что они не узнали его. Вскинув голову, он прыгнул, точно подброшенный пружиной, и полоснул боярина по голове. Второй раз взлетела вверх сабля, и Шоймару испустил такой страшный крик, что мазуры, всполошившись, повернули коней и помчались к воротам.

Крик Шоймару был условным знаком. Выехав из оврага за церковью, на улице показались отряды конных рэзешей, вооруженные саблями и сулицами. Впереди скакал Лие, ведя в поводу коня капитана. На мгновение они остановились, заполнив всю улицу, в ожидании приказа. А сельчане смотрели, как Шоймару тащит за бороду грузное тело боярина и бросает его у могильного камня, на котором начертано имя Ионашку и страшный год его гибели.

Не оглядываясь, Тудор кинулся к воротам; Лие, склонившись, поддержал его и помог взобраться на коня. Снова раздался знакомый клич, и конные отряды пустились вскачь по направлению к Мурдженам, к прудам и боярской усадьбе.

Тогда дед Миху подошел к телу боярина, лежавшего в луже крови, медленно снял с плеч кунтуш и прикрыл им лицо и грудь убитого.

Повернувшись к остальным, он проговорил охрипшим, усталым голосом:

— Упокой господи душу его...

А Шоймару мчался во главе своих разъяренных конников к боярской усадьбе. Налетев на отряд мазуров, они заставили их повернуть коней и, рубя саблями, погнали и сбросили в воды пруда. Затем рэзеши поскакали дальше и остановили тяжко дышавших коней у ворот усадьбы.

— Вот оно, осиное гнездо! — крикнул Шоймару, протянув саблю. — Развеем его и сровняем с землей!

Лудно и его супруга, напуганные шумом, вышли на крыльцо и стали спускаться по ступенькам. Но увидев людей, бежавших к ним с саблями наголо, повернули назад, ища спасения в доме. Женщина издала громкий, пронзительный крик. Муж обнажил палаш. Рэзеши ринулись на них, но Шоймару бросился вперед и прикрыл собой Магду.

— Братья, не убивайте их! — крикнул он.

Воины отступили, переводя дыхание. Тогда Тудор обратился к чете, стоявшей на коленях.

— Встаньте, берите коней и немедля уезжайте. Мои люди проводят вас до Сорок.

Только Магда поняла смысл его слов. Увидев гневное лицо капитана,

его остекленевшие, как у зверя, глаза, она догадалась о том, что произошло, и застонала, сжимая руками виски и в ужасе глядя на него. Рэзешские парни подняли ее и повели в дом.

Шоймару приказал принести пучки соломы и угли и собственными руками поджег мурдженскую усадьбу. Всю ночь неистово бушевало во мраке пламя, а к утру рэзеши разобрали обуглившиеся остатки стен и развеяли их на все четыре стороны. В понедельник в полдень, когда усадьба была сровнена с землей, Тудор вывел на пепелище плуги.

Над головами людей нависало хмурое небо, ветер гнал со стороны гор рваные тучи, закрывавшие солнце. Прямо и решительно сидел на коне Тудор, а вокруг собрался ведь род Шоймару — от мала до велика. Все неотрывно следили за медленным продвижением тройных бычьих упряжек. Воины нажимали ручки плугов, перепахивая то место, где недавно жил и властвовал боярин Орхеяну.

Глава тридцать шестая

У КАЖДОЙ ИСТОРИИ БЫВАЕТ КОНЕЦ

Окончен труд. Исписана последняя страница. Но добрый обычай старых рассказчиков велит мне добавить несколько слов о судьбе вдовы князя Иримии: ни одна молдавская княгиня не знала такого печального конца. Год спустя, в лето 1617, турецкие и татарские отряды и толпы местных жителей ворвались в Яссы, разбили войско, старательно собранное ее зятьями, а ее предали позору, как о том печально повествует летописец. Дом ее в Молдавии был разрушен, сыновья подверглись унижению. Только дочери по-прежнему жили в роскоши и славе, но, гордые и властолюбивые, как и мать, посеяли немало раздоров и несчастий. И когда они умерли, все о них забыли. Лишь в польских проклятьях еще поминают их имена.

Когда Томша во второй раз пришел на княжение, он бросил серебряный грош нищему слепцу, стоявшему у паперти господаревой церкви. Это был прежний армаш Никорицэ. Узнав по голосу своего повелителя, несчастный смиренно поклонился. А князь, умудренный жизнью, заметно подобревший, вздохнул, вспоминая, как переменчивы судьбы людские.

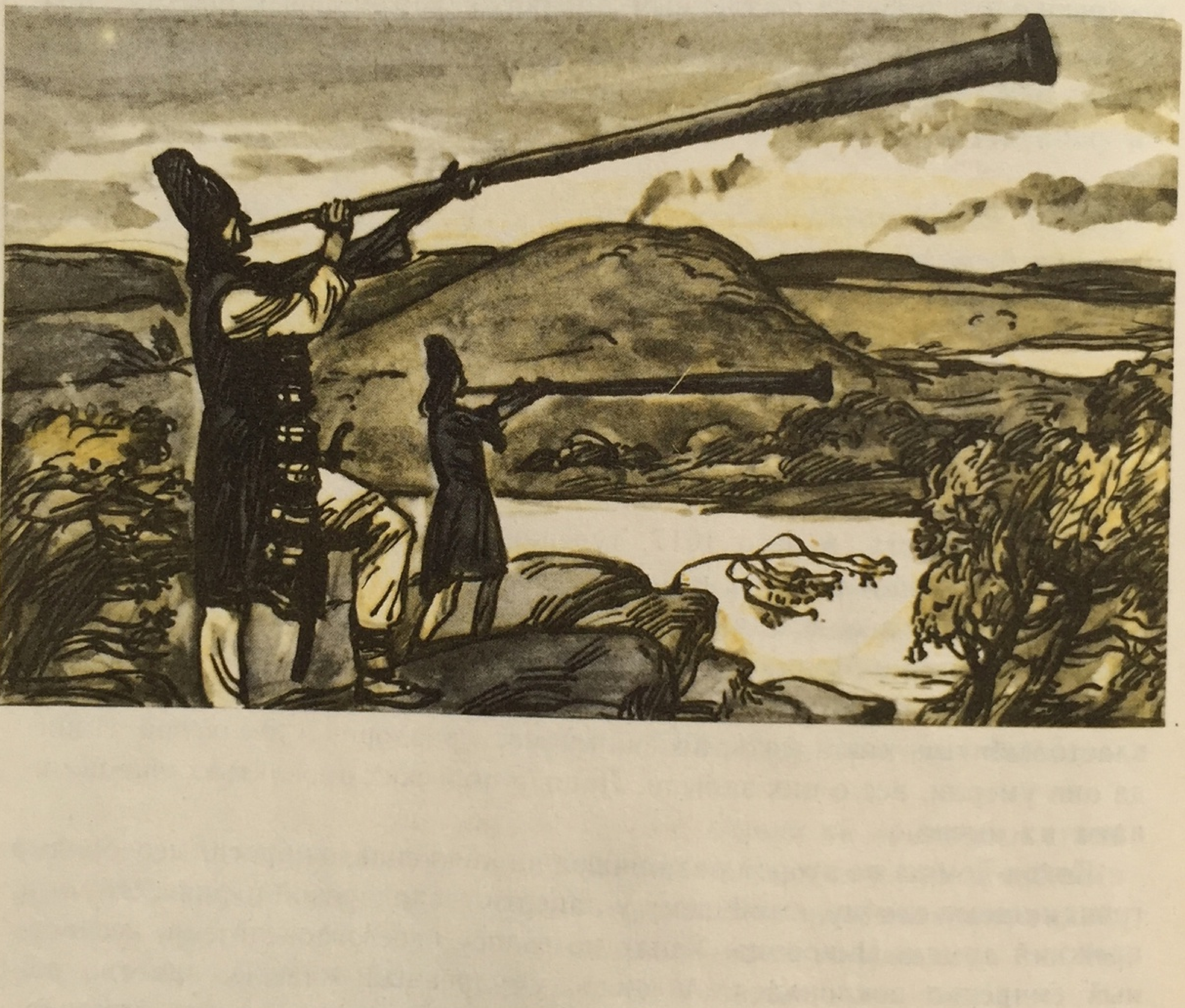
Бырновэ, как известно, тоже правил в Молдавии, и звали его Барновский. В те годы ногайцы Кантемира не подходили к рубежам нашей земли.

Магда скиталась по чужим краям до самой смерти. Но какая-то частица души навсегда осталась на заветной поляне, откуда видны были воды и села оргеевской земли.

Не стало тех лесов, исчезла поляна, как тает запах хрупкого цветка.

Тяжкие гонения обрушились на Тудора, его жену Аницу, деда Миху и весь рэзешский род, но они не покорились. Новые владыки притесняли их потомков. Время наносило удар за ударом, пока совсем не пригнуло их к земле.

Деды мои — правнуки тех воинов. И эту повесть о событиях трехсотлетней давности, о стойкости предков я писал в тиши пасеки, и сердце мое полнилось отзвуками их страданий.



ОГЛАВЛЕНИЕ

Книга мудрая и увлекательная 5

ГЛАВА ПЕРВАЯ
В излучине Сакса 9

ГЛАВА ВТОРАЯ
Иные сражения выигрываются быстро 12

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
Кому пировать, а кому горевать 18

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
Как становятся побратимами 23

ГЛАВА ПЯТАЯ
Дорожные сборы 26

ГЛАВА ШЕСТАЯ
Появляется боярин Строе 30

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
Драгоценная добыча 35

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
Олесь не ошибся 39

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ
Боярин Орхеяну мирится с дедом Кирилэ 45

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ
Радость боярина Строе 48

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ
Боярин Строе — добрый бражник 53

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ
Молодые тайны леса 56

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ
Крест на могиле рэзеша 60

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ
Тудор Шоймару колеблется 65

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ
Томша вступает на княжеский престол 68

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ
Поездка за Днестр 76

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ
Учтивый шляхтич 81

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ
По прихоти случая 87

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ
Свидание 91

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ
Грезы пана Корибута 95
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ
Птенец возвращается в гнездо 101
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ
Тень Ионашку 105
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Древние грамоты 108
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Рэзеш обретает родину 115
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ
Бояре замышляют недоброе 118
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ
Что может сказать бесхитростная девушка 124
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ СЕДЬМАЯ
Тревоги князя Томши 129
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВОСЬМАЯ
Кровавый суд 132
ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ДЕВЯТАЯ
Сговор в стане вдовы Иримии 136
ГЛАВА ТРИДЦАТАЯ
Старые друзья встречаются вновь 142
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЕРВАЯ
И власть недолговечна, как все на этом свете 147
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ВТОРАЯ
Печали боярина Строе 154
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ТРЕТЬЯ
Настают тяжелые времена 159
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ
Магда появляется в третий раз 163
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ПЯТАЯ
Мертвые повелевают живым 167
ГЛАВА ТРИДЦАТЬ ШЕСТАЯ
У каждой истории бывает конец 171

Дорогие ребята!
Ваши отзывы об этой книге
присылайте по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.

*

Для среднего возраста

Михаил Садовяну

ПЛЕМЯ ШОЙМАРУ

Роман

Ответственные редакторы
М. Ю. Кожевникова
и Н. С. Мавлевич.
Художественный редактор
И. Г. Найденова.
Технический редактор
Н. Г. Мохова.
Корректоры
В. В. Борисова и Е. И. Щербакова.

ИБ№175

Сдано в набор 23/IV 1976 г. Подписано к печати 21/I 1977 г. Формат 70×100 1/16. Бум. офс. № 1. Печ. л. 11. Усл печ. л. 14,3 Уч.-изд. л. 11,75. Тираж 75 000 экз. Заказ № 276. Цена 68 коп. Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Садовяну М.

С 14 Племя Шоймару. Роман. Пер. с рум. М. В. Фридмана. Рис. О. Гроссе. М., «Дет. лит.», 1977.

174 с. с ил.

Эта книга рассказывает о событиях и героях далекого прошлого Молдавии, о судьбе защитника народных прав, отважного капитана Шоймару.

И(Рум)

70803—220
С————————381—77
М101(03)77

Цена 68 коп.